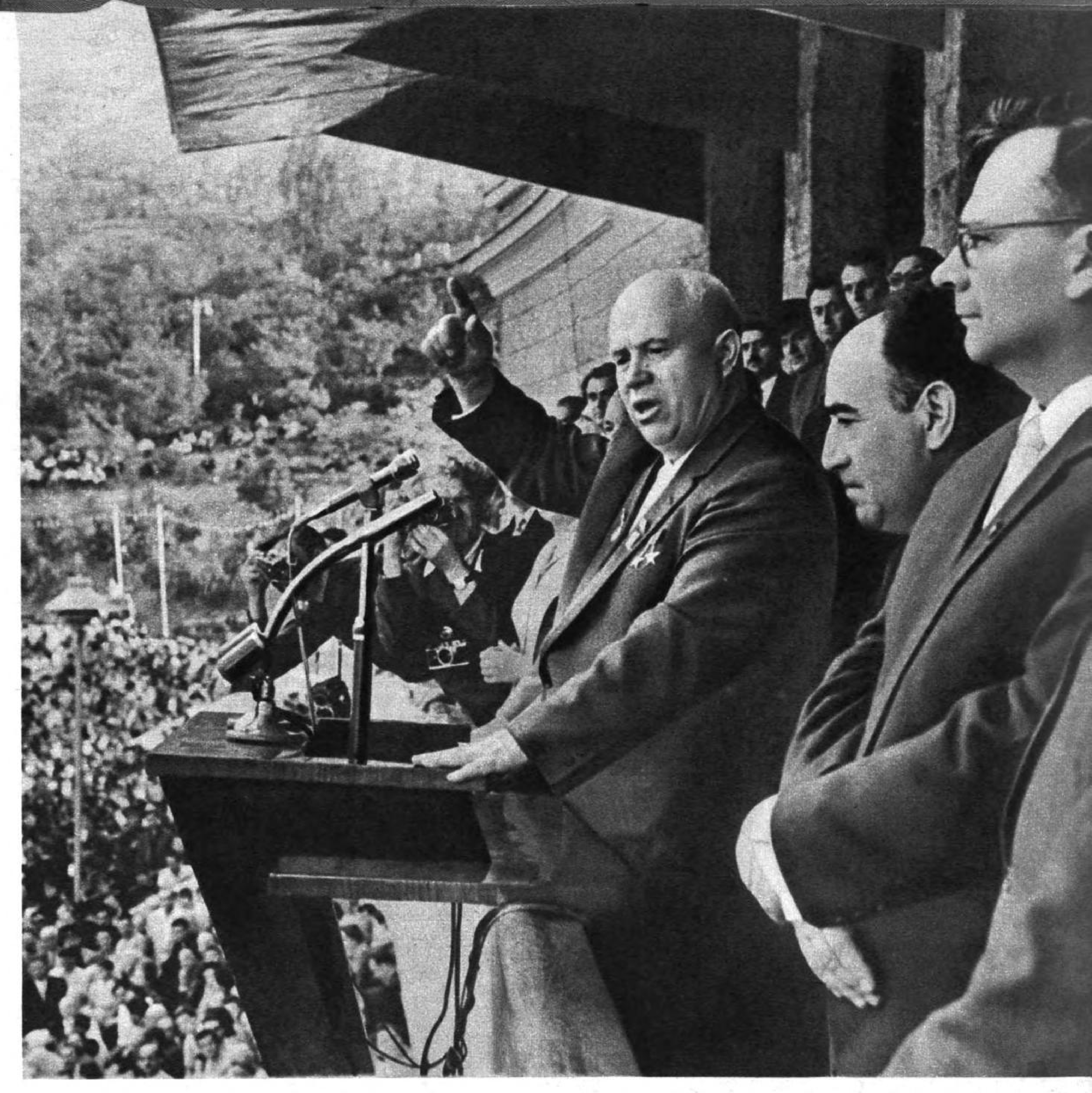

Валерий Брумель в этом номере рассказывает, как он победил рекордсмена мира Джона Томаса.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
ОГОНЁК
№ 21 (1770)
21 МАЯ 1961
39-й год издания
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Выступление Н. С. Хрущева на многотысячном митинге в Тбилиси.

Фото Дм. Бальтерманца.

Волей ленинской партии, самоотверженным трудом грузинского народа при братской помощи всех народов нашей Родины Грузия превратилась в промышленную республику, в республику передового механизированного сельского хозяйства.

Н. С. ХРУЩЕВ

← В зале торжественного заседания Верховного Совета Грузинской ССР и Центрального Комитета Коммунистической партии Грузии.

Тбилиси. 13 мая. На стадионе «Буревестник».

Н. С. Хрущев в сопровождении руководителей республики посетил Выставку достижений народного хозяйства Грузии.

Радостно отметил народ Грузии праздник дружбы и братства— 40-летие Советской власти и Коммунистической партии Грузии.

ЛЮДИ ШЕСТИДЕСЯТЫХ ГОДОВ

М А Ш И

О. ШМЕЛЕВ

Фото А. УЗЛЯНА.

Обычное дело: занялся новый день, и вот идет он, машинист Петр Тоцкий, как всегда, со своими помощниками Дмитрием Бараном да Серафимом Мазуром по знакомому лабиринту путей...

Обычное дело: прощупать и прослушать снаружи и внутри могучую машину — тепловоз, как там бьется пульс дизелей, как они дышат...

И обычный рейс: до последней шпалы знакомое плечо Львов — станция Сянки, что высоко в горах, в Карпатах, 3 028 тонн, 200 осей...

Но даже если человек уже четвертый десяток на своем веку водит тяжелые маршруты, даже если ему приходилось ездить под шрапнелью и под бомбами, каждый очередной рейс для машиниста как будто самый первый в жизни. Потому что — дорога! Здесь иначе нельзя.

Рука ложится на отполированную крепкими ладонями машинистов головку контроллера, второй помощник докладывает, что с дизелями все в порядке, и четыре тысячи лошадиных сил влегают в работу. Сначала медленно, словно примеряясь к огромной тяжести, потом, постепенно наращивая скорость, тепловоз вытягивает длинный — больше километра — маршрут из хитросплетения станционных путей на простор перегона.

Сигналит радиотелефон. Диспетчер дает поправки к графику: маршрут должен идти быстрее. Там, за спиной у машиниста, на платформах и в вагонах — срочный груз: сельскохозяйственные машины — их ждут на полях; лес и железобетонные конструкции — для них готов фронт работ на стройках; кокс и руда — их жаждут домны.

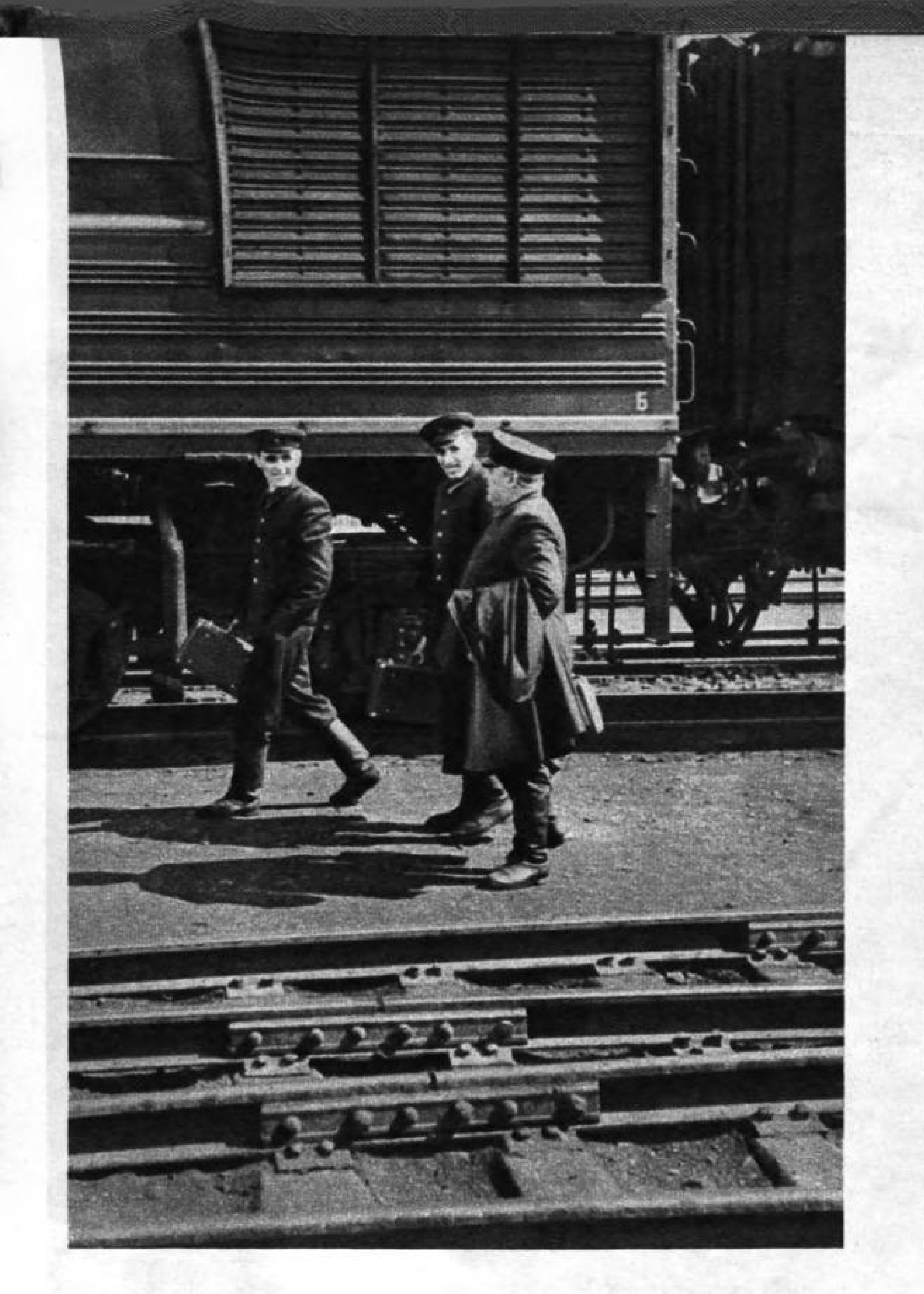
Лоснятся накатанные полоски рельсов, сходящиеся в одной точке где-то далеко у горизонта. Скоро первая большая станция, которую должны пройти с ходу,— Любень Великий. Машинист и помощник вглядываются, стараясь пораньше увидеть мигающее, как маленький маячок, круглое око светофора.

— Зеленый есть,— говорит помощник.

— Есть зеленый,— репетует машинист.

Таков закон: два бдительных глаза — хорошо, но надежней четыре...

С 1930 года неотлучно на железных дорогах Петр Корнеевич Тоцкий: не перечтешь маршрутов, доставленных им по назначению,—

Н И С Т

скоростных, тяжеловесных. У машиниста не могут быть вехами на жизненном пути километровые столбы, слишком их много, сотни и сотни тысяч. Вехами значатся глубоко личные события жизни: четыре дня рождения — дочери Зины, сынов Виктора, Георгия и Николая; в 1939 году вступил в партию, в 1959 году присвоили звание Героя Социалистического Труда — по официальному выражению, за успехи в развитии транспорта, а вообще же, как он сам считает, просто за честный труд. Когда-то шумная бывала компания дома у Петра Корнеевича и Марии Степановны Тоцких, если собирались все вместе, а сейчас подросли дети и разлетелись. Виктор строит железную дорогу в Сибири, Николай служит в армии; с ними лишь в письмах поговоришь. Зинаида и Георгий здесь, во Львове, но живут самостоятельно, а Георгий уже успел сам стать отцом; это его дочка Галя так любит встречать деда, когда он со своим чемоданчиком в руках возвращается из рейса.

И еще есть вехи. Вот уж третий раз выбирают Петра Тоцкого депутатом в горсовет. Там он занимается транспортом. У городских трамвайщиков, в троллейбусном и автобусном парках депутат-машинист — свой человек. И в училище, которое готовит кадры для транспорта, знают машиниста.

Почему это так? Почему и в члены обкома партии избрали коммунисты Петра Тоцкого? Потому что он, как они. Он понимает их до конца, как они понимают его. Когда на собрании Петр Корнеевич поднимет руку и отчетливо произнесет: «Прошу слова!» — коммунисты знают: он скажет дело...

Близится еще одна веха: осенью будет съезд партии — Двадцать второй. Чем его встретить машинисту? Может, уместно — нет, не в качестве особого подарка, а просто как добрая строчка в летописи депо — то, что Тоцкий решил до октября подготовить своих помощников к сдаче экзаменов на самостоятельное вождение тепловозов? Петр Корнеевич твердо поручится за обоих: они будут настоящими машинистами.

У Петра Тоцкого хорошая память. Он не забыл и никогда не забудет, как учил его в далекие тридцатые годы старый большевик машинист Илларион Сергеевич Курень. Теперь вот он сам учит людей помоложе себя, а потом они научат других. Преемственность — это высокопарно звучит, но он знает: в этом сила его класса — рабочей косточки...

Летит состав по укатанным звонким рельсам. Мелькают станции: Комарно, Самбор, Ясеница, Яблонка. Круглые глаза светофоров глядят тепловозу в лобовые стекла.

— Зеленый есть,— говорит помощник.

— Есть зеленый,— дублирует машинист.

Обычное дело—обычный рейс...

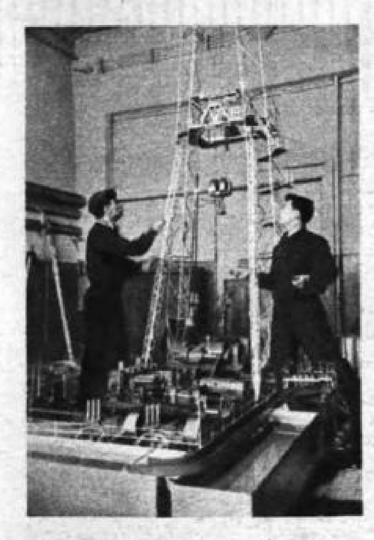

ДЕНЬ ЗА ДНЕМ

Трудовые победы — XXII съезду

ДЕЙСТВУЮЩАЯ МОДЕЛЬ НОВОЙ ОРИГИНАЛЬНОЙ БУРОВОЙ УСТАНОВКИ «Уралмаш-9Д» будет демонстрироваться на советской выставке в Лондоне. Модель создана макетной группой инструментального цеха на Уралмашзаводе.

К XXII съезду партии завод выпустит десять таких мощных агрегатов. Они рассчитаны на скоростное бурение нефтяных и газовых скважин глубиной до 3 тысяч метров.

Новую установку отличает высокая степень механизации и автоматизации, благодаря ей сильно повысится производительность труда бурильщиков. Предварительно собранная секционная 42-метровая вышка может быть поднята и установлена за 15—20 минут. А монтаж всей буровой производится в четыре раза быстрее, чем раньше. Две опытные установки недавно с успехом выдержали производственные испытания.

На снимке: слесарь-лекальщик Владимир Самсонов и слесарь-электрик Борис Екимов монтируют модель «Уралмаш-9Д».

Фото И. Тюфякова.

НА ПРАЗДНИКЕ ДРУЗЕЙ

Май — праздничный месяц в Чехословакии. 9 мая страна отметила День освобождения, а 14 мая весь народ торжественно праздновал сорокалетие своей боевой Коммунистической партии.

Как самых дорогих, близких друзей встречала Чехословакия делегацию КПСС во главе с Л. И. Брежневым.

Делегация КПСС вместе с членами Политбюро ЦК КПЧ присутствовала на открытии выставки «40 лет Коммунистической партии Чехословакии».

На торжественном пленуме Центрального Комитета КПЧ, который состоялся в историческом Испанском зале Пражского Града, Л. И. Брежнев сердечно поздравил весь чехословацкий народ с 40-летием славной Коммунистической партии Чехословакии. В знак искренней дружбы и глубокого уважения Л. И. Брежнев передал Центральному Комитету КПЧ памятный подарок коммунистов Советского Союза — бюст великого вождя и учителя трудящихся всего мира Владимира Ильича Ленина.

Празднование юбилея Коммунистической партии Чехословакии — яркое проявление нерушимой дружбы братских партий.

На снимке: Л. И. Брежнев и А. Новотный на выставке «40 лет Коммунистической партии Чехословакии».

Фото ЧТА.

ДОСРОЧНО СПУЩЕН НА ВОДУ ТАНКЕР «ПРАГА». Так судостроители Балтийского завода в Ленинграде готовятся к встрече XXII съезда нашей партии.

«Прага» — четвертое из серии крупнотоннажных нефтеналивных судов, на бортах которых начертаны имена столиц братских стран. Кораблями дружбы называют балтийцы эти огромные океанские суда, поставляющие нефть во многие порты мира.

Построенные ранее «Пекин», «Варшава», «Будапешт» в первых же рейсах показали высокие мореходные качества. Сейчас разработан проект нового танкера — «София». По грузоподъемности он намного превосходит своих предшественников.

Фото А. Бродского.

СОВЕТСКАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ отметила шестую годовщину подписания Государственного договора о восстановлении независимой и демократической Австрии. Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев в поздравительном послании федеральному канцлеру Австрийской Республики г-ну Альфонсу Горбаху подчеркнул, что Государственный договор и постоянный нейтралитет представляют хорошую основу для независимого и мирного развития Австрийской Республики, служат упрочению мира в Европе.

В Доме дружбы с народами зарубежных стран состоялся вечер советско-австрийской дружбы. С докладом об укреплении дружественных и культурных связей между СССР и Австрией выступил председатель правления Советско-Австрийского общества композитор Д. Д. Шостакович. Тепло были встречены выступления министра иностранных дел РСФСР С. Г. Лапина и атташе австрийского посольства г-на Хинтерэггера, советского кинокритика Р. Н. Юренева и доктора физико-математических наук А. Г. Масевич.

На снимке: Д. Д. Шостакович выступает на вечере советско-австрийской дружбы.

Фото П. Логвинова.

ЖИЗНЬ ИОГАННА КОПЛЕНИГА, председателя Коммунистической партии Австрии, неразрывно связана с историей борьбы австрийского рабочего класса против реакции и фашизма, за свободу и независимость страны. Коммунисты Австрии и вся прогрессивная общественность страны с большой теплотой отметили 70-летие Иоганна Копленига. Видного деятеля международного рабочего движения поздравили коммунистические и рабочие партии многих стран мира. Поздравительную телеграмму Иоганну Копленигу направил Центральный Комитет КПСС.

На снимке: Иоганн Копleниг (второй слева) и другие руководители КПА на трибуне перед парламентом во время первомайской демонстрации трудящихся в Вене.

→

О ВАСИЛИИ ТЕРКИНЕ никак нельзя сказать, что это только армейский герой: Теркин — любимец всего нашего народа!

Поэму лауреата Ленинской премии А. Твардовского инсценировал для Театра имени Моссовета Константин Воронков. Роль Теркина в спектакле, который поставлен режиссером А. Шапсом, играет артист Б. Новиков.

Фото А. Гладштейна.

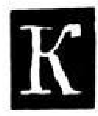

Вертолет доставил нас к кратеру вулкана.

На краю огненного кольца

Г. КОПОСОВ

Фото автора.

то бывал в Петропавловске-Камчатском и «болел» там на спортивных состязаниях, наверное, обратил внимание на своеобразную темно-серую ноздреватую гаревую дорожку стадиона. Но не все знают, что покрытие ее добыто из сердца вулкана.

— Недавно приезжал к нам конструктор спортивных сооружений, — сказали мне работники стадиона. — Он утверждал, что лучшего материала для гаревых дорожек нельзя и придумать.

Значит, вулканы могут не только разрушать, но и приносить пользу? Как же люди используют энергию вулканов? Можно ли предсказывать извержения?

С этими вопросами я обратился к директору Камчатской геолого-геофизической обсерватории, члену-корреспонденту Академии наук СССР Б. И. Пийпу.

— На земле вулканы расположились главным образом в районах, где еще не закончились процессы горообразования, вдоль трещин и наиболее глубоких разломов земной коры, — сказал ученый. — Словно огненным кольцом, опоясывают они земной шар, пересекая нашу страну в районе Камчатки и Курильских островов.

Систематические научные исследования вулканической деятельности начались с 1935 года. Но сейчас стоящие перед вулканологами проблемы не ограничиваются только разработкой прогнозов

Белоснежные вершины вулканов, устремленные в голубое небо, видит каждый прилетающий на Камчатку.

Руководитель нашей экспедиции Николай Огородов. Здесь, на Камчатке, он родился и сюда вернулся работать после окончания Московского университета в 1959 году.

Идем к кратеру Мутновского вулкана.

Анатолий Чирков определяет геологические особенности строения вулкана.

природных катастроф и определением геологического строения вулканов. Нас интересуют и чисто практические вопросы использования колоссальных запасов подземной энергии.

Работа вулканолога увлекательна и опасна. О ней трудно рассказать. Лучше пойти с экспедицией и все увидеть своими глазами.

...Я последовал совету ученого, и скоро группа молодых исследователей-вулканологов приняла меня в свою дружную семью. Нам предстояло отправиться к кратеру вулкана Мутновский. Над ним поднимался грибообразный столб газов, нагруженных пеплом, а по вечерам стояло красное зарево.

Дня через два вертолет высадил нас в нескольких километрах от кратера. Но и этот сравнительно короткий путь к кратеру был нелегок. А затем началась работа. У каждого участника экспедиции свои задачи. Анатолий Чирков, например, определяет геологические особенности строения вулкана. Иван Кирсанов замеряет количество и границы распространения выброшенного извержением пепла, собирает его для анализов. Это тоже поможет ученым в определении активности вулканов.

В лагерь вернулись вечером. В полевом журнале экспедиции уже появились первые итоги научных наблюдений. В результате последнего извержения активный кратер углубился на 50—80 метров. Повысилась температура и скорость выделения вулканических газов. На больших площадях в районе вулкана обнаружен слой пепла глубиной от 8 до 40 сантиметров.

...После экспедиции я вновь встретился с директором Камчатской геолого-геофизической обсерватории. Теперь Б. И. Пийп ответил на мой вопрос об использовании энергии вулканов в народном хозяйстве.

— Вы знаете, что только одно извержение вулкана Безымянного выделило тепловую энергию, равную примерно годовой выработке ГЭС имени Ленина! — говорит ученый. — А вы представляете, как важно решение этой проблемы для Камчатки? Ведь сюда все виды топлива приходится завозить. Да и сооружение гидроэлектростанций на реках невыгодно, так как нарушает водный режим, необходимый для рыбоводства.

Сейчас уже ведутся разведывательные работы для строительства первой в стране опытно-промышленной геотермической электростанции в районе Паужетских горячих ключей. Там пробурено 17 скважин глубиной до 500 метров.

На Паратунских горячих ключах построены теплицы. В них выращивают огурцы, помидоры, лук и другие овощи.

Кроме того, во время извержений на поверхность земли выбрасывается много различных вулканических продуктов, которые человек тоже научился использовать. Например, из пемзы делают легкие пористые строительные блоки; из различных видов лав выпускаются электроизоляторы и облицовочные плиты; вулканическое стекло служит отличным сырьем для первого на Камчатке домостроительного комбината.

Кстати, надо сказать, что города и поселки Камчатки находятся в отдалении от своих грозных соседей. Много сделали ученые и для предсказания извержений. Вулкан, как правило, находится в своеобразном летаргическом сне. Его близкое пробуждение угадывают по ряду признаков. Вулкан начинает лихорадить. У него повышается температура, изменяется химический состав горячих источников. По этим и другим специальным признакам вулканологи ставят диагноз: извержение близится, надо принимать меры, защищающие население. Вот поэтому-то вулканологи должны всегда, как говорится, держать руку на пульсе вулканов.

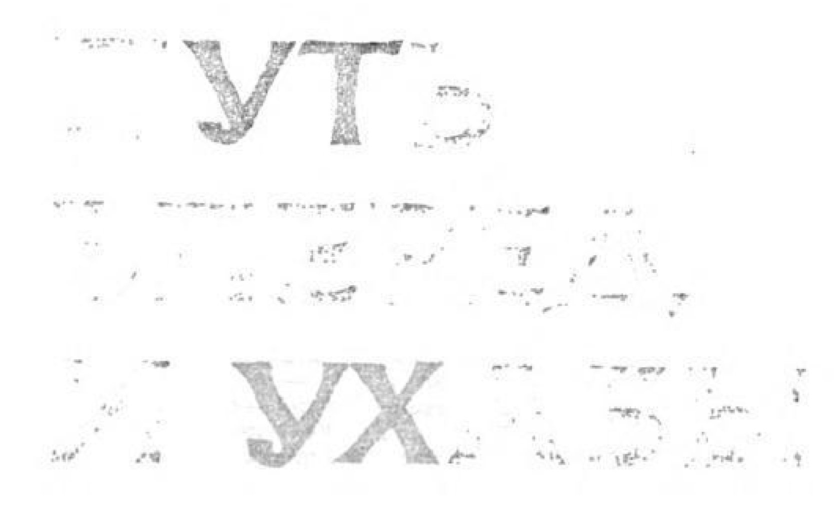
Но, разумеется, все, что уже сделано, — лишь первые шаги. Впереди еще много трудностей, исследований, побед.

Теплица на Паратунских горячих ключах.

Несколько часов пути — и мы увидели белое облако газов.

Одной из задач экспедиции было определение состава и температуры вулканических газов. Но не так просто произвести эти измерения! Резкий, удушливый запах не пускал вулканологов к местам выделения газов. Пришлось надеть защитные маски.

Заметки писателя

В. ОЧЕРЕТИН

1

Эпиграфом к этим заметкам мне хотелось поставить чьи-то слова: «Наш путь вперед негладок и ухабист: подводные реки не текут по линейке в плоско отшлифованных берегах. Будем настойчивы». Но я не сумел разыскать, откуда это, и цитирую без ссылки.

По давней привычке я выписываю несколько заводских многотиражек тех предприятий, коллективы которых немного знаю. На днях читаю в одной:

«Разведчики будущего. Завком профсоюза присвоил звание ударника коммунистического труда передовикам семилетки...» Напечатан список. Столбиком. С указанием профессии, места учебы, общественной работы.

Нынче постоянно видишь такие сообщения. Читать их, что и говорить, всегда очень приятно. Шагаем в коммунизм!.. Уж куда более зримо: ударники, бригады коммунистического труда!

Разведчики будущего! Точные, емкие слова. Но как все это сложно иногда — дух захватывает. Страна идет нетореными тропами, по которым никто еще не ходил. Партия зажгла в сердцах советского народа великий огонь, двигающий нас к великой цели. Большая цель требует и большого энтузиазма. И огонь горит, раздуваемый страстным стремлением к цели, упорством воли, единством граждан страны и поисками, поисками, поисками.

Читаю многотиражку и вдруг спотыкаюсь. Что за наваждение: звание ударника коммунистического труда присвоено слесарю Валентину Пермякову! Не может быть! Ошибка, опечатка, поначалу успокаивал я себя. Но нет. Пришел следующий номер газеты — и никаких поправок.

Хочешь не хочешь, так и подмывает вмешаться. В воскресенье я сел на электричку и поехал.

Завод как завод. Обыкновенное индустриальное предприятие, каких у нас на Урале тысячи. Заметно растет, как все другие. За сосновым бором — новые кварталы современных многоэтажий, но часть коллектива живет в собственных добротных домах на три — пять окон по фасаду, с крытыми дворами, с огородами, садами.

У Валентина Пермякова тоже свой дом. Есть у него и своя автомашина, и своя корова, и две свиньи. В нашей области занимается сельским хозяйством примерно десятая часть населения, а скота в частном владении — больше половины всего поголовья. Много и таких, как Валентин Пермяков.

Мне не терпелось. Идти со станции все равно мимо, и я завернул сразу к Пермякову. Он только что вернулся на автомашине с рыбалки и выгружал из багажника богатый улов, килограммов тридцать — сорок.

— Привет, — говорю, — Валентин Петрович! Куда тебе столько рыбы?

— Как куда? Сейчас Мария на базар снесет — в полчаса расхватают...

Я Пермякова знаю давно, мы разговариваем откровенно.

Рыбу он наловил ломком и черпаком. Да-да! Зима, и многие уральские водоемы промерзают. Рыбе не хватает воздуха. И всякие наживатели едут на такое озеро в лесной глуши, делают прорубь, и рыба валит к отдушине. Тут ее и берут черпаком, как из садка. Чистое браконьерство!

— Ты, Валентин Петрович, не боишься, что тебя привлекут к ответственности? Теперь закон об охране природы...

— А почему,— говорит,— меня? Повыше люди есть, вместе ездили на трех машинах. На одной трудно: снег.

Входим в дом. Достаток и благополучие у Пермякова в каждом углу каждой комнаты. И радиоприемник первого класса, и телевизор, и ковры, и дорогие сервизы, и пианино.

— Ты, я смотрю, все обарахляешься?

— А как же! — отвечает он и браво выставляет вперед ногу. — Растет благосостояние трудящихся, и я не отстаю. В коммунизм идем.

Пианино на запоре, педали обернуты промасленной бумагой. На самом видном месте — стопка газет за все числа, начиная с нового года.

Спрашиваю, правда ли, что ему присвоено звание ударника ком-

мунистического труда. За что, интересно?

Он удивляется моей отсталости, даже сердится:

— Как за что?

И объясняет с терпеливой серьезностью, гордо поглядывая на меня. Норму, дескать, всегда перевыполняет: хорошо поработаешь — хорошо заработаешь, закон! И у него же квалификация — слесарь точной механики. Я ж, говорит, не тунеядец какой-нибудь. Водки он не пьет: дороговато. Газету центральную, кроме заводской, выписал. В университет культуры ходит, два раза в месяц — совсем не трудно. Правда, когда по дому дел накопится — крышу чинить да мотор у «Победы», — тогда посылает свою жену. Марии, дескать, тоже полезно. А в университете просто: для учета оставляется талончик из книжечки — и все.

Мне хочется поддеть его как следует.

— И общественной работой,— говорю, — ты наконец занялся? Я тебя не узнаю.

— А как же? — отвечает.— Я агитатор... Да вот заводская газетка наша. Все напечатано. У меня ни одного пропуска, в общественной деятельности я аккуратен. Да и раз в неделю почитать что-нибудь вслух в красном уголке — не вспотеешь.

И Валентин Пермяков железно убежден, что он передовик семилетки, он самый что ни на есть разведчик будущего и истинный строитель коммунизма. У него широкий кругозор, он горазд говорить на любую тему. Своеобразно, конечно. Например, о перспективах выполнения заводского плана. «Годовой, — говорит, — сделали, сто пятьдесят рублей в старых деньгах начальник цеха подбросил». О ходе мясозаготовок в области. «Не пора ли,—спрашивает,— резать кабана? Почем в Свердловске на базаре мясо, не знаешь?»

Я ушел от него с очень тяжелым чувством.

2

На следующий день наведался в завком к председателю. Надо же как-то исправлять дело! Опошляют самое примечательное движение в нашем народе. Формально подошли к самой сути.

Естественно, у нас человека прежде всего оценивают по работе. Это, бесспорно, верно. Отношение к труду — главный критерий, определяющий признак, мерило. В нашем обществе абсолютное большинство честно и старательно работает, и человек знает, что «мой труд вливается в труд моей республики».

Но есть труд — порыв души, высокое стремление, например, Валентины Гагановой, ее последователей. И есть труд — труд Валентина Пермякова; работа с одним стремлением: лишь бы получить за нее побольше. Чтобы присвоить звание ударника коммунистического труда, разве достаточно того, что человек хорошо работает?

Коммунизм в сознании личности начинается лишь там, где человек что-то делает для общества не только за плату, «не за корма, не за рубли», как говорят в народе, а от сердца, находя именно в этом счастье. Не это ли главное мерило уровня нашего коммунистического сознания!

...Вхожу в завком. Председатель рассказывает старику бухгалтеру о вчерашней рыбалке:

— Отдал сегодня свои трофеи в итээровскую столовую: пусть едят, лодыри! Звал всех — не поехали.

Мы с ним тоже хорошо знакомы, и разговор наш идет без обиняков. Я стараюсь убедить, что Валентин Пермяков — личность не только не коммунистическая, но и антиобщественная. Председатель ни в какую не соглашается: у Пермякова, видите ли, нет никаких аморальных проявлений, никаких трудовых нарушений.

— А как же, по-твоему, делать? — спорит председатель.— Коммунизм, брат, нам надо строить из того человеческого материала, который имеется в наличии. Не с Венеры же нам людей для этого на ракетах доставлять! Мы взяли обязательство, боремся за звание предприятия комтруда. И нам надо, чтобы за год-полтора каждый в нашем большом коллективе был оприсвоен (словечко-то!) таким званием побригадно или индивидуально. Вот так!.. Рыбу на базар — это, несомненно, нехорошо. Ты правильно сигнализируешь, спасибо. Вызовем Пермякова, укажем ему...

Втолковываю, что мозги и душу иного человека выжимает жажда ухватить в личное пользование побольше, а обществу дать формальный минимум, лишь бы никто не придрался. И разве не надо учитывать, когда меряем уровень сознательности, не находится ли личность под таким прессом?

Председатель почти соглашается. Да, говорит, частная собственность, несомненно, уродует психологию, отдаляет человека от коммунизма. Но где, спрашивает, грань: телевизор — холодильник — автомашина — дача?.. Автомашина подчас стоит дороже домика с усадьбой. И машины мы продаем в частные руки. Их и в лотерее можно выиграть.

Председатель и сам недавно выстроил себе дом. Поросенка купил на откорм. Картошкой с капустой обеспечивает себя сам. Почти натуральное хозяйство.

— Добрая,— говорит,— половина заводского коллектива — домовладельцы. А по всей стране сколько их — владельцев домов, или скота, или машин? Что же, всем этим людям не идти в коммунизм?

Старый бухгалтер во время спора на моей стороне. Он горячо возвращает разговор к теме уровня общественного сознания. Да, мы все идем к коммунизму, и все мечтаем сейчас о звании ударника. Но именно бескорыстная и активная, от сердца идущая деятельность в коллективе должна стать основным нашим мерилом при оценке человека.

— На кусок хлеба с маслом в нашей стране только лентяй не заработает! — говорит старик.

— Да-да, только глубоко общественный человек — передовик производства — достоин звания ударника коммунистического труда, — подхватываю я.

Тут председатель переходит в атаку:

— Общественники тоже бывают всякие. Иные на собраниях баламутят, обязательно всех раскритикуют. В газеты пишут, каждую неделю комиссии по расследованию создавать приходится... И потом, эти люди ненадежные: сегодня вроде ничего, а завтра — глядишь... Вот, к примеру, Василий Логинов. Знаешь ведь его? Токарь — золотые руки! Общественник — уж куда активнее! Он и в шефах детской школы, и редактор стенгазеты, и рабкор, и в комиссии по рабочему контролю за торговлей, и студент-заочник... А до чего докатился! Избил, выгнал жену — ударницу комтруда — и пытался поджечь дом. Дом поджечь!.. Понимаешь? Нет, мы не можем терпеть у себя такие безобразия: наш завод борется за звание коллектива комтруда!..

«Оприсвоить званием»... «комтруда»... Как не вяжутся эти новые словообразования с делом, от которого они возникли!

3

Побывал я и у нового, совсем недавно избранного секретаря заводского партийного бюро. Это мой давний друг-однополчанин, и мы между собой, как говорится, в разговоре не стесняемся. Наваливаюсь на него: нельзя превращать в убогий примитив, в обрубленную схему наши представления об облике человека коммунистического будущего.

— Стремитесь побыстрее рапортовать о размахе движения? Показушники!

— Заставляют, понимаешь. Честное слово, жмут: каждый месяц требуют, чтоб две-три бригады и с десяток человек индивидуально были представлены к присвоению...

Мы тоже спорили. Он обозвал меня идеалистом, я его — примитивистом. Выполнять норму выработки, не пить вина, учиться где-нибудь, нести общественную нагрузку — до чего просто быть ударником коммунистического труда!

Мой друг соглашается:

— Да, не все у нас ладно в присвоении звания ударника коммунистического труда.

— Дело,— говорит,— новое. Надо бы обсудить его пошире.

Я с удовольствием слушаю его. В принципе, конечно, это более высокая ступень социалистического соревнования в наших коллективах. Люди подтянулись, стали думать не только, как хорошо работать, но и как хорошо вести себя, относиться друг к другу, как научиться жить по-коммунистически.

Прогрессивно? Конечно, прогрессивно. Тем более, что сознание нам сейчас, как никогда, подтягивать да подтягивать. Страна-то вон какие огромные шажищи делает! Экономика наша растет небывало на дрожжах семилетки. Темпы колоссальные. И сознанию наших граждан расти да расти.

Может, в будущем первым нашим бригадам коммунистического труда потомки поставят памятники на гранитных пьедесталах: великое дело начали. Но недодумка в развитии этого движения у нас еще пока налицо. И не все ладно, потому что некоторые наши товарищи стремятся как можно быстрее только внешне подхватить это хорошее начинание, скорехонько «оприсвоить» побольше рабочих этим романтическим званием, выскочить в передовые и отрапортовать об успехах в росте человеческого сознания. Общественное сознание — вещь сложная, не сразу в ней разберешься, и очки втирать здесь даже легче, нежели с перевыполнением плана по производству.

Для скорости невольно хочется все упростить, разложить по полочкам — вот и получаются убогие примитивные критерии. А в жизни еще много такого, что требует неторопливой проверки и теорией и практикой нашего коммунистического строительства.

Есть, например, в одном цехе ремонтная бригада. Восемь человек, все бывшие фронтовики, мужики в годах, семейные, исправные. И никак не вступают в соревнование за звание бригады коммунистического труда! Им говорят: вступайте, — а они отвечают: пожалуйста, с удовольствием, только выработайте нам условия соревнования.

Организаторы наши и растерялись. За пятнадцать лет в этой бригаде ни одного прогула, ни одного трудового нарушения. По работе ни одного замечания. В семьях все в порядке. Пить пьют самую малость, а совсем бросить не желаем, говорят, нам это ни к чему. Может, курить им бросить? Тоже не хотят.

Читайте книги! Читают. Проверяли: все читают. «А учиться нам,— говорят,— поздно: мы лучше постараемся детей своих выучить и воспитать настоящими советскими людьми». Вся бригада — активные общественники: двое — депутаты райсовета, один — рабкор, поэт, другой — в школе энергичный член родительского комитета, третий бесплатно руководит автокружком.

Что с ними делать? Как их вовлечь в соревнование?

4

А история с Василием Логиновым, о котором говорил председатель завкома, стоит того, чтоб рассказать о ней отдельно.

Василий Логинов — бывший танкист, коммунист, токарь и видный общественник, любимец коллектива — действительно дошел до разрыва с женой, хотел сжечь дом.

Вернувшись из армии, он женился на буфетчице. У нее водились кое-какие сбережения, и молодожены затеяли строить собственный дом. Завод помог ссудой. Работал Логинов у станка, работал с огоньком, квалификация его росла, заработок увеличивался. Но почти все деньги уходили на строительство, на обзаведение хозяйством.

Дом, огород, куры, свиньи, которых поразводила жена, с каждым годом все больше и больше отягощали Василия. Мужик он рачительный, работник старательный, но то увлечется оборудованием токарной мастерской в подшефной заводу школе, то общественным инспектированием торговли. И тут — первая ссора с женой: обнаружил у нее в буфете недовес колбасы по два грамма на каждом бутерброде. Настоял снять ее с работы. Ее перевели в другой буфет.

Как-то Василий организовал в цехе группу энтузиастов, разбил сквер с клумбами, с цветами. А у самого огород остался невскопанным, незасаженным. Опять конфликт с женой. Кое-как уладил, настояв огород ликвидировать за ненадобностью, а землю превратить в сад. Но жена развела кро-

ликов, они начали дохнуть, и Василий отдал оставшихся заводскому детскому саду. Снова ссора.

— Противно мне все это,— не раз говаривал он.— Вяжет меня по рукам и ногам эта всякая частная собственность!..

И когда он взялся и окончил десятилетку, а затем поступил заочником в институт, дом и все хозяйство окончательно стали многотонным камнем на шее. Продать — жена против. Заводскую квартиру домовладельцу не дают. Обратился в райсовет с просьбой взять у него дом в государственный фонд безвозмездно — жена подняла скандал, возражая, предъявила свои права.

Как-то, разозлясь, Василий зарезал свиней, кур и отдал мясо детскому саду. Бесплатно. Жена по этому случаю вызывала «Скорую помощь» и требовала отвезти его в сумасшедший дом. В отместку Василий созвал со всей улицы ребятишек, разобрал с ними заборы вокруг своего дома, порубил на дрова. Сад его стал теперь частью улицы, и в нем сделали ледяную горку.

— Я, — рассказывает секретарь партбюро и мечтательно улыбается, — пришел к этой ледяной катушке и увидел тучу ребят. Веселый визг, крики, шум, давка. Но ни одной веточки ни на одном деревце молодого сада не сломано. Девчонка в пуховом платке набекрень объявила: «А нельзя, — говорит, — ломать: теперь это не дяди-Васино, а общее!..»

Василий возился на крыльце, что-то пилил, вытащив из сарая старые, сухие доски.

— Обещал нашей подшефной школе дать заготовки для скворечников. Пусть ребята делают,— сказал он и с размаху вогнал топор в тяжелую входную дверь. Она, как везде в уральских бревенчатых домах, из толстенной доски. Только ухнула глухо от удара.— Дом я все равно сожгу или порушу! Он у меня двенадцать лет жизни отнял. Я бы уже давно другим человеком был, и пользы от меня было бы больше...

— Что ж ты выгнал из дому жену? Не лучше ли самому уйти, если стало так невмоготу?

— Заело меня,— недовольно говорит Василий.— Пришла и объявляет: ее, дескать, представляют по торгу к званию ударника коммунистического труда. Лучшая буфетчица города!.. А я-то знаю, что она ворует. На пивной пене, говорю ей, думаешь до коммунизма подняться? Не выйдет, говорю. Ишь, разбежалась, в коммунизм поперла!.. Ну, она обругала меня ревизионистом, сказала, что мне-то уж никогда не дождаться звания ударника... Я ей объяснил, что такое ревизионизм и чем он отличается от ревизии буфета... Слегка объяснил. Напрасно она везде кричит, что побил...

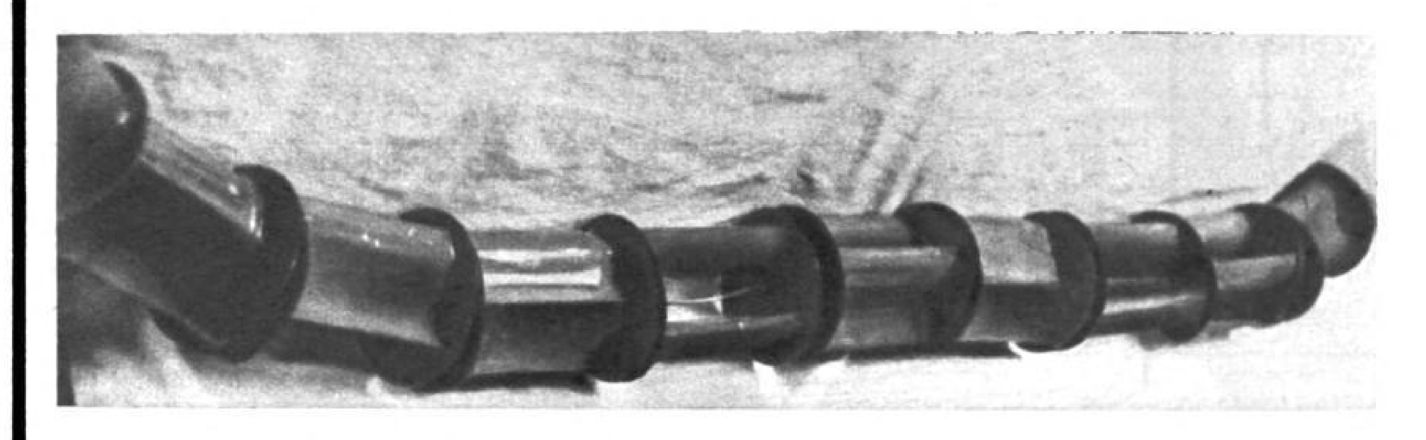
Так возникло персональное дело.

— Разберемся. По-человечески разберемся. Сил у нас хватит,— успокаивает меня секретарь.— И Василию Логинову поможем разобраться в жизни, в путях к будущему.

☆ ☆ ☆

...Я еду домой, чтобы написать обо всем этом.

Как, однако, все сложно в нашей жизни! И надо ли упрощать ее? Нет!

После выступления «Огонька»

Гирляндная ГЭС

«Недалеко от деревни Петрово, где Москва-река разделяется на рукава, минувшим летом работала необычная гидростанция. Поперек потока с берега на берег был переброшен простой трос, и на нем нанизаны поперечные турбины, похожие на ведра, разрезанные вдоль. Под напором течения турбины вращали трос, и он, работая, как вал, приводил в движение генератор. Электрический ток от генератора питал лампочки, развешанные на деревьях».

Так начиналась корреспонденция «Гидростанция-гирлянда», напечатанная в шестом номере журнала «Огонек» за 1960 год. Эта энергетическая установка, сконструированная инженером Борисом Сергеевичем Блиновым, — новый тип электростанции. Она отличается простотой и дешевизной конструкции. Для ее сооружения не надо возводить плотину, затоплять прибрежные земли.

Гирляндная ГЭС может быть установлена на самых малых реках, была бы глубина 25 сантиметров и скорость течения 1 метр в секунду. Поперечные турбины с равным успехом работают и на плаву, и в погруженном состоянии, и подо льдом. Мощность гирляндной ГЭС можно поднять, увеличивая количество турбин, до 300 киловатт.

Корреспонденция «Гидростанция-гирлянда» вызвала многочисленные отклики читателей. Редакция получила сотни писем от людей, работающих в самых различных областях народного хозяйства.

«...Для нас такая ГЭС крайне необходима, — пишет по поручению рабочих и служащих прииска Мрассу товарищ Ледских. — Взгляните на карту! Наш прииск находится на юге Кемеровской области, в глубине алтайской тайги. В летнее время здесь работает ГЭС на напорной воде. Зимой электроэнергию получаем от дизельной станции, которая часто не работает.

Гирляндная ГЭС, о которой мы прочитали в вашем журнале, — это как раз то, что нам больше всего необходимо в зимнее время. Представьте: кругом глухая тайга, бездорожье, связь с внешним миром только по радио — и вы поймете, что значит для нас электроэнергия. Дорогая редакция, обращаемся к вам с просьбой: помогите достать чертежи гирляндной ГЭС».

Просят редакцию достать чертежи и работники Новокузнецкого отделения Томской железной дороги: «Гирляндная ГЭС может работать на малых реках, что крайне удобно нам для освещения линейно-путевых зданий, расположенных на перегонах. Здесь много горных речек с быстрым течением, но неглубоких».

Очень заинтересовались изобретением Блинова геологи.

«...Сколько геологов-разведчиков мечтают о такой простой, легко изготовляемой электростанции! — пишет по поручению своих товарищей технический руководитель геологоразведочной партии товарищ Власов. — Мы живем в суровых таежных условиях на берегу горной реки. Вертолеты доставляют горючее для электростанции. В то же время «энергия» шумит рядом. Но сооружение плотины нам не по силам. Гирляндная станция — как раз то, что нам нужно. Мастерские у нас имеются, и мы сами изготовим все необходимое. Надеемся, что инженер Блинов поможет нам: ведь для нас его гирляндная ГЭС — жизненная необходимость».

Гирляндная ГЭС привлекла внимание жителей далекого Севера. Пишет в редакцию «Огонька» товарищ Козин из райисполкома порта Тикси: «...У нас на далеком севере Якутии, в Булунском районе, множество малых и больших рек с довольно сильным течением. На них можно ставить гирляндные ГЭС, снабжать электроэнергией колхозные поселки, производственные участки, охотничьи, рыболовецкие, оленеводческие».

В Узбекистане тоже нуждаются в простой и дешевой гидростанции. Начальник электротехнического отдела «Узгипроводхоза» товарищ Ярошецкий сообщает: «В сельских местностях электросети проходят часто далеко от шлюзов. К ним приходится тянуть специальные линии электропередач, что стоит весьма дорого. Установка на месте гирляндных ГЭС значительно удешевит наши работы».

Такая энергетическая установка может пригодиться и небольшим промышленным предприятиям. Ее чертежи хотят приобрести тунгомаслобойный завод в Аджарии, Акутихинский стеклозавод и другие предприятия.

Из села Деллагац, Орджоникидзевского района, пишут в редакцию председатель сельсовета Тотров и учитель Каболов:

«Статья в «Огоньке» очень заинтересовала жителей нашего горного села, так как электричества у нас нет. В селе есть школа, больница, магазины и животноводческая ферма. Живем мы на берегу быстрой горной реки. Гирляндная ГЭС является единственной реальной возможностью электрифицировать и радиофицировать наше село. Ведь электросеть проходит от нас очень далеко. Все жители нашего села убедительно просят редакцию журнала «Огонек» помочь приобрести чертежи этой станции».

Особенно много писем прислали работники сельского хозяйства.

«Гирляндная электростанция должна найти широкое применение в нашем хозяйстве, — так считает главный инженер племенного овцеводческого завода в Киргизии товарищ Чурилов. — У нас много быстрых небольших речек. Мы такие станции обязательно построим».

Директор совхоза «Караванный», Оренбургской области, товарищ Иванов планирует строительство нескольких гирляндных ГЭС.

Хотят поставить блиновскую электростанцию и в деревушке Гилево, затерявшейся в дремучих лесах Кировской области.

Об электростанции спрашивают и председатель колхоза «Полярная звезда», Камчатской области, товарищ Доркин и колхозники из Закарпатья, с Урала, Кавказа, Дальнего Востока.

Начальник Латглавсельснаба при Совете Министров Латвийской ССР товарищ П. Балтин пишет в редакцию «Огонька»: «...В Латвии есть много малых и больших рек и колхозы очень интересуются простыми и дешевыми малыми электростанциями. Как нам достать описание и чертежи «Гидростанции-гирлянды»?»

Редакция передала письма изобретателю Блинову.

— А как же вы отвечаете на просьбы о чертежах? — спросили мы у Бориса Сергеевича.

— До самого последнего времени я частным образом заказывал в светокопировальных мастерских комплекты чертежей и рассылал их «особо нуждающимся».

Борис Сергеевич достает записную книжку: чертежи отосланы в бухту Тикси, в леспромхозы Архангельского совнархоза, на Южный Сахалин, в совхозы Алтайского края — всего более ста комплектов.

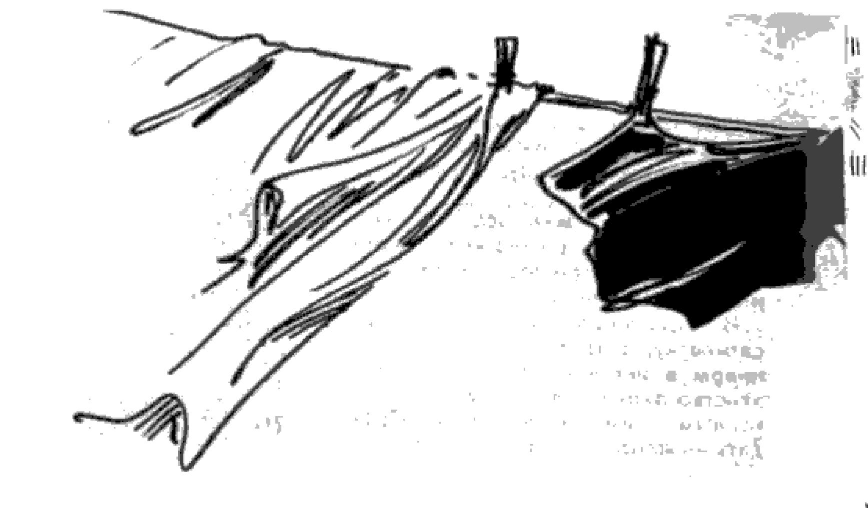
— Большую помощь в этом деле, — говорит он, — мне оказало Центральное бюро технической информации при Государственном научно-техническом комитете РСФСР. В сборнике ЦБТИ № 9 за 1960 год был опубликован полный комплект чертежей гирляндной ГЭС и очень подробное ее описание. Этими чертежами могут с успехом пользоваться те, кто собирается своими силами сооружать электростанции.

К сожалению, промышленное производство таких станций пока не налажено, — рассказывает Борис Сергеевич. — Строят гирляндные ГЭС кустарным способом: конструкция-то ведь несложная! Тем более, что за минувший год мне удалось ее еще больше упростить. В производстве поперечных турбин мы упразднили клепку и сварку. Остались только жестяные и слесарные работы. А собираются турбины с помощью отгиба язычков — легко, как детские игрушки. Изготовить и собрать гирляндную электростанцию может каждый колхоз и совхоз. Фаиз Шабиев из деревни Гальцево, Пермской области, сам построил и с успехом эксплуатирует гирляндную ГЭС. Юрий Михайлович Новиков из Горно-Алтайска соорудил гирляндную ГЭС для освещения больницы. Новиков ездит в окрестные колхозы и помогает там делать новые гидростанции.

В Архангельском совнархозе, по сообщению газеты «Лесная промышленность», обсуждался проект создания гирляндных электростанций на малых северных реках. Демонстрировались фотографии уже действующих ГЭС такого типа. Главному механику Управления лесной промышленности предложено составить конкретную программу строительства гирляндной ГЭС в лесных поселках области. И я надеюсь, что там скоро начнется промышленное производство станций.

А. ГОЛИКОВ

Диана

Рассказ

Аркадий ПЕРВЕНЦЕВ

Рисунки Л. ХАЙЛОВА.

Горестные глаза Макловии[1] зовут в зал, откуда уже доносятся вступительные аккорды музыки, напоминающей о далеких странах. На рекламном щите во всю стену американское диво—Макловия. Глаза — ее! Макловия похожа на Диану, гибкую девушку черноморского юга. Диане всего семнадцать. В этом году она окончила школу. Чтобы смотреть картины, нужно работать. А где, она еще не решила. Пожалуй, не такая беда, если у девушки ее возраста не всегда имеются деньги. Зачем они ей? Но тут юный девичий мозг вступает в противоречие с жизнью. Идти с кем попало она не может: Диана горда и дика. У нее есть Жиго, верный поклонник, друг детства, но он ушел в море, вернется не раньше, чем солнце перевалит через руины генуэзских развалин, вон там, на горе какого-то абхазского царя.

Диана смотрит на плакат, кусает платочек. Мысли ее в летнем зале с высокой, недосягаемой крышей. Пальмы хамеропс и бананы окружают кино, шелестят, сухо шепчутся между собой, вероятно, почти так же и на той земле, где, заломив руки, воздушной тропой бредет Макловия.

Контролер, юнец в узких брючках и голубых сандалетах на босу ногу, отшумев у дверей, наконец может перевести дух и, бросив в угол рта сигарету, отдохнуть от трудов. Беда, когда на экраны города, где пальмы и бананы, море и любовь, попадает такой шикарный фильм.

Прохладный ветерок ласкает. Настроение контролера улучшается. Он замечает красивую девушку, у нее такой независимый вид. Черт возьми, да это опять Диана с Акуары, дочка Эльвиры Кохидзе! Сигаретка перенеслась в другой угол рта, усы дрогнули, порозовели тонкие губы.

Происходит диалог, который хочется передать дословно:

— Чего ты здесь стоишь?

— Слушаю фильм.

— А почему не заходишь?

— Когда будут бесплатные билеты в кино?— весело спрашивает Диана.

— Через десять лет. Точно!

Диана сверкнула очами — Макловия спустилась с рекламного щита и очутилась почти рядом с пареньком в голубых сандалетах.

— А нельзя, чтобы раньше?

— Заходи,— говорит контролер.

«Ах, какая!» — восхищается юнец.

...Инвалид Кукуц потерял ногу под Керчью. Кукуцу уже скоро тридцать пять, и такой возраст для холостяка, темпераментного, как шашлычный мангал, не зря заставляет тревожиться его мать, вдову рыбака Тыту.

Тыту безумно хочется внучку. Именно внучку. Она отдала бы несколько лет жизни и счастье загробного мира (Тыту религиозна) за радость нянчить ребенка, вывешивать пеленки на веревку, пусть их треплет, ласкает ветер с моря иль с гор, пусть знают все на Акуаре, скромной речушке, текущей в море, какова судьба Тыту, б а б у ш к и Тыту.

Кукуц напряженно смотрит в окошко, откуда виден кусочек моря, узкий, как срезанный парус, магнолии парка и дорожка улицы, закрытой от парка оградой из аккуратно подстригаемой лавровишни.

Невыносимо тоскливо слушать в который уже раз песенку, напеваемую матерью. Откуда она добыла ее? Если перевести на русский, она выглядит так:

Мы сидим у окошка,
Перед нами горы,
Они никогда не меняются,
И так же не меняется у нас обстановка.
У нас белая скатерть,
И некому ее испачкать,
Нет шума, нет ребенка.
Пусть был бы он баловным...

С ума можно сойти от подобной песни! Она вонзается в сердце, хочется стонать. Приходится считать себя ветераном, когда отхватят ногу по колено!..

Человек должен быть похож на хорошее дерево. Генерал Раевский посадил кавказскую липу, он же заложил в городе ботанический сад. Когда липе исполнилось тридцать восемь лет, ее спилили турки, после высадки с кораблей. Турок прогнали. Много их кораблей потопили. А липа дала побеги, да еще какие! И теперь растет, цветет, раскинула ветви широко-широко, хотя дупло ее забито камнями и залито цементом. Да, дупло. Откуда оно? В дерево ударила молния, выжгла дупло. Все же липа и тут устояла, не поддалась, и сколько теперь людей любуются ею, отдыхают под ней и верят себе!

Так должен держаться человек!

Нет шума, нет ребенка,
Пусть бы он баловался...

Скоро должна возвратиться Диана. Кому-кому, а Кукуцу хорошо известны все ее маршруты и привычки. Девушка обычно идет через парк, между магнолиями, по тропинке, пробитой пешеходами, живущими у Акуары, и попадает домой со стороны реки. Ей не миновать дома Кукуца.

Кукуц кончает чистить дедовский кинжал, вытирает лезвие тряпкой, ощущая под пальцами твердые продольные желобки, придуманные мастером для стока крови; он вешает кинжал на гвоздь, вколоченный в стенку через персидский ковер, добытый дедом в каюте турецкой фелюги. Это было давно, в русско-турецкую войну, когда османы спилили липу генерала Раевского.

Чтобы попасть на крыльцо, оплетенное виноградом, надо пройти вторую комнату, где приторно-остро пахнет заквашенным для сулгуни[2] молоком и, несмотря на занавески из марли, зудят и бьются о стекла зеленые мухи.

Виноград «изабелла» уже отягчает ползущие до самой крыши побеги. Скоро будет темновато-розовое маджари — абхазское вино, легкое и опасное своей молодой бродильной силой. Такое вино — находка для стола, где много пряностей, вареного мяса и ароматной острой аджиги[3]. На свадьбу хватит вина и молодого («изабеллой» оплетен весь палисадник) и старого (два глиняных кувшина-чури зарыты в саду).

В думах есть какая-то пьянящая сладость. Мозг Кукуца осажден мечтами, и все они вертятся в одном и том же заколдованном кругу. На крыльце у Кукуца есть свое местечко: наблюдательный пункт и смотровая щель зеленого «дота». Диана вырастала на глазах у Кукуца. Он знает, когда ей купили первый лифчик, когда подарили чулки из капрона, когда вместо косичек и бантов возникла модная стрижка.

Отец Дианы, хотя был на двадцать лет старше Кукуца, служил с ним в одном батальоне. Убит он в сорок втором, в мае, на Керченском полуострове, в тех местах, где в древности жил понтийский царь Митридат. Свыше десяти лет отделяет безоблачный быт Акуары от событий войны. Будто в миражном мареве, встают траншеи Акманая, курганы возле Керчи, узкий пролив в смерчах бомбовых взрывов.

Самсунский табак доходит в папушах, на крепких шнурах. Ветви мандаринов сплошь покрыты зелеными бородавками плодов. Кое-где плоды уже начинают желтеть на той стороне, которая обращена к солнцу. К свадьбе как раз поспеют мандарины. В конце октября Диане исполнится восемнадцать. Пройдет какой-нибудь десяток лет — и никто не заметит разницы в возрасте. Диана — девушка здоровая, сумеет наплодить таких же крепких ребят. Дети Дианы и Кукуца. Внуки Тыту. Неплохо. Кукуц блаженно мечтает. Улыбка не сходит с лица. Нет-нет да и подкрутит черный усик, зажмурит глаза.

Рядом, будто омывая его локоть, переливается всеми цветами спектра вода Акуары. Речка достигла цели, успокоилась, упершись в песчаники и камни устья. К морю пробит только узкий проток. На килевой шлюпке в волну не пройти, если не изучишь фарватер.

Отсюда видно устье и море. Где же Диана? Кукуц слышит ее смех, быстро поворачивается. Жиго вброд перетаскивает «Афартын». Диана сидит на корме с его одеждой у сжатых коленок и хохочет, когда холодный от прошедших дождей тягун высоко поднимает лодку и пытается вышвырнуть ее на галечный берег. Тягун — высокая волна мертвой зыби, напирающая с бухты в устье Акуары. Гребни тягуна рассыпаются с шумом и заплевывают берег желтой пеной. Жиго побеждает волны. Ему удается провести шлюпку. Изогнувшись смуглой спиной, по-кошачьи прыгает в лодку, берется за весла, с непогашенной лихостью гонит лодку по Акуаре.

Недавний шторм очистил берег от всякой дряни. «Афартын» скользит у правого берега. Там зона военного дома отдыха. Бамбуки стоят стеной, как тростник. В зарослях молодых эвкалиптов полуголые люди играют в домино. На пляже загорает несколько человек. Время отдыха. Одна парочка томится на досках причала. Женщина лежит на спине, спустив ноги в воду, а мужчина, приподнявшись на локте, опускает в ее полураскрытые губы по ягодке винограда. Белые ноги москвички (так называли почти всех женщин, приехавших с севера), не волнуют, как обычно, Кукуца, его мысли заняты другой.

Жиго умело причаливает, даже не шевельнув доски. На веслах сверкают капли, падают искрами. Смеется Диана, и зубы белым пламенем горят на ее смуглом юном лице.

---

[1] Героиня одноименного мексиканского фильма.

[2] Сорт сыра.

[3] Приправа.

Молодые люди расстаются, не прикоснувшись друг к другу, бросив несколько фраз, открывающих тайну их лукавства. Ночью они встретятся вновь.

Выпорхнув, Диана скрывается за кукурузой и ветвями, отягченными зелеными плодами хурмы. Причал залит солнцем. У Кукуца отличное зрение. Ему не нужно напрягать его, чтобы прочитать названия лодок и имена их владельцев: «Касатка» Пачкулия, «Ставрида» Кохелия, «Ласточка» Варламова, «Босоножка» Тер-Минасова, «Не пой, красавица» Куперашвили, «Монте-Кристо» Пашбы и еще, еще... «Попугай ясного неба» Эльвиры Кохидзе отсутствует. Вероятно, мать уплыла по делам.

Ржавые цепи, тропинки в бурьянах, дым очагов, шум недалекого рынка, куда тянутся жители гор на низкорослых лошадках, мулах и ишаках, груженных корзинами больше их самих. Торжище вечно кипит. Оттуда доносится требовательный голос толпы.

Диана вышла во двор. Повернувшись к дому Кукуца обнаженной спиной, она развешивает на веревке у сарая, вероятно, только-только сполоснутую юбку, кофточку, прозрачную, как крылья стрекозы, и черные штанишки. Девушка поднимает коричневые руки, чтобы дотянуться до веревки, поворачивается вполоборота, на груди ее связка прищепок, которые шевелятся, как бусы дикарского ожерелья.

— Иди, иди, Отари,— прогоняет Диана зачарованного паренька в синей майке, застывшего возле изгороди из живых растений.

— Ты уже купалась, Диана?

— Проваливай, пока не рассказала Жиго!

Девушка обернулась, и гневом блеснули ее восточные, прекрасные глаза.

Но не так-то легко отвадить настойчивого парня. Кукуц сжимает кулаки. Проклятый бездельник, браконьер, торгующий копченой султанкой!.. Пытается обнять ее. Диана выворачивается со смехом. Пойди пойми их, девчонок! Ожерелье трепещет на ее груди. На спине желобок, гибкий живой поток, теряющийся за поясом, алым, как брызги граната.

— Диана, полжизни, а? — кричит вслед Отари.

Негодяй осмеливается предлагать свои поганые полжизни. Его полжизни? Да он весь ее полжизни не стоит, прохвост!

Кукуц искренне негодует, но в своих оценках не совсем справедлив к Отари. Чего не наделает ревность! Она совершает и похуже дела. Недавно один обозленный человек нанес сто ударов кинжалом ни в чем не повинной жене и, разобравшись в ошибке, хотел покончить с собой.

Диана удаляется медленно, на ходу стягивая платок у бедер и подбоченившись.

Домик Кохидзе скрыт в винограднике, и надо долго вглядываться, чтобы различить потрескавшиеся стены, обитую штукатурку и окошки, заплетенные тонким прутом. Известно, что вдова живет не очень хорошо: ей некому поправить ни изгородь, ни сарай, ни дом. Мандарины, хурма, несколько белых уток и кур, поросенок и пенсия за убитого мужа. Иногда даст курортникам лодку или развезет фрукты и рыбу. Диана имеет только то, что на ней. Постирала, прошлась утюгом и хохочет. Второй ребенок, прижитый уже после гибели мужа на вдовьей постели, настоящий оборвыш и побирушка. Его дело — отнести, принести, похвалить арбузы или вино, натолкнуть покупателей. За это мальчишка получает гроши. На них покупает себе босоножки, трусы, папиросы и билеты в кино. Кукуц знает: женись он на Диане, нужно брать на прикол ее брата, выбивать из головы дурь, заставить больше думать об учебе, чем о базаре. При желании из Джумбера можно вырастить неплохого человека. Паренек он способный, и душа у него ясная, без всяких тайников и лазеек. Кукуц все распланировал заранее. Пусть только согласится Диана!

Лодка стукнула носом, заякнула цепь. Это причалила Эльвира. Ее пока не видно за кукурузой, зато слышится резкий, запальчивый голос:

— Ты опять в воде! Давно ты лежал с ангиной?

Джумбер почти истерично кричит:

— Когда ты мне вырежешь гланды, чтобы я не боялся холодной воды?..

— Возьми нож! Иди сюда! Я вырежу твои гланды, паршивец!

Отари последний раз всматривается в ту сторону, куда исчезло полуобнаженное видение. Раздвигает листья бананов. Срывает голубой цветок, перекинувшийся через изгородь прямо к нему, к волосатой груди, мускулистой, как у мустанга, и уходит развязной походкой приморского продувного жуира, помахивая цветком возле длинного хищного носа.

Он не знает, что не только Кукуц, но и Диана следит за ним. Девушка подсматривает в щелочку двери и жует прошлогодний инжир, срывая кружок за кружком прямо с низки, висящей на деревянной стене. Отсюда видны шелковистые листья бананов, шерстяные стволы пальм, кое-где потертые бечевой, и инжирное раскидистое дерево, знавшее не только ее отца, но и деда. Крики матери заставляют Диану перейти в комнату, где с простенка смотрит на нее черными точками подретушированных глаз ее отец в форме. Орден Отечественной войны, посмертная награда солдату, присланная почти через год из какого-то штаба, прикреплен пониже портрета на черно-красной ленте, выгоревшей от солнца.

Отец для девушки — понятие чисто умозрительное. Она его не помнит и не испытывает к нему особых чувств, хотя исполняет обряды, продиктованные матерью и стариной, в честь его памяти.

Удивительно мила и привлекательна Диана. Тело ее будто пропитано солнечными лучами, крепко настоенным воздухом моря, солью волны и прогрето горячим песком пляжей. Ее мускулы окрепли от весел и грубой работы по дому и огороду. Она плавает, как дельфин, ей нипочем любая штормовая волна, даже ночью она может спокойно броситься в море и носиться в пене и грохоте прибоя.

У нее грациозные движения (назовем так старомодно ее легкую походку), стройные крепкие ноги.

...Мать, тяжело ступая подагрическими ногами, вечно забинтованными, ставит весла у дома, вешает ключ от лодки на гвоздь, заколоченный в пальму, и, открывая ногой первую и вторую двери, входит в комнату, где заканчивает прическу Диана.

— Никогда не оставляй волосы на гребешке.— Мать очищает гребенку брезгливыми движениями толстых мокрых пальцев, скатывает в комочек.— Муж может разлюбить жену за такую глупую привычку. Девяносто девять из ста женщин оставляют волосы на гребешке...

Сентенция матери вызывает улыбку на губах дочери.

— Тогда нет любви.— Диана беззвучно смеется и смотрится в зеркальце, приседая и подставляя то щеку, то глаза, то шею струйчато сбегающему оранжевому лучу солнца.

— Почему нет любви? — будто очнувшись, спрашивает Эльвира, продолжая катать черный комочек.

— Из ста любят только одну? Из-за какой-то расчески...
— Тебе рано еще понимать про любовь. Ты опять собираешься с Жиго?
— С ним.
— Почему бы тебе не прогуляться с Кукуцем?
Вопрос вызывает смех.
— Тебя смущают его костыли?
— Нет. Костыли у него крепкие.
— Так.— Мать пытается действовать без упреков, зная упрямство дочери.— Кукуц был хороший мальчик, Диана. Когда мы, бывало...
— Кукуц — мальчик? Он уже старик...
— Кукуцу недавно перешло за тридцать. А ногу он потерял на войне.
— Это неважно... Ты помнишь Шалву, его зацепило медным крючком в море, когда бригада ходила за белугой. Шалва неделю ловил рыбу, стараясь для колхоза, пока не появилась гангрена и ему не отрезали ногу. Жена бросила Шалву. Жена...
— Она потаскуха.— Мать подняла руки, глаза ее засверкали.— Она путалась со студентами. Практика на консервном заводе?! Я бы отрезала уши их матерям...

Сложное объяснение затухает, когда, простучав костылями, в комнату входит Кукуц в свежей рубашке-апаш и берете на черных кудрях. Кукуц пытается держаться непринужденно и весело. Войдя, он тотчас же располагается у стола, сложив костыли так, чтобы их не было видно, и упирается оголенными, острыми локтями в скользкую клеенку на столе.

Ему нелегко достается наигранное настроение, но ничего не попишешь: Диана ненавидит людей, одолеваемых горем или сомнениями. В ее девственном уме не укладываются чужие несчастья.

— Гогония получил материал для крыши,— сообщает Кукуц.— Вы мне жаловались, что у вас течет крыша.

— Да? Гогония получил толь? — Эльвира переспрашивает, не скрывая радости.— Нам так нужна кровля. Три дня дождей показали, что за решето наша крыша. У нас радио перестало играть, Кукуц.

— Я знал это, потому и сказал. Надо немедленно взять толь, а то его расхватают,— советует Кукуц, не сводя рабского взгляда с Дианы.

— У нас нет сегодня денег, Кукуц,— скорбно поджав губы и опускаясь на стул, говорит Эльвира. Она говорит сущую правду. Дочери отказала в кино.— Пенсию еще не получала, не время. Вперед не дают пенсию. Если бы давали, забрали бы ее всю вперед на сто лет...

— Плохо.— Кукуц вздыхает.— Гогония сказал, что толь — редкий товар. Его может долго не быть. Тем более, район не выполнил план по молоку и брынзе... Но что же делать? — Кукуц ищет им самим подготовленный выход.— У меня есть деньги. Сколько вам надо толя? Три рулона, не так ли?
— Не больше,— отвечает Эльвира, наморщив лоб.
— Тогда надо взять, а растяну его я сам,— храбро обещает Кукуц.— Пусть поедет со мною Дианка, а то мне трудновато одному, да и лодку надо подержать.

— Диана, ты поедешь с Кукуцем,— приказывает мать.

Диана поднимается с табурета и, ни слова не говоря, направляется к двери.

— Весла и ключ захвати! — вдогонку кричит мать.

Эльвира и Кукуц спускаются к причалу. Диана уже подготовила лодку и опустила весла в воду. Кукуц старается как можно бодрее занять свое место на носу. Эльвира нагибается и отталкивает лодку двумя руками. Диана сидит на веслах и молча гребет к рынку. На Акуаре лодка привычнее, чем в Тбилиси «Победа» или «Москвич». Джумбера давно нет на пирсе. Через несколько минут девушка находит его глазами. Братишка ловит рыбешку сеткой, распятой на двух гнутых палках. Мальчишка забрасывает «хватку» в неудачном месте, возле моста, где кипит толпа и распугивает рыбу. И сидит он неловко, на обломке старого мостового быка, того и гляди свергится в речку. За мостом тянутся у берега плакучие ивы, за ними консервный завод. На нем браковщиком работает Кукуц. Черная труба дымит. Никто толком не может объяснить на Акуаре, почему нужно сжигать так много мазута и держать трубу на ста двадцати скобах, если задача состоит лишь в том, чтобы закупорить в плоские банки и испортить под видом сардин вкусную черноморскую ставриду, которой и в сыром виде не хватает жителям городка.

Здоровый ум Дианы решительно отбрасывает житейские противоречия, и она переводит мысли на Жиго. Ничего парнишка! Приятно сознавать себя слабой, пытаться вырваться и поддаваться ласкам.

Как близок все же рынок. Лодка вползает в тину, раздвигает ряску, помидорные огрызки и обгрызанные кукурузные початки и толкается о берег, заросший жесткой степной лебедой, шпарышем и куриной слепотой. В пути, словно сквозь сон, девушка получает все инструкции от дотошного спутника. Гогония ждет. Рулоны подготовлены. Надо только заплатить. (Скомканные деньги Кукуца обжигают ей руку.) Сам Гогония выдает ей рулоны. Как все это бедно и просто в сравнении с шепотом Жиго! Две жизни сталкиваются, цепляются, раздирают ее на части. Диана, не сгибаясь, небрежно идет по жидкой прибрежной грязи.

Кукуц, оставшись один, в упор рассматривает вьючных лошадок. Высокие корзины по обе стороны спины уже опорожнены. Лошади вскоре запетляют по тропинкам в глухие, неосвещенные горы, в сараи из рододендронов, к ластбищам с сочной и густой травой.

Дианы долго нет. Вероятно, у лавки очередь. По-прежнему дымит труба завода. Сегодня Кукуц выходной и может насладиться отдыхом и близостью Дианы. Лучшего предлога не придумать. Надо спешить. Диану кругом подстерегают соблазны, и не каждая перед ними устоит. Следует как можно быстрее отнять ее у забубенных голов, у сопливых мальчишек, оторвать ее от легких интересов, ввести в дом.

Джумбер продолжает свое пустяковое дело. Если и возьмет накидка рыбешку, что толку? Пахнет она керосином, и перцем не отобьешь. У ребят зацепилась накидка. Они просят лодку. Военный (на глазу черная повязка)

Портрет

А. КОВАЛЕНКОВ

Не каждому понятна красота,
Когда она открыта и проста,
Когда, позабывая зеркала,
Она живет, себя не замечая,
Хитросплетеньям зависти и зла
Весельем, а не грустью отвечая.

Наташа совладать с бедой умела.
— Скучаешь, девочка?
— О чем?.. Наоборот!.. Такой хороший вечер!..
И запела:
— «Вдоль по улице метелица метет...»

Кто знал, что в этот вечер без оглядки
Она ушла от друга своего
И думала, что нет дорожек гладких,
Что знать людей — большое мастерство?

Пусть говорят: «А ей и горя мало...»
С других сторон в несчастье жизнь видна...
И в памяти Наташи возникала
Негородская песенка одна:

«Уж ты плачь ли, не плачь,
Слез никто не видит;
Оробей, загорюй —
Курица обидит...»

Не каждый понимал, что для Наташи
Участие дороже похвалы,
Что не к лицу ей платье замарашек
И башмачки волшебные малы.

Она была доступна огорченьям,
Но самую жестокую беду
Ребяческим встречала удивленьем
И слез не оставляла на виду.

Мальчишеская смелость глаз упрямых —
Ее портрета верная деталь, —
Упрямых, зорких глаз... и, скажем прямо,
Таких, что не забудешь их печаль.

Хорошая девушка! Жаль!

из дома отдыха окидывает ребят безразличным взглядом.

— Снимите штаны и сами отцепите! — Губы его недобры.

— Тут глубоко! — сообщает Джумбер.— Холодная вода. У меня еще не вырезаны гланды. Дяденька капитан!

Военный неодобрительно качает головой и предпочитает больше не связываться с некультурной шпаной.

— Вы слышали насчет гланд? — спрашивает он у Кукуца, как бы ища в этом человеке сочувствия.

— У него в самом деле не вырезаны гланды, капитан,— подтверждает Кукуц.

— Дядя Кукуц, помоги! — просит Джумбер, приложив руки ко рту.

Его хрипловатый от частых ангин голос доходит до самой глубины души Кукуца лишь потому, что этот сиплый, промокший паренек прежде всего брат Дианы.

Кукуц отталкивается от берега, налегает животом на весло, с трудом укрепляется на сиденье. Весла разобраны. Можно доказать, на что способны руки Кукуца. Лодку сбивает течение, сетка зацепилась крепко, не поддается. Приходится подгрести к быку и взять на борт Джумбера. Они вместе освобождают сетку из ржавых лап арматуры.

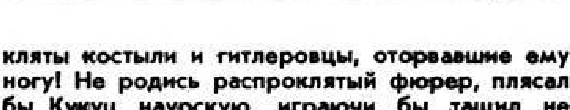
— Спасибо, дядя Кукуц! — благодарит Джумбер, вскарабкиваясь на свой бетонный утес и отдуваясь.

Диана не узнает о поступке Кукуца, зато Кукуц доволен. Диана появляется возле склада. Следом выходит Гогония через калитку и, склонившись, отпирает замок. Через несколько минут он с грубоватой вежливостью отстраняет Диану и сам несет рулоны к лодке. Плечи у Гогонии широкие, на них еще можно поместить такую же порцию толя. Черный комбинезон, повязанный у пояса, издали кажется юбкой. Дойдя до лодки, Гогония бровями здоровается со своим другом Кукуцем, подмаргивает ему, пользуясь тем, что девушка засмотрелась на яхту, отчалившую от пирса военного дома отдыха.

— Хорошо. Успел, Кукуц. А то для колхозов наряды прислали.

Гогония молча подсаживает Диану на корму, кивает ей и уходит. Кукуц с благодарностью думает о своем друге. Гогония не просто заведующий магазином хозтоваров. Он опекун всего приречного квартала. Он знает, кому что нужно, и все достанет рано или поздно, выкопает хоть из-под земли. А людям всегда нужны электрический шнур, гвозди, мел, доски, цемент и прежде всего шифер, железо, рубероид. Гогония внешне не производит впечатления добряка. Но мало ли людей под маской добродушия прячут мелкую душу! Гогония другой! Он входит в заботы покупателей, как отец. Он достает кровати молодоженам, сети рыбакам, смолу для ремонта лодок, олифу... Гогония бескорыстен. При нем не повернется язык назвать советского торговца жуликом.

Нести рулоны ужасно неудобно. Будьте прокляты костыли и гитлеровцы, оторвавшие ему ногу! Не родись распроклятый фюрер, плясал бы Кукуц наурскую, играючи бы тащил не только эти черные свитки.

— Спасибо, Кукуц! — такими словами провожает его Эльвира и возвращается, чтобы еще раз упрекнуть дочь в бессердечии.

В воображении матери Кукуц по-прежнему горячий, шустрый мальчишка, а позже солдат в пилотке, плясавший у причала, а потом первым пошедший по сходням на транспорт, увезший навсегда ее мужа.

Не понимает она, что, вспоминая о прежнем Кукуце, она видит Жиго. Кукуц воплотился в горячем Жиго.

Жиго жадно и смело требует свою долю в жизни, той самой, за которую потерял ногу Кукуц. Тельняшка или просто «бобочка» на голом теле, а подует ветер — чешская куртка из хаки, все дешево, мило; для Дианы этот костюм Жиго — просто шик.

— Не пойду я за Кукуца,— бормочет она и сквозь дрему, застлавшую ее сознание, различает тихий шепот через окошко, куда ласково просятся листья бананов: «Диана, выйди, Диана».

— Сейчас, Жиго,— наклоняясь к стеклу, шепчет она и долго не может прихватить дрожащими пальцами пуговку на спине. Жиго, задыхающийся от счастья, уводит Диану через кукурузные стебли, мимо мягких сырых стволов бананов к причалу, где их поджидает байдарка, легкая, как сон.

Жиго бережно усаживает девушку в байдарку, отталкивается от причала мускулистой ногой, и через несколько коротких минут они могут уже укрыться в бамбуках, никто не разыщет их, сколько ни скрипи костылями Кукуц, сколько ни таращи глаза в темноту.

— Я не хочу давать счастье,— исступленно, со слезами бормочет девушка, целуя плечо Жиго,— я хочу и м е т ь счастье. Ты дашь мне его? Да, ты, ты и только ты!

Вероятно, Жиго захвачен врасплох, девушки еще так остро не ставили перед ним таких важных вопросов. Он слишком молод, чтобы надолго вперед рассчитывать свои силы, но он честно обещает, и ему верит Диана. Чувства ее выше всяких расчетов, клять, выше облаков и луны, громче прибоя, штурмующего устье Акуары.

В честь жизни

Спартак КУЛИКОВ

ЧЕЛОВЕК

Не славословьте Будду,
а с ним Христа.
Я был, я есть, я буду
и без креста.

Нет вечной мощи в стертых
словах гробниц.
Я воскрешаю мертвых
в тиши больниц.

Во тьме миры лучатся,
мне шлют привет.
Мои ракеты мчатся
в косматый свет.

Клянусь: ковчег не плавал
нигде, вовек.
Нет, я не бог, не дьявол,
я — человек.

МОЩЬ

Мощь мне распирает грудь!
Хочется планеты гнуть
ради шутки,
ради дела,
чтобы кровь была быстра,
бунтовала,
молодела
красным пламенем костра!
Дух веков
мне
с плотью тленной
дал
надзвездные права.

Эй, вы,
жители вселенной,
засучите рукава!
Новый Млечный Путь построим
и проезд на нем откроем!

ПЕЙЗАЖ

Я бреду. В ногах усталость.
Право,
жизнь порой чудна:
от моих штиблет осталась
только песенка одна!

Я пою ее в дороге
в честь
берез и ячменя!
Где-то полдень на пороге
с кружкой ливня
ждет меня!

Затерянная в толпе

Наталья КОНЧАЛОВСКАЯ

Глава из повести «Великий красноярец» *

Василию Ивановичу Сурикову боярыня Морозова казалась похожей на Авдотью Васильевну Торгошину — жену дяди Степана Федоровича, с которого он писал «чернобородого стрельца».

Василий Иванович представлял себе Морозову в высоком черном треухе, со светлыми, широко раскрытыми, ищущими глазами. Такой он и написал ее в этюде. А иной раз виделась она ему похожей на Настасью Филипповну из романа Достоевского «Идиот». Та поражала красотой худого бледного лица с большими черными, сверкавшими, как раскаленные угли, глазами.

Какой же она была, эта боярыня, открыто объявившая бунт царю, патриарху Никону, увлекшая и сестру свою княгиню Евдокию Урусову в раскол?..

Василий Иванович вдруг вспомнил сибирское суровое детство свое. Ледяные буруны на Енисее. Звонки поддужные на морозе. Укатанный полозьями снег за кошевой. Высокие, четырехскатные, укутанные в снег крыши. Торгошинский дом с переходами и крылечками. Тетку-«крестиньку» Ольгу Матвеевну, с вязаньем сидящую возле высокой кровати, а на перинах он, семилетний казачонок, слушает ее голос, приглушенный и спокойный:

«...Сидят они в яме, цепями прикованные. В холоде, в голоде, в язвах и паразитах, рубищами прикрытые. А возле ямы страж ходит. Вот боярыня и просит его: «Миленький! Дай хоть корочку, не мне — сестре, видишь — помирает!» А страж, глядючи на них, сам-то плачет да и отвечает: «Не приказано, боярыня-матушка!» Страж-от корку бросить боится — царь не велел кормить их. Вот она посмотрела на стража из ямы-то, сама вся белая, а глазищи-то большие, из темноты так страшно блистают, и говорит: «Спасибо тебе, батюшка, что ты веру нашу и терпение укрепляешь...»

Вот откуда она была знакома красноярцу, эта женщина! Образ ее был тесно связан с деревянными сундучками-укладками, где у мамы — Прасковьи Федоровны — хранились старинные шугаи, сарафаны, шуршащие шелком повойники, шитые изумительным рисунком, с тусклой позолотой, от которой тянуло неуловимым запахом окиси.

Сейчас образ боярыни шел к нему из Сибири и вел за собой вереницу давно не виденных, но живых в памяти типов русских красавиц, что таращат на морозе пустыми ведрами у колодцев. Этих молодок с заревыми лицами и голубыми тенями под ресницами... Этих озорных мальчишек с веснушчатыми рожицами, валяющих друг друга по сугробам с визгом, хохотом и ликованием... Этих бородатых мужиков в тулупах, с суровыми, обветренными лицами и глазами, часто пронзительно-светлыми, как ледок на весенней лужице, и зрачками — черными точками, словно шляпки гвоздей... Этих занятных старых русских дьячков с косичками...

Все это возникало в памяти Сурикова зримо и ощутимо, и все было тесно связано с женщиной, яркой, пугающей своим фанатизмом и восхищающей своей духовной красотой, защищающей свое верование, «аки лев»...

Была на Преображенском старообрядческом кладбище знакомая старушка у Сурикова — Степанида Варфоломеевна. Там просиживал он часами, слушая рассказы, делая эскизы. Старуха познакомила его с раскольницами-монашенками. Они охотно позировали ему уже за то, что он был казачьего рода, сибиряк, и еще за то, что не курил.

Многие женские типы в толпе пришли в картину с Преображенского кладбища. Толпа была написана вся целиком. Она колыхалась, дышала, то отодвигаясь, то приближаясь к саням. И каждый в толпе жил, выражая свое собственное: восторженное поклонение, как сидящие на снегу нищенка и юродивый; или угрюмое раздумье, какое сосредоточилось на лице у странника; или обыкновенное любопытство, с каким выглядывает из толпы справа медналицый татарин — у него лоб блестит, как начищенный кувшин,— или торжествующую издевку, с какой пересмеиваются поп-никонианец и боярин, стоящие слева.

Василий Иванович писал их, наслаждаясь властью и полнотой своего колористического и исторического видения. Кисть его безошибочно сообщала «светящуюся до мерцания» одухотворенность лицам. Он точно знал все законы цвета и распоряжался ими смело и вольготно. Молодую монашенку с испуганными глазами и трагическим изломом бровей он поставил за склонившейся горожанкой в желтом платке и синей шубке. Эта яркая синяя ткань рытого бархата бросала голубой рефлекс на лицо монашенки, и оно становилось еще бледнее и трагичнее.

А вот теплый вишнево-коричневый тон узорного платка соболезнующей старушки; он придавал розоватость лицу молодой боярышни в белой узорной шапке, той, что, скрестив руки, выглядывала из-за старушки. А как хорошо озарила розовая рубашка веснушчатые, лоснящиеся, упругие щеки мальчика справа от возницы! Зато холодный отблеск снега подсинил руку и лицо мальчика, повисшего на заборе, слева...

А сколько воздуха! Все насыщено им. И между лицом седобородого боярина и древком стрелецкой алебарды живая, воздушная прослойка, пространство. Эта воздушная прослойка чувствуется всюду. Лицо мальчика в узорном кафтане закрывает пол-лица второго зрителя, и цвет кожи у них совсем разный: одно лицо — в тени, другое — на свету, а между ними — воздух.

Каждый цвет был решен по-своему, но каждая ткань служила общему, каждый узор выигрывал на свежести зимнего воздуха. Складка на белом кашемировом платке, шитом цветами, лежала на плече бегущей за санями Урусовой широко и свободно. И здесь мастерство суриковской кисти было тождественно непревзойденному мастерству художников итальянского Возрождения.

Снег. Рыхлый снег клубился, облепляя ноги уходящих и полозья. Вот опять рефлекс на снегу — розовый в колее,— его дает деревянный полоз теплого коричневого тона. Влажность снега поднимается выше, туманит линию горизонта, застилает дымкой уходящие в перспективу лица, золотые купола церквей, и это еще больше насыщает воздухом всю картину.

Все, все обдуманное, выношенное объединилось в картине и подчинилось одной идее. И не было только одного — лица боярыни. Вместо него был стертый мастихином, пустой, незакрашенный холст.

Особенно пугало это жену — Елизавету Августовну. Каждый раз она заглядывала в мастерскую в надежде увидеть лицо раскольницы.

— Вася, ну скажи ты мне, ради бога, до каких же пор это будет? — говорила она, чуть не плача от беспокойства.— Ведь вчера ты вписал такое хорошее лицо! Ну почему ты стер его?

— Не то, Лиля! Не то! Опять ее толпа забивает. Опять затерялась она в толпе. Понимаешь? Жидкая получилась. Слабая. Глядеть на такую толпа не станет. Надо еще искать!

Он поднял с пола этюд маслом, на котором была изображена голова женщины в черном платке. Худое, бледное лицо не было даже закончено, кое-где просвечивал за краской холст. Этюд был превосходным, но это была не Морозова.

— Пойду завтра на Преображенское,— твердо сказал Суриков; приоткрыв крышку сундука, в котором хранились все этюды и наброски, осторожно просунул под нее еще одну «затерянную в толпе».

На кладбище он попал на следующий день только к концу всенощной. Весенние сумерки окутали паперть церкви. Уходили последние прихожане. Василий Иванович вошел. В церкви было еще жарко от надышавшей толпы и горящих свечей. Монашенки гасили последние свечи; одна за другой затухали они от легкого дуновения, погружая постепенно в темноту образа в тускло поблескивающих окладах; от каждого фитилька змеился синий дымок, оставляя знакомый красноярцу с детства горьковатый аромат горячего воска.

Он встал в темный угол. Только одна свеча осталась гореть на налое, возле которого молодая начетчица низким голосом — то говорком, то нараспев — читала поминальные списки, изредка крестясь и гибко кланяясь в пояс.

— С Урала к нам приехала,— шепнула Сурикову Степанида Варфоломеевна, заметив его, притаившегося в тени.— Настасьей Михайловной величают, хорошая начетчица...— Степанида поклонилась ему и вышла.

Трепещущее пламя свечи озаряло прекрасный профиль, выделяя некоторую скуластость. У Настасьи Михайловны были впалые щеки и глубоко сидящие в орбитах глаза, окруженные зеленоватой тенью. И только тонкие ноздри, снизу освещенные, просвечивали розовым.

Василий Иванович стоял в углу, маленький, чернобородый, сжав шапку в кулаке. Стоял, весь словно собравшись в комок.

Не отрываясь от профиля начетчицы, он больше ничего не видел, не слышал и не знал. Настасья Михайловна вдруг почуяла этот взгляд и повернулась к Сурикову лицом. Оно было твердое и встревоженное. Глаза в глубоких орбитах пристально вглядывались в темноту. В лице этом была неистовость духа и отречение от всего земного. Суриков едва сдержался, чтоб не ахнуть громко на всю церковь. Он постоял еще с минуту и вышел прочь...

На следующее утро в церковном садике был написан за два часа знаменитый этюд головы боярыни Морозовой. Обрядив Настасью Михайловну в высокую шапку и черный плат, он писал ее единым духом, единой мыслью, счастливо нашедший то, чего искал и добивался годами.

Когда он привез этюд, дома он никого не застал, да это было и лучше! Он приколол кнопками к краю картины новый этюд, поглядел на него еще раз и, пошатываясь, словно после потрясения, ушел в спальню, лег в постель и немедля заснул чуть ли не на целые сутки...

Елизавета Августовна, вернувшись с девочками с прогулки, испугалась не на шутку, узнав от Фени, что «барин спят».

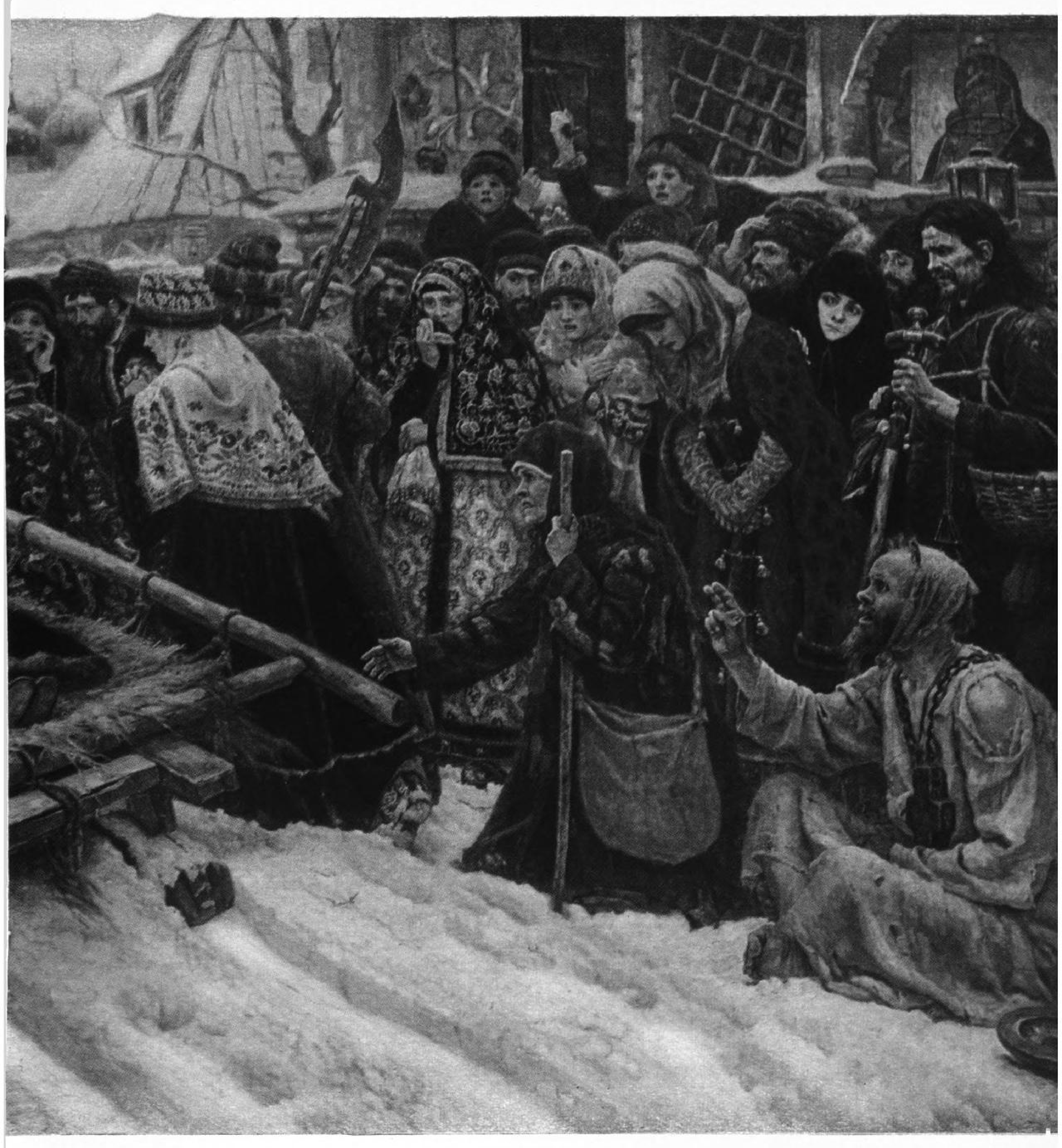
«А вдруг опять воспаление легких?» — в тревоге подумала она; потом приоткрыла дверь в мастерскую, заглянула — и все поняла...

* Повесть о своем деде — В. И. Сурикове писательница Н. Кончаловская пишет по воспоминаниям, оставленным ее матерью О. В. Суриковой-Кончаловской, отцом — художником П. П. Кончаловским, писателем М. Волошиным, художником М. В. Нестеровым и другими современниками В. И. Сурикова.

Вверху: **В. Суриков.** УТРО СТРЕЛЕЦКОЙ КАЗНИ.
Внизу: МЕНШИКОВ В БЕРЕЗОВЕ.
Государственная Третьяковская галерея.

В. Суриков. БОЯРЫНЯ МОРОЗОВА.

Государственная Третьяковская галерея.

В. Суриков. ПОКОРЕНИЕ СИБИРИ ЕРМАКОМ (фрагмент).

Государственный Русский музей.

СТЕПАН РАЗИН.

Татьяна ТЭСС

У МЕНЯ ЕСТЬ ЗНАКОМЫЕ В АНГЛИИ

Рассказ

ПРИЕЗД МИССИС АЛЛЕН

С Маргарет Аллен я познакомилась в Москве.

Дело было так. Она привезла мне письмо от миссис Джонсон, которую я узнала еще во время поездки в Англию. В конверт был вложен листок, исписанный неразборчивым почерком, и носовой платочек с уголком, вышитым собственными руками Сибилл Джонсон. «С моей любовью и лучшими пожеланиями»,— кончалось это письмо, в котором моя английская знакомая сообщала, что в Москву едет ее друг, художница, и просила быть к Маргарет Аллен такой же радушной и доброй, какой я была к ней самой.

Сибилл Джонсон мне очень нравилась. Это была славная женщина, страстный борец за мир, участница знаменитого «Каравана матерей», с которым она проехала по многим странам Европы. Прочтя письмо, я спросила миссис Аллен, чем могу быть ей полезна.

Передо мной сидела розовощекая моложавая дама в вязаном, горохового цвета джемпере и широкой юбке. На плечи ее был с декоративной небрежностью накинут мохнатый шерстяной шарф. Она сидела, заложив ногу за ногу, затягивалась сигаретой и рассказывала о своих планах.

Миссис Аллен приехала, чтобы сделать серию зарисовок Москвы и сопроводить их собственным текстом. Она вынула папку со своими английскими рисунками и показала их мне. Это были акварельные портреты, выполненные изящно, но с той осмотрительной старательностью, которая, как мне кажется, никогда не может заменить непосредственности увлеченного воображения.

— Что вы успели посмотреть в Москве? — спросила я.

— Я была в Большом театре,— сказала она, глядя на свои рисунки.— Посетила вашу картинную галерею. Осмотрела все станции метро. Они очень красивы,— нервно сказала она, и я почувствовала, что она чем-то очень озабочена.

— Какие у вас планы дальше?

— Я хочу узнать, как живут москвичи,— сказала она горячо и немного запальчиво, словно с кем-то спорила. Пожалуй, даже слишком запальчиво для англичанки.— Мне хочется встретиться с людьми, побывать у них дома. В обыкновенной квартире, у самых обыкновенных людей. Вот что мне нужно.

— По-моему, это очень просто сделать.

— В самом деле? — Миссис Аллен покосилась на меня, как недоверчивая птица.

— Это очень просто сделать,— повторила я.— Что еще вам хотелось бы увидеть?

— Понимаете,— начала миссис Аллен и вдруг замолчала. У нее была довольно странная манера умолкать в середине фразы и погружаться в собственные мысли.— Понимаете, я не говорю по-русски! И я попросила, чтобы мне дали переводчицу. Это очень милая молодая девушка. Ее зовут Катья. Она просила, чтобы я называла ее Кэт, и я называю ее Кэт. У нее хороший английский. Вполне хороший. И вообще она славная девушка...

Миссис Аллен снова умолкла.

У нее были светлые локоны, и вначале казалось, что она пепельная блондинка. Но потом я увидела, что у нее полно седых волос. Она была здорово седая, если правду говорить. Но кожа у нее была хорошая: тонкая, с фарфоровым румянцем. И фигура отличная: Маргарет Аллен сидела в кресле, держась прямо, как штык. На тонкой шее поверх джемпера блестели три нитки нейлонового жемчуга.

— Понимаете...— снова начала она и вдруг затараторила так быстро, что я с трудом могла за ней угнаться. Дикция у нее была удивительно неразборчивая.— Кэт очень славная. Но она все время возит меня на метро. И показывает все время одно и то же! Новые дома и новые улицы. Мы уже были с ней — как это у вас называется? — Она заглянула в записную книжку.— Юго-Запад. Это очень хороший новый район, но я хотела посмотреть еще что-нибудь. Тогда она меня повезла — как это у вас называется?— проспект Мира. И там тоже очень хороший, новый район. И тоже новые дома, новые магазины, новые бульвары. И все очень красиво. А ведь у вас есть и старые здания! Не все у вас живут одинаково, я это знаю. В Англии мне говорили: русские вас никуда не пустят. Вы все равно не поймете, как они живут. Вы не знаете русской души,— так сказал мне один мой друг. Наверное, я действительно не знаю русской души! И я опять попросила Кэт, но Кэт опять меня повезла — как это называется? — Она заглянула в записную книжку.— Кутузовский проспект. И там опять новые дома, новые кино... Но ведь я не ребенок!

Неожиданно она снова умолкла и стала быстро и нервно укладывать свои рисунки в папку. В ее ушах были серьги, похожие на древние египетские печати; при каждом движении серьги покачивались.

— Понятно,— сказала я.— Вы действительно не ребенок. Ребенок — это Катя, или, как вы ее называете, Кэт. Но вам совершенно не стоит сердиться на нее за это. В Москве действительно много новых зданий. Кроме того, когда приезжают гости, хозяевам хочется показать свой дом прибранным. Ничего плохого в этом нет. Но если вы хотите, я могу показать вам и старую Москву, пожалуйста! У меня сейчас есть немного свободного времени. Хотите со мной поехать?

— О! — Глаза Маргарет Аллен заблестели.— О! О! — повторила она.— Вы действительно предлагаете мне это?

— Вполне серьезно. Поедем — и все. Только оденьтесь теплей.

— Мы поедем метро? — тревожно спросила она.

— Нет. Не метро и не такси. Мы поедем автобусом. Только оденьтесь теплей.

У Маргарет Аллен было зеленое пальто, в каком в эту пору года можно ходить только в Сочи. Она натянула поверх своего джемпера белый свитер, нахлобучила на голову вязаную шапку, обмотала теплый шарф поверх воротника. Ноги она засунула в высокие меховые сапоги и сразу стала в таком виде похожа на пленного немца под Сталинградом. Серьги из ушей она не вынула, и египетские печати раскачивались при каждом ее движении.

— Хорошо? — победоносно спросила она.

— Просто замечательно! Сейчас вы можете ехать куда угодно.

На улице стояла стужа. Северный, ледяной ветер сшибал с ног, широкое пальто моей спутницы сразу надулось, как парус. Ноги ее в меховых сапогах разъезжались на обледеневшем асфальте, шапку сдувало с головы... Уцепившись за мой рукав, она храбро шагала к остановке.

Мы влезли в переполненный автобус. Проход был забит пассажирами, водитель торопился, и мы раскачивались и толкали друг друга, точно кегли в ящике. Сквозь замерзшие стекла просачивался морозный голубоватый свет. Толстый шарф, которым моя спутница обмотала шею, не давал ей повернуть головы, шапка сбилась на затылок, но лицо сияло: она явно была довольна.

Это был один из переулков у Горбатого моста, пожалуй, самый старый и самый обветшалый тупичок из всех сохранившихся от прежней Москвы. Вдоль тротуара стояли покосившиеся двухэтажные домики с изрядно ободранной обшивкой. Ступеньки, ведущие к дверям, потрескались и обвалились. Пройдя сквозь калитку, мы оказались в заснеженном дворе; посредине его стыла под ветром старая узловатая липа. В глубине двора пожилая толстая женщина в плюшевой кофте развешивала на веревке одеяла.

— Вот,— сказала я и показала на все это широким жестом гида, который наконец-то привел экскурсантов к пирамиде Джосера.— Вот то, что мы получили от старой Москвы в наследство, так сказать. Никакого сходства с Кутузовским проспектом, как вы видите.

Я обернулась к своей спутнице, но ее словно ветром сдуло. Она стояла у крыльца, вытянув шею, и глядела на обшитую клеенкой дверь с двумя ящиками для почты.

— О! — сказала она умоляющим голосом.— Если бы мы могли зайти сюда! Если бы только можно было зайти и поговорить!

— Ну, что ж! Давайте попробуем. Правда, не так-то удобно напрашиваться в дом к совершенно незнакомым людям. Но давайте попробуем.

Возле нас вертелись два мальчугана лет шести. Миссис Аллен в ее меховых сапогах и гренадерской шапке притягивала их, точно магнит. Заложив руки за спину и приоткрыв розовые рты, они безмолвно разглядывали ее.

— Здорóво, орлы! — сказала я.— Кто живет в этой квартире, по-вашему?

— Тетя Клава! — сказали они хором, не отрывая от моей спутницы глаз.— Она сейчас одеяла будет выбивать. Во-он там...

Тетя Клава, запахнув плюшевую кофту на толстой груди, в эту минуту взялась за выбивалку. Она повернула ко мне румяное лицо.

— Из жилуправления? — сказала она.

— Нет. Понимаете, тут одна дама... Она художница, приехала из Англии. Ужасно хочет попасть в московскую квартиру, посмотреть, как мы живем.

— Музеев им не хватает,— сказала тетя Клава без всякого удивления.— Пошла бы лучше в Третьяковку или там в Успенский собор.

— Ну уж ладно, тетя Клава,— сказала я.— Пригласите ее, если вам не трудно. А то ей все кажется, что мы от нее что-то прячем.

— А чего тут прятать? — спросила тетя Клава по-прежнему без всякого удивления.—

См. «Огонек» № 20.

Старый дом и есть старый дом! Чего особенного?

Она поправила платок, сползающий с седой головы, и направилась к посетительнице. При виде ее миссис Аллен вся пришла в движение, как ива под ветром, и ринулась навстречу.

— Доброго здоровья! — произнесла тетя Клава и с достоинством протянула прямую, как дощечка, руку.— Заходите...

В сенях стояла кадушка с квашеной капустой. На окне умывалась рыжая кошка. Она посмотрела на нас и продолжала тереть лапой уши.

У тети Клавы была небольшая комната. Посреди, у дивана, стоял накрытый вязаной скатертью стол, рядом с ним комод, шкафчик с посудой. В смежной совсем маленькой комнатке умещались только большая кровать с горкой подушек и платяной шкаф. На низеньких окнах зеленели аспарагус и герань. В аквариуме, шевеля плавниками, висели, как привязанные, золотые рыбки. На полу, в углу, лежали книги, сложенные в стопку. Все вещи, выскобленные и отмытые до блеска, устрашали своей беспощадной чистотой.

— Вы уж извините,— сказала тетя Клава.— У меня полный разгром.

— Что она говорит? — спросила миссис Аллен.

— Она просит извинить, что у нее не прибрано.

— Но здесь очень уютно! Веет приятной стариной...— Миссис Аллен озиралась, разглядывая стены.— А нельзя ли узнать, какая у нее семья? Много человек живет в этой квартире?

— Что она говорит? — спросила тетя Клава.

— Она говорит, что ей у вас очень нравится, и спрашивает, много ли человек живет здесь.

— Четверо. Сейчас нас четверо. Дочка, сын с невесткой и я. А когда был жив мой старик, нас было пятеро.

Тетя Клава сидела напротив нас; платок она сняла с головы и накинула на плечи. Она подняла руки и аккуратно пригладила ладонями свои седые волосы. У нее было широкое, полное, доброе лицо и на подбородке родинка. Вероятно, когда она была молодой, эта родинка ужасно шла ей.

— Вот на этой кровати я родилась,— сказала тетя Клава.— И моя мать тоже родилась на этой кровати. Это очень старый дом, мы живем в нем давно.

— Что она говорит? — спросила миссис Аллен. Она тоже разделась и сидела в своем гороховом джемпере и гренадерской мохнатой шапке.— Спросите у нее, пожалуйста, что делают ее дети...

Но не успела я перевести, как раздался страшный грохот.

Домик легонько покачнулся, кошка на окне перестала умываться и прыгнула вниз. Миссис Аллен остановилась на половине фразы, приоткрыв рот. Я никогда не видела, чтобы человек так быстро бледнел: кровь отхлынула от ее лица мгновенно, оно покрылось иссиня-восковой, смертельной белизной. В ее глазах я увидела ужас и тотчас поняла, что ей пришло в голову.

Под окном поднялось густое облако пыли. Она медленно оседала на чистый, молодой снег.

Я покосилась на тетю Клаву. Ее лицо было безмятежно.

— Прикончили! — сказала она.— Дом номер пять прикончили. А наш дом — номер седьмой. Его на следующей неделе обещают ломать. В новую квартиру переезжаем, слава те господи!

— Что она говорит? — взвизгнула миссис Аллен и вскочила.

— Все в порядке,— сказала я.— Мне кажется, нам стоит выйти на улицу. Там можно увидеть кое-что интереснее.

В узком переулке, зарываясь в кучи снега, с трудом разворачивался бульдозер; облако пыли все еще витало над ним. На месте соседнего дома возвышалась гора разломанных досок, мусора и битого кирпича. Молодой щекастый парень в сдвинутой набекрень ушанке примеривался, высунувшись из кабины бульдозера, пройдет ли машина между столбами. Поодаль, на противоположной стороне, за ним с детским любопытством наблюдали две старушки в платочках.

— Эх, не горюй, Маша, будешь наша! — самозабвенно крикнул парень и двинул бульдозер к покосившемуся флигельку в глубине двора. Старушки счастливо перекрестились.

— Что он говорит? — прошептала миссис Аллен.

— В общем, это трудно перевести. Примерно так: «Не плачь, Мэри, войдешь в двери» или что-то в этом роде. Смотрите, сейчас будет самое интересное!

Примерившись, бульдозер легонько ударил панцирной грудью в стену. Стропила с утиным кряканьем встали дыбом, и мы увидели поразительное зрелище: крыша на долю секунды приподнялась над домом, словно хотела улететь, как ковер-самолет. Потом она рухнула вниз, раздался грохот, стена обвалилась, обнажив печку и угол с голубыми обоями. Бульдозер ударил второй раз — рухнула и печка, над горой мусора взвился столб пыли, покатилось пустое ржавое ведро. Бульдозер, глухо урча, стал пятиться назад.

— Мамаша! — закричал парень в ушанке, высунувшись из кабины и глядя на окаменевшую миссис Аллен.— Шли бы вы лучше отсюда, мамаша! Дом сносить — не блох ловить: зацепит вас, потом не распутаешься...

— Что он говорит? — пролепетала миссис Аллен, поправляя шапку.— Что здесь происходит, объясните мне ради бога...

— Ничего особенного. Сносят старые дома. Тут по плану будет совершенно другая улица. А людей, которые жили здесь, уже переселили в новые кварталы. И тетю Клаву, у которой мы были, тоже скоро переселят. Она получает новую, хорошую квартиру. Но теперь давайте пойдем отсюда, не будем мешать ему работать.

— Не горюй, Маша! — упоенно крикнул веселый водитель бульдозера и стал подбираться к другому флигелю.

— О, нет, пожалуйста, нет! — умоляюще сказала моя спутница.— Не будем уходить! Я еще хочу посмотреть... Я еще должна понять... О, пожалуйста, нет!

— Ладно,— сказала я.— Останемся, если уж вам так хочется. Только отойдем в сторонку.

На следующий день после встречи с миссис Аллен я уехала в командировку. Первое, что я увидела, когда вернулась домой в Москву, была записка, лежащая у телефона:

«Звонили из больницы. Миссис Аллен заболела, ей сделали операцию. Она просила к ней приехать, как только вы вернетесь».

Перечтя записку, я побежала в редакцию. Навстречу по коридору шла секретарша, хорошенькая девушка с челкой, недавно поступившая к нам.

— Тут для вас есть записка,— сказала она и с интересом посмотрела на меня.

Я развернула сложенный вчетверо листок:

«Звонили из больницы. Миссис Аллен заболела, ей сделали операцию. Она просила к ней приехать, как только вы вернетесь».

По пути в больницу я все время думала о бедной миссис Аллен и старалась представить, что с ней произошло. Заболеть в чужом городе всегда печально. А если вдобавок не знаешь языка... Нет, ей действительно не повезло.

Честно говоря, до той поры я понятия не имела, что в Измайлове построили такую большую новую больницу. На заснеженной площади среди новых кварталов возвышались огромные корпуса. Пока дежурная вела меня, я расспрашивала о пациенте из Англии. Сестра рассказала, что у миссис Аллен был аппендицит, очень запущенный к тому же, и едва ее привезли из гостиницы, как немедленно положили на операционный стол. Операция прошла хорошо, скоро ей разрешат вставать.

Так мы дошли до палаты. Сестра открыла дверь. Маленькая светлая комната была пуста.

— Уже поднялась,— сказала сестра.— Шустрая какая! Наверное, сидит в холле...

Но в холле миссис Аллен не оказалось. На диване, оживленно разговаривая, сидели три старушки в байковых халатах. Лучи зимнего солнца лежали на хорошо натертом паркете.

— Видите вашу англичанку? — спросила сестра.

Я огляделась. Миссис Аллен не было.

— Вот она! — сказала сестра.

Я опять огляделась. Миссис Аллен и признака не было.

Старушки, запахнувшись в халаты, продолжали разговаривать. Сестра потянула меня вперед.

— Да вот же ваша знакомая! — недоуменно повторила она.

И тут в одной из старушек я узнала миссис Аллен.

Едва сняла она с себя гренадерскую шапку и широкую, как кринолин, юбку, едва осталась без губной помады и бриолина, как сразу стало видно, сколько ей лет. Из-под длинной больничной рубахи высовывались худые костлявые ноги в тапочках, пряди седых волос уныло свешивались вдоль похудевших щек.

— Дарлинг! — пролепетала она, увидев меня.

Она сделала порывистое движение и тут же, охнув, схватилась за бок. В ее глазах я прочла испуг, смятение, мольбу. Обхватив ее за талию, я повела бедняжку в палату. Она опиралась на меня всей своей тяжестью, тяжело дышала, в глазах ее были слезы, и опять я угадала в них испуг и непонятную мне мольбу...

Устроившись в постели, она взяла меня за руку.

— Я знала, что я нездорова,— сказала она шепотом.— Знала давно. Я часто чувствовала слабость и эти странные, неожиданные боли... Но я так боялась пойти к врачу! Одинокой женщине очень страшно болеть. И потом... Я не могу сказать, что я бедна. Но лекарства и врачи — это то, что разоряет людей, делает их нищими. У меня есть небольшой капитал, оставленный в наследство отцом. Боже мой, его так легко потерять! Как же я буду тогда жить?

— Помилуйте, ведь вы же художница, у вас есть профессия...

— Что вы! — Она покачала головой.— Живописью можно заниматься, только если у вас есть капитал или вы где-то служите, имеете другую специальность. Человек не может прожить на деньги, которые дает искусство. Это невозможно.

— Ну, теперь вам уже вырезали ваш аппендикс, и вы можете успокоиться. Самое страшное позади.

— О, если бы это было так! — сказала она, словно умоляла кого-то, невидимого мне.— Если бы это было так! Но мне все время кажется, что самое страшное впереди. Я боюсь...— Она притянула меня к себе слабой, горячей рукой.— Я боюсь,— повторила она шепотом.— Если бы вы только знали, как я боюсь, что у меня что-то ужасное, неизлечимое... Рак! — сказала она одними губами, и я увидела на ее лице ужас.

— Перестаньте выдумывать. У вас был самый банальный аппендицит — и все. Только немного запущенный. Очень хорошо, что вы от него избавились.

— Нет, нет! — торопливо сказала она.— Этого никто не может знать!

— Послушайте...— Я погладила ее по руке.— Через несколько дней вы вернетесь в гостиницу. Но если вас мучают страхи... Я могу рассказать об этом врачу, и вам, для вашего спокойствия, сделают здесь все исследования.— Увидев на ее лице смятение, я добавила поспешно: — Можете не волноваться, у нас это делают бесплатно.

Но едва я пыталась подняться, как миссис Аллен снова хватала меня за руку, и я чувствовала, как эта худая, как куриная лапка, рука дрожит. Я смогла уйти только тогда, когда она наконец уснула.

Маргарет Аллен лежала на спине, чуть отвернув голову. Плотно сжатые веки вздрагивали. Но даже во сне лицо ее было испуганным и печальным.

Прошло несколько дней, и я услышала в телефонной трубке знакомый голос. Моя английская знакомая восторженно сообщила, что у нее оказалось все в порядке и она скоро выписывается из больницы. Прошло еще две недели, и раздался звонок уже из гостиницы. На радостях я пригласила художницу к себе домой, пообедать.

Открыв дверь, я увидела перед собой прежнюю Маргарет Аллен, подтянутую, с подкрашенными розовой помадой губами и безупреч-

ной прической. Только теперь на ней была кокетливая, похожая на кастрюльку шляпа, а гороховый джемпер заменила красная пушистая блуза с большим вырезом.

— Лавли! — воскликнула она, с любопытством озираясь.— Уондерфул!

После рюмочки русской водки щеки ее порозовели. Она болтала, показывала зарисовки, сделанные в больнице, свои московские этюды... Вторая рюмка еще больше подбодрила ее. Когда мы приступили к кофе, она тараторила без умолку, рассказывала о маленьком городке, в котором живет, о том, как празднуют в Англии рождество и Новый год, о подарках, которые дарят перед рождеством друг другу... Но — удивительное дело! — чем больше она говорила, тем ясней я чувствовала: она думает в эту минуту о чем-то совсем ином. Во всяком случае, не о том, о чем сейчас рассказывает.

— Что вы делали во время войны, Маргарет? — спросила я неожиданно для самой себя.

Она посмотрела на меня, наклонив голову набок.

— Это странно, что вы именно сейчас спросили об этом,— произнесла она задумчиво.— Очень, очень странно!

Отхлебнув большой глоток кофе, она закурила.

— Во время войны я жила в Лондоне,— сказала она.— Когда начались бомбежки, я пошла работать шофером на санитарной машине. Вообще-то я неплохо водила автомобиль. Но это совсем не то, что управлять тяжелой санитарной машиной. Это, знаете, совсем другое дело: ездить ночью с потушенными фарами, когда на улицах нет ни одного огня, подбирать раненых и отвозить их в госпиталь. К этому не сразу привыкнешь.

Она остановилась. Я внимательно смотрела на нее.

— Один раз я везла в машине мальчика лет четырнадцати, у которого снесло половину лица,— сказала она медленно.— А другой раз бомба попала в большой госпиталь. Я думала, я никогда не смогу этого забыть. И все-таки забыла.— Она затянулась папиросой.— Я не была трусихой, в общем. Но одно дело — не бояться бомбежки, а другое — выдержать, когда увидишь то, что после бомбежки бывает.

Я налила ей чашку горячего кофе.

— Спасибо,— сказала она.— Очень вкусный кофе. Вы не удивляетесь, что я так много болтаю? Вообще-то о нас, англичанах, говорят, что мы молчаливы. Это чепуха. Когда человеку необходимо что-то сказать, он все равно скажет,— будь он англичанин, француз или русский. Скажет, потому что он человек.

Она придвинула к себе чашку.

— Когда я была там, в вашей больнице, что-то переменилось во мне. Не только потому, что все были ко мне очень добры. И не потому, что я до этого многое увидела и поняла в Москве. Может быть, потому, что я испугалась смерти? Не знаю... Когда люди начинают бояться смерти, они обращаются к богу. У некоторых людей есть бог. Пожалуй, таких даже немало на свете.— Она покачала головой.— Может быть, им спокойней, чем мне.

Миссис Аллен задумчиво посмотрела на меня.

— Понимаете...— сказала она.— Когда я ехала сюда, я хотела прежде всего увидеть то, в чем мы непохожи. И вот в больнице... Я лежала и думала: «Боже, как быстро мы все забываем!» Вот я уже забыла о том, что мы пережили во время войны. Я забыла о том, что нам одинаково дорого и одинаково ненавистно. Я ходила по Москве и искала, в чем мы различны, что нас отделяет друг от друга. Почему? Почему мы так быстро забываем то, чего человек не вправе забыть?

Она говорила быстро, поминутно затягиваясь сигаретой; на щеках ее выступили розовые пятна.

А я смотрела на эту немолодую женщину, сидящую в моем доме, на ее диковинную, чересчур красную кофту, на причудливый браслет, болтающийся на худой руке, и видела ее в военной форме, с распухшими, красными от бессонницы веками, за рулем тяжелой, пахнущей карболкой и кровью санитарной машины. И еще я видела руины на улицах Лондона; и ту убитую женщину в Ленинграде, в которую попал осколок снаряда, когда она стояла в очереди за хлебом; и худую девочку на вокзале в Воронеже, которую бородатый солдат кормил супом из своего котелка; и старика в горящей Одессе, что стоял у дороги и плакал, и еще многое, многое другое.

То, чего мы не забыли и никогда, никогда не сможем и не захотим забыть.

Рисунок В. ГОРЯЕВА.

СТУЧУСЬ В ЛЮБУЮ ДВЕРЬ

Б. ГУРНОВ

Фото автора.

В берлинских квартирах модны теперь черные ветки с маленькими желтыми цветами. Ими украшают стол, в изящных вазочках ставят на сервант или прямо на пол в больших глиняных горшках. Совсем недавно эти ветки продавались в магазинах по 25 пфеннигов за штуку. Сейчас их можно наломать в любом саду.

В Берлин пришла весна. Яркая, шумная, цветистая.

На углу двух улиц, неподалеку от дома, где я живу, был пустырь. Недавно его расчистили от камней и обломков, распахали и засеяли травой. Семена были одного сорта. Поливали газон равномерно. Одинаково светило солнце. А вот трава выросла разная. На большей площади участка — высокая, густая, сочная, местами похуже, а кое-где совсем чахлая...

— Вот так во всем,— сказал старичок инвалид, подстригавший траву.— И в жизни нашей тоже.

Мой новый знакомый был, можно сказать, философ и считал, что все поступки людей диктуются законами природы.

— Я не говорю о Западной Германии, там и семена посеяны другие, но и у нас, в ГДР, один и тот же посев вызревает по-разному — и в хозяйстве и в душах людей. В основном хорошо, дружно, а местами похуже, сорняки пробиваются. Что ни говорите, точно по законам природы: все от почвы зависит...

Гитлеровцы изобрели теорию «выжженной земли». Отступая под ударами Советской Армии, они оставляли за собой развалины и пепелища. В сорок пятом, когда уже неминуем был крах, в бессильной злобе они продолжали сеять разрушение и смерть, даже на своей собственной земле. Уничтожали заводы, взрывали мосты, сжигали дома.

Многим немцам казалось в те годы, что ничто уже не в силах оживить землю, вдохнуть жизнь в груды мертвого камня. Так думали те, кто, прячась в подвалах от военной грозы, не оценил сразу, что значила для немецкого народа первая послевоенная весна.

Но среди вышедших из бомбоубежищ и вернувшихся из плена было много таких, кто понял, что с солнечным теплом мая сорок пятого над немецкой землей, освобожденной Советской Армией, впервые взошло незнакомое прежде, более светлое, чем наше полуденное, и более радостное светило—солнце свободы. Сквозь дым пожарищ люди видели приближение весны новой жизни. Верили и шли ей навстречу. Каждый своим путем.

Вот этот фотоснимок был сделан в те первые дни в поверженном Берлине на перекрестке Франкфуртераллее и Петерсбургерштрассе. Второй снимок я сделал на днях с той же самой точки, что и безвестный военный корреспондент шестнадцать лет назад.

Трудно поверить, но это действительно тот же перекресток. От старой Франкфуртераллее остались зеленая травяная полоса да кое-какие камни, извлеченные из развалин и уложенные в стены новых зданий.

Как сотни восстановленных и возведенных заново городов Германской Демократической Республики, растет и хорошеет и ее столица — Берлин. Прямее и шире, лучше и краше становятся улицы города. Выше и светлее — дома, счастливее — жизнь граждан первого в истории Германии государства рабочих и крестьян.

Есть у журналистов испытанный прием — разговор с «человеком с улицы». Но он отнюдь не безупречен. Человек, в будний день идущий по улице, чаще всего куда-то спешит. Как выбрать собеседника в пестрой толпе прохожих?

Быть может, лучше зайти в дом? Но куда, в какую дверь стучать?

— В каждом деле нужна система,— говорил когда-то мой старый учитель.

Я остановил свой выбор на самой простейшей.

Видите высокую башню углового дома справа? Там, где три балкона, на третьем, шестом и девятом этажах? Вот я и решил познакомиться с людьми, что живут за широкими окнами-дверьми.

Счастливого пути, Гельмут!

На третьем этаже, справа у двери, черная кнопка звонка вделана в табличку с фамилией Курцманн. Заношу первую запись в блокнот. Звоню.

— Кто там? — слышу женский голос.

— Корреспондент...

Щелкнул замок, и в дверях появляется недоуменное лицо.

— Вы, вероятно, ошиблись этажом. Мой муж — простой железнодорожник. Это у Вильгельма Кёнена юбилей. Но он живет на шестом...

— Нет, нет, я шел именно к вашему мужу.

Показываю две фотографии, старую и новую. Объясняю, что задумал написать. Из соседней комнаты появляется сам Курцманн. Приземистый, широкоплечий пожилой мужчина в форменном кителе. Прислушивается, а потом говорит, что замысел ему нравится, он готов помочь.

Садимся к столу. Хозяин надолго задумался. Я смотрю на его натруженные, огрубевшие от работы руки. Жилистые пальцы в мелких точках въевшейся угольной пыли. Курцманн морщит лоб, выразительно пожимает плечами.

— Не знаю, с чего и начать,— заговорил он наконец.— Первый раз беседую с журналистом. И рассказывать-то, кажется, не о чем. Вам нужно сенсационное, необычное, героическое. А что героического в моей работе? Пришел домой, поел, поспал. Глядишь — и снова в рейс. И так без передышки тридцать один год. Вот и сейчас,— он взглянул на часы,— пора! Пришли бы чуть попозже, не застали б дома. Сегодня в ночь во Франкфурт и обратно.

— А вы расскажите о себе самое обыкновенное, как жили, как работали.

На кухне, слышно, суетится жена. Складывает в потертый портфель бутерброды, ставит бутылку молока.

Портфель — это национальная особенность. Здесь с ним ходят на работу все: каменщики и железнодорожники, шоферы и сталевары, прачки и министры.

За короткие минуты сборов Курцманна я кое-что узнал о его нехитрой судьбе. Безусым пареньком, бросив школу, он пришел в депо, где сорок лет проработал отец. Сначала на побегушках, потом добрался-таки до паровоза, стал кочегаром. В 27 лет сдал экзамен на машиниста. Работал, как и большинство людей тогда, только ради денег. Считал, что в них и есть человеческое счастье, а добывание их — смысл всей жизни. Газет не читал, политикой не интересовался: за это ведь денег не платят, а неприятностей не оберешься. Жил по принципу «моя хата с краю». Его не трогали: не коммунист, не еврей. Даже от армии освободили: без машинистов в тылу не обойдешься.

Фрау Курцманн вынесла пухлый портфель. По традиции проводила нас за порог, махнула рукой (в какой уже раз!) и просто сказала:

— Счастливого пути, Гельмут!

В депо мы поехали на метро.

— Здесь, в этой подземке,— продолжал свой рассказ Курцманн,— переполненной тысячами людей, искавших спасения в последние дни боев за Берлин, я впервые заинтересовался политикой. Забежал сюда однажды запыхавшийся эсэсовский офицер. Словно автоматную очередь, выстрелил в толпу хлесткую речь о том, что, мол, все, как один, должны встать на защиту фюрера и рейха, ибо гибель фашизма будет якобы концом германской нации. Затем, уже когда наверху все стихло, появился какой-то субъект в штатском и начал толковать о «страшных зверствах» русских и о том, что каждый, кто согласится теперь работать, будет предателем.

Тогда, при офицере, Курцманн смолчал, лишь про себя подумал: «Врет! Жили без Гитлера раньше, проживем и теперь». А штатскому сказал в лицо: «Не то говоришь. Коли будем без дела сидеть в подвалах, подохнем, как крысы. Трудовой человек должен работать».

— Выбрались из подземки. Перед нами лежал мертвый город. На месте родного дома груда камней. Куда деться?

Поначалу устроились у тетки, девять человек в маленькой комнатке. Утром вышли на улицу и начали разбирать кирпичные завалы. Нас никто не заставлял. Мы сами...

Неделю спустя пешком через весь город пошел машинист в родное депо.

Собрались рабочие на мертвом дворе средь перепутанных взрывами стальных путей и неподвижных, словно мертвых, паровозов.

— Рабочий человек трудиться должен,— повторил Курцманн фразу, сказанную в метро.

Вскоре появилось и «начальство». Это был военный комендант, молодой советский офицер с волнистым чубом, спускавшимся на глаза. Собрал рабочих, что были тогда в депо, познакомился с ними, поговорил. В тот день Гельмут Курцманн впервые услышал новое слово: «товарищ». И оно было обращено к нему, немцу. Он понял и почувствовал рабочим сердцем и другие неведомые доселе слова: «коллектив», «бригада», «социализм». С каждым днем все отчетливее, глубже и шире становился их смысл.

Как только в депо образовалась первая поездная бригада, Гельмута Курцманна выбрали бригадиром. За безаварийную работу, за отличную сохранность локомотива и экономию топлива ему дважды присваивали почетное звание «активист». А когда в бригаде услышали о патриотическом почине молодежи — бороться за звание бригады социалистического труда,— решил не отставать от молодых и коллектив Курцманна.

— Странным теперь кажется,—

Берлин, май 1945 года.

задумчиво говорит машинист,— как это раньше работали мы в одиночку, на какого-то дядю... Даже не верится, что было такое...

— Идет!— первым услышал шум приближавшегося состава кочегар Курт Шталь.

Рядом с нами замерли три огромных светящихся глаза пышущего жаром локомотива. Курцманн молодо вскочил на подножку.

— Последний короткий вопрос! — крикнул я ему вслед.— Вы член партии?

— Этот вопрос не такой короткий,— вновь спустился на шпалы машинист.—Думал я об этом, и часто думал. Собирался уже вступать, а потом заколебался: вдруг спросят, а почему же ты, мол, раньше не вступал? И ведь ответить-то будет нечего. Впрочем, разве главное в том, чтобы иметь партийный билет в кармане? Я считаю самым важным идти тем путем, которым ведет народ рабочая партия.

Гвардеец революции

На следующий день мне предстояло подняться тремя пролетами выше, к владельцу балкона на шестом этаже. Утром, собираясь в путь, я прочел в газете заметку под заголовком «Вильгельму Кёнену 75 лет».

«Кёнен, юбиляр на шестом этаже» — сразу вспомнилось вчерашнее знакомство с женой машиниста.

Быстро пробегаю газетный столбец. По случаю 75-летия председателя межпарламентской группы Народной палаты ГДР Вильгельма Кёнена Первый секретарь ЦК СЕПГ и Председатель Государственного Совета Вальтер Ульбрихт направил юбиляру письмо. «Твоя жизнь,— говорилось в нем,— пример беззаветной борьбы за благороднейшие цели человечества: за мир, демократию и социализм».

Шестьдесят лет жизни отдал Кёнен революционному делу рабочего класса. Был учеником и боевым соратником Розы Люксембург, Франца Меринга, Карла Либкнехта, Эрнста Тельмана и Вильгельма Пика. Был лично знаком с Владимиром Ильичем Лениным...

Открыла дверь пожилая женщина.

— Вильгельма нет дома, он в Народной палате,— говорит она.— Там идет торжественное чествование.

... В парадном зале Народной палаты ГДР в глубоком кресле сидит старик с профессорской внешностью и добрым, детским взглядом. Уже три часа тянется бесконечный поток поздравлений. На длинном столе — гора приветственных адресов и памятных подарков. В красной папке — подписанный В. Ульбрихтом текст, что я утром читал в газете. Рядом собрание Сочинений В. И. Ленина — подарок Народной палаты. Последняя модель фотоаппарата от рабочих Дрездена, ваза из Мейсена...

Берлин, май 1961 года.

— Много довелось мне пережить за долгие 75 лет,— сказал мне седой ветеран,— но самое яркое, незабываемое— это, конечно, Третий конгресс Коминтерна в Москве, встречи и беседы с Ильичем. В тот день, когда Ленин выступил с докладом о тактике Российской коммунистической партии, я председательствовал на заседании, а в заключение зачитал резолюцию. Она заканчивалась призывом к пролетариату всех стран стать на сторону русских рабочих и крестьян.

Вильгельму Кёнену довелось быть в Москве и в те траурные дни, когда не стало Ильича, и нести траурную вахту у гроба вождя международного пролетариата.

— Как жаль, что не дожил он до наших дней! — вздохнул Кёнен.— Как хотелось бы мне снова пожать его энергичную руку и рассказать, что на моей родине, в стране, которой он интересовался и которую великолепно знал, его заветы воплощаются в жизнь! На востоке Германии мы осуществили вековую мечту трудящихся о создании государства социальной справедливости, подлинного отечества рабочих и крестьян.

Я прошу товарища Кёнена рассказать о наиболее трудном, запомнившемся ему послевоенном задании партии.

— Их было много. И все нелегкие. Иначе отчего бы, вы думаете, я так поседел в какие-то 75 лет?— шутит мой собеседник.— Восстановление сталелитейного завода в Грёдице, сооружение плотины у Зозы, брикетная фабрика в Бауцене...

Тысячи добровольцев поднял на восстановление грёдицкого завода посланный партией в Саксонию верный солдат революционной гвардии Вильгельм Кёнен. Сотни километров исколесил по хуторам и селам в округе, подлежавшей затоплению после сооружения плотины у Зозы.

— Война кончилась. Хватит! Намучились! Наскитались! Теперь никуда не уйдем со своей земли! — горячились крестьяне, наступая на секретаря обкома СЕПГ. Часами, а то и по нескольку дней кряду Кёнен терпеливо убеждал, доказывал, требовал.

И лишь тогда, когда здоровье не позволило неделями мотаться по цехам и стройплощадкам, питаться на ходу и чем попало, высыпаться в автомобиле за недол-

Счастливого пути! Гельмут Курцманн отправляется в очередной рейс.

Вильгельм Кёнен — гвардеец революции.

Профессор Штраус ведет занятия.

гие часы междугородных переездов,— лишь тогда старый боец перебрался в Берлин...

Все эти трудные годы напряженной партийной, хозяйственной и политической работы и особенно сейчас профессиональный революционер много пишет, стремится отдать молодежи разносторонний опыт и знания. Когда седой ветеран узнал о присвоении ему звания Героя Труда, он сказал:

— Что ж, придется еще поднажать! Работы и планов не счесть, а времени становится все меньше.

Рождение института

Вечером изрядно уставшего от потока приветствий юбиляра повезли на очередной прием. А я прямо из дверей его квартиры направился вверх по лестнице, на девятый этаж.

Уже довольно поздно, а хозяина квартиры все еще нет.

— Сегодня у них праздник,— сказала жена.— Открытие института. Может затянуться, так что лучше поезжайте завтра утром прямо туда, на Гуттенбергштрассе, 14.

Я ожидал, приехав по указанному адресу, увидеть многоэтажное здание с массивными колоннами и широкими, светлыми окнами. А оказалось, что порядковый номер 14 принадлежит небольшому, невзрачному домику на самом берегу Шпрее. У дверей покоробившаяся от дождя, наспех сделанная бумажная вывеска: «Немецкая Академия наук, Берлин. Научно-исследовательское общество естественных, технических и медицинских институтов. Рабочая группа по исследованию основ теории частиц и полей. Руководитель — профессор М. Штраус».

Я уже кое-что знал о профессоре. Поссорившись с отцом — верноподданным буржуа, семнадцатилетний студент-физик Мартин Штраус примкнул к революционному движению. Участвовал в издании прогрессивной студенческой газеты, писал статьи, печатал и разносил по домам прокламации.

Едва успел сдать последний докторский экзамен, как в дом ворвались штурмовики. Арест, суд, тюрьма. Вернувшись из фашистского застенка, начинающий ученый бежал в Данию. Но и там на его след напали гестаповские ищейки. Мартин Штраус перебрался в Чехословакию. Гитлеровцы оккупировали страну. С помощью голландских ученых, знавших и ценивших молодого немецкого физика, после драматических испытаний удалось перебраться в Англию, где прожил до конца войны.

...В пахнущей свежей краской прихожей института меня встретил сам профессор со всем институтским штатом — двумя ассистентами и секретарем.

— Не удивляйтесь, что у нас пока еще так скромно,— предупредил профессор.—Ведь мы первооткрыватели, пионеры теоретической физики в нашей республике. Зато все, что вы здесь видите, организовано, распланировано и оборудовано нами самими!—увлеченно рассказывал он, водя меня по комнатам, пахнущим свежей штукатуркой.— Совсем недавно здесь был один огромный зал. А теперь у каждого рабочий кабинет плюс аудитория для семинарских занятий. Для начала вполне достаточно. Потом, когда мы развернемся, будут готовы проектируемые сейчас научные корпуса в Адлерсхофе. А мы обязательно разрастемся! Ведь в программе наших исследований...

Тут он обрушил на мою голову такой поток научных терминов и формулировок из области теории элементарных частиц, полей, лучей и массы, что я, признаться, почти ничего не понял. Заметив это, профессор перешел на общепонятный язык, доступный простым смертным.

— Овладение энергией атома, полеты в космос, не говоря уже о других многочисленных проблемах науки,— во всем этом непосредственное участие принимают физики-практики. А их достижения и открытия были бы невозможны без разработок, которые даем мы, физики-теоретики. Надеемся, что скоро и наши ученые порадуют мир большими открытиями, и в них будет частичка работы института, при рождении которого вы присутствуете.

Профессор Штраус показал объемистую пачку научной литературы с дарственными надписями авторов из разных стран мира.

— Западные журналисты нередко спрашивают, почему я вернулся на родину, где после фашистского мрака ни у меня, ни у жены не осталось ни одного близкого человека. Я отвечаю, что считал гражданским долгом вернуться на родину, чтобы трудом помогать строить социализм — светлое будущее, яркие лучи которого рассеют мрачные тени прошлого. Поэтому я здесь.

И он обвел руками вокруг себя.

* * *

Живут под одной крышей люди разных профессий, возрастов, привычек и симпатий. Я посетил трех из них. Машинист локомотива, государственный деятель, ученый. Вначале каждый из них спрашивал, почему я решил писать именно о нем, а не о десятках, сотнях, тысячах других, быть может, более достойных. Спрашивали, ибо знали, что рядом с ними, в других домах, городах и селах Германской Демократической Республики живет множество таких же, как они, простых, скромных тружеников, рядовых многомиллионной армии строителей будущего.

Поздно вечером, покидая угловой дом с тремя балконами, над парадной дверью я заметил небольшую табличку с надписью: «Дом принят жильцами на социалистическую сохранность».

— Что это значит? — спросил я у вошедшего в подъезд мужчины.

— Каждый из жильцов принял на себя ответственность за весь этот дом,—сказал он.— Обязались содержать его, как рачительные хозяева.

Но не только о своем доме пекутся жители третьего, шестого, девятого да и всех остальных этажей этого и многих других домов новой, социалистической Германии. Каждый чувствует себя строителем и стражем Республики. Чтобы убедиться в этом, достаточно постучаться в любую дверь, так же, как сделал я в Берлине.

Берлин,
май.

Лев НИКУЛИН

Улица Кампань премьер в Париже мне знакома давно, вообще эта улица достойна внимания. Здесь больше тридцати лет назад в отеле «Истриа» жил Владимир Маяковский, жили здесь Эльза Триоле и Арагон. В наше время улица изменила свой облик: построили новые дома с комфортабельными квартирами, в этих домах по старой памяти есть студии для художников, но в студиях теперь живут по большей части люди, не имеющие никакого отношения к искусству, живут потому, что квартиры стоят дороже.

В этот мой приезд в Париж я попал на улицу Кампань премьер случайно. Я только что закончил свой небольшой доклад, сошел с трибуны, хотел было спуститься с эстрады в зрительный зал, когда меня остановил худощавый, небольшого роста господин и с укоризненной улыбкой сказал: «Не узнаешь?»

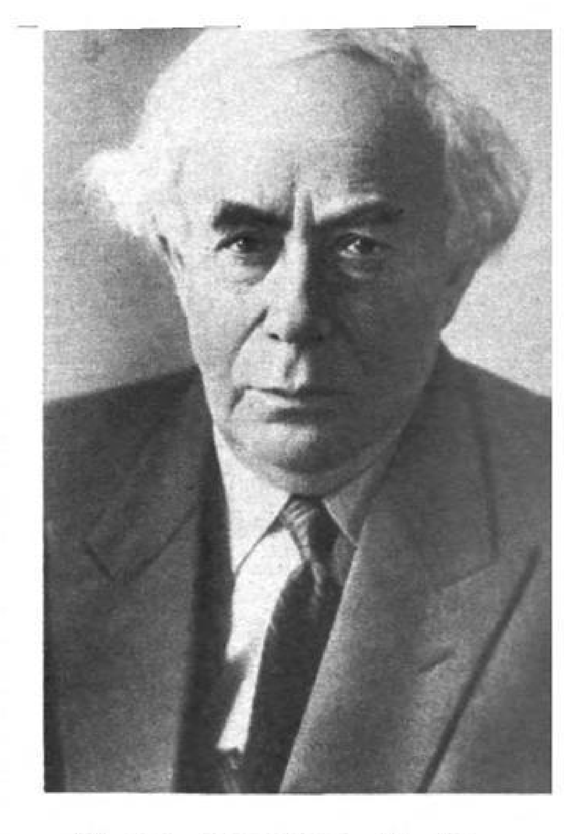
Я, конечно, узнал его с первого взгляда. Разве можно забыть человека, с которым прожил годы молодости, пусть даже с того времени прошло почти полвека?

Дружба наша началась во времена, когда Ленинград еще назывался Петербургом, а мой приятель не месье Жорж, а Юрий Павлович. Встретились мы в редакции одного сатирического журнала, где оба работали, но еще до петербургского журнала мы оба успели побывать в Париже.

Было это накануне первой мировой войны, в ту пору, когда Париж был очень французским, по-настоящему гостеприимным, когда еще гремел голос Жореса, жил и творил Анатоль Франс, Париж сходил с ума от Шаляпина и русского балета и модным течением в живописи был кубизм. С тех пор Париж стал для моего приятеля магнитом; вернувшись на родину, он тоже увлекался кубизмом, но это не мешало ему очень почтительно беседовать с Ильей Ефимовичем Репиным, рисовать своих современников, поражая сходством с оригиналом, а позднее стать превосходным рисовальщиком-портретистом; его иллюстрации к «Двенадцати» Блока были поистине восхитительны. У художника была своя манера, было то, что называется самовыражением, его картины и рисунки узнавали сразу. Он был новатором, но новатором талантливым, и его живопись не имела ничего общего с примитивными футуристическими плакатами.

Я уже говорил, что Париж был магнитом для моего приятеля. Он был убежден, что именно там столица художников, там издавна создается новая живопись, и, несмотря на то, что мой приятель был известен на родине, в 1923 году он уехал в Париж и поселился там навсегда.

БА ХУДОЖНИКА

20 мая исполнилось 70 лет известному советскому писателю Льву Вениаминовичу НИКУЛИНУ.

Он прожил в Париже тридцать семь лет и, в общем, мог себя считать преуспевающим, хотя ему очень далеко до славы, но, как говорят в Париже, для русского художника он сделал, что мог. Он работал с успехом, главным образом как театральный художник.

В общем, для художника, которому было уже за семьдесят, судьбу его нельзя было назвать блестящей.

А как живописец он делал нечто странное, в этом я убедился в его мастерской. Его искания заключались в том, что он придумывал некий синтез живописи и скульптуры, нечто отчасти похожее на рельефную карту какой-то неведомой планеты, какие-то потеки красок и почему-то веревки, приклеенные к холсту.

Мои спутники, приглашенные, как и я, в мастерскую художника, из вежливости делали вид, будто заинтересованы этими странными исканиями художника, а мне было грустно.

Я помнил то, что делал мой старый приятель на родине, вспомнил поразительный по сходству и оригинальности выполнения портрет Алексея Максимовича Горького, один из лучших, если не лучший из всех, которые я видел, портреты Анатолия Васильевича Луначарского, Леонида Борисовича Красина, портреты наших писателей старшего поколения. Я видел и другие работы моего приятеля (лет тридцать назад я побывал у него в мастерской, в то время он работал в более скромной мастерской на окраине Парижа), и мне казалось странным, почему он рисовал бутылки, пустые или наполовину наполненные, запыленные, грязные, с осадком, бутылки из-под вина, как бы там ни было, но это был мастерски написанный натюрморт.

Мне куда больше нравилась другая, более поздняя работа Юрия — стулья, просто стулья, на которых никто не сидел. Но они были поставлены так, как будто только что ушли собеседники. Было что-то привлекающее внимание в этих отшвырнутых в сторону стульях, выписанных вполне реалистически, какая-то безотрадность и тоска. Это впечатление усиливалось мрачным фоном, как бы черным провалом, на котором резко выделялись эти самые стулья. Невольно думалось: кто были люди, только что сидевшие в этом мрачном уголке, о чем они беседовали — о коммерческой сделке или замышляли кровавое дело? В картине было настроение, безнадежность, близкая к отчаянию, а не просто натура; было познание предмета, то, о чем говорил еще Леонардо да Винчи. Это было совсем другое — это была живопись, а не те потеки краски и веревки, приклеенные к холсту, то, к чему, к сожалению, сегодня пришел художник.

Мы все еще стояли перед этими... Трудно было назвать вещи, созданные для того, чтобы ошеломить покупателя, картинами. Покупатели! О них здесь мечтают, ждут счастливой минуты, когда на «кадиллаке» или «ройсе» приедут дама или господин с чековой книжкой в кармане, ни слова не говоря, выпишут чек и увезут в Бостон или Чикаго шедевр.

Невольно вспомнился забавный анекдот. В студии одного очень известного художника произошел такой разговор:

«Скажите, что, собственно, изображает эта картина?» — спрашивает покупатель.

«Эта картина изображает двадцать тысяч долларов», — ответил знаменитый художник.

Мы мирно беседовали в мастерской моего старого приятеля, и в голосе его мне послышались нотки горечи.

Он рассказывал нам об ослепительной карьере «графа» Бориса Ланского, звезды абстрактной живописи. Показал нам подарок Ланского — маленькую картину, напоминающую кусок аляповатых обоев. У Ланского дело поставлено широко: секретарь, шикарная студия, автомобиль «роллс-ройс». Здесь же, на улице Кампань премьер, живет другое светило абстракционизма — скульптор. Недавно он выставил свой шедевр — конструкцию из жести, напоминающую смятый в аварии передок автомобиля. У этого скульптора тоже секретарь и автомобиль «люкс» ценой в восемнадцать тысяч долларов.

Как-то одно из светил абстракционизма так ответило на справедливую критику его «шедевров»: «Гогена, Ван-Гога, Сислея тоже не признавали!..»

Это звучало как кощунство. Светило абстракционизма забыло, что Гоген, Ван-Гог и Сислей жили и творили в холоде, нищете, в голоде, продавали свои картины за гроши и тем обогатили тех, кто их приобретал. Ван-Гог, взыскательнейший к себе художник, в муках творчества покончил с собой.

Впрочем, так же кончил художник по фамилии Сталь; его судьба, я уверен, когда-нибудь послужит сюжетом романисту.

Итак, жил в Париже художник Сталь.

Он был честным художником, писал реалистические картины, бедствовал; так продолжалось до того дня, когда он устал жить впроголодь, как живут сотни художников в Париже. И Сталь объявил себя абстракционистом. Он понимал, что это капитуляция, но как быть, если хорошие реалистические картины не покупают, а абстракционисты в моде? И на самом деле, как только Сталь сделался абстракционистом, о нем заговорили, дела художника поправились, впрочем, и здесь были более удачливые конкуренты. Но хуже всего было то, что художник рисовал абстрактные картины с омерзением; чем меньше в них было мысли и настоящих исканий, тем они ценились дороже. Надо думать, что покупатели, меценаты, поощряющие абстрактную живопись, понимали, что картины Сталя написаны не от души, но все-таки мода взяла свое, и художник жил в довольстве. Но он был честный художник; однажды ему опротивело то, что он делал ради денег, вся эта мазня, рассчитанная на снобов; ему опротивел абстракционизм, он понял, что это горький хлеб для настоящего мастера, и вернулся к реалистической живописи.

И все кончилось. Исчезли покупатели, о произведениях художника Сталя уже не спорили, его мгновенно забыли. Вспомнили только тогда, когда узнали, что художник кончил жизнь самоубийством. И поднялся невообразимый шум вокруг наследия художника. Вы думаете, что заинтересовались тем настоящим, что оставил после себя Сталь? Ничего подобного! Реалистической живописью художника никто не интересовался, ажиотаж, шумиха поднялись вокруг картин, которые Сталь писал в пору его перехода к абстрактной живописи. Эти картины продавались за баснословную цену.

Вот судьба художника в жутком мире, где искусством правят мода и доллар. Господа меценаты не хотят видеть жизни, которая кипит вокруг, они бегут от действительности, им чуждо настоящее искусство, эти господа развращают и губят художников, заставляя их создавать явную бессмыслицу, превращая их в торгашей. Разве не трагична судьба художника, опустошенного бессмысленным, измучившим его трудом, ложью и покончившего счеты с жизнью?

О чем бы мы ни говорили с моим старым приятелем, иногда разговор становился острым спором, но споры затихали, когда мы говорили о молодости, о прошлом. Мы вспоминали Петроград и Москву первых лет революции, революционные празднества в 1920 году, в день открытия Второго конгресса Третьего Интернационала, великолепное массовое зрелище на Неве, тысячи его участников и десятки тысяч зрителей: питерских рабочих, красноармейцев, моряков. Вспоминали наших друзей, тех, кого уже нет на свете и кто еще живет и работает в полную силу у себя на родине. Что бы ни говорил мой собеседник, сквозь раздражение и запальчивость я угадывал в его тоне грусть по ушедшей молодости и гордость, что ему довелось участвовать во вдохновенном, творческом труде людей нашего искусства в первые годы молодой республики.

Он пытался защищать свои позиции — бытие художника, все-таки признанного Парижем. Несмотря на свою странную по меньшей мере живопись, он не стал абстракционистом, он не отрекся от того, что сделал почти сорок лет назад.

Я понял это, когда мы поднялись на второй этаж, в комнаты, где он жил, в мастерской он только работал. И там я увидел то, что было создано художником на родине и в Париже, когда он еще не испил отравы сомнительного успеха. Я снова, через много лет, увидел портреты наших современников, превосходно написанный портрет матери художника, эскизы к постановке повести Гоголя «Нос», неосуществленной постановке, потому что здесь, на чужбине, она оказалась никому не нужной. Все это лежало и лежит без движения в папке художника.

Искусство дает человеку возможность выразить свою сущность, выразить себя, оставить по себе память навечно в своих творениях, если он действительно художник. Не в «фотографичности», бездушном копировании природы назначение истинного художника. Еще Гоголь писал в повести «Портрет» о прекрасном произведении художника:

«Везде уловлена была эта плывучая округлость линий, заключенная в природе, которую видит только один глаз художника-создателя и которая выходит углами у кописта. Видно было, как все извлеченное из внешнего мира художник заключил сперва себе в душу и уже оттуда, из душевного родника, устремил его одной согласной, торжественной песнью. И стало ясно даже непосвященным, какая неизмеримая пропасть существует между созданьем и простой копией с природы».

Мой старый друг, художник, выразил полнее всего себя, когда он черпал из душевного родника, когда жил и работал на родине и соотечественники оценили и признали его талант!

Все было сказано в тот вечер, не о чем больше было говорить с другом моей молодости. Пришло время проститься надолго, возможно, навсегда.

Сверкал огнями, шумел перекресток бульваров Распай-Монпарнас. Казалось, в этом квартале никому не было дела до того, что происходит в большом мире, в том мире, где поднялись великие силы на борьбу со злом, в том мире, где люди верят в свое светлое будущее.

Мимо террас кафе бродили неряшливо одетые молодые и пожилые люди и сытые, убежденные в своем превосходстве туристы из-за океана. Среди столиков кафе метались неудачники-художники, метались с лихорадочным блеском в глазах, и кто знает, отчего у них блестели глаза: от выпитого вина или от постоянных лишений, проще говоря, от голода?

Кадр из фильма: старшина Елистратов — В. Кашпур.

Победа старшины Елистратова

Вышедший на экраны фильм «Прыжок на заре» поставлен на Киностудии имени Горького режиссером Иваном Лукинским по сценарию Георгия Березко.

...Казалось бы, конфликт, который завязывается между молодыми солдатами — образованными, начитанными парнями — и не очень-то эрудированным старшиной-сверхсрочником Елистратовым, ничего особенного не обещает. Но вот появляется старшина Елистратов, и зритель сразу чувствует: это несомненная победа актера В. Кашпура, победа всех создателей фильма.

Старшине - сверхсрочнику живется не очень-то весело. Он все больше ощущает, что сегодняшняя армия — это не армия его молодости. Новая техника, новые требования к людям... Пора уходить в запас. А дома тоже не все гладко...

Судьба, как видим, не очень ладно сложилась у нашего героя. Но только ли самые перипетии этой судьбы волнуют зрителя? Нет! Мы все равно полюбили бы старшину Елистратова, узнав его ближе.

Ведь несмотря на большой запас горечи, этот человек идет по жизни, как сеятель добра. Он беззаветно служит армии и в этом видит главный смысл своего существования. Невольно зритель начинает размышлять о благородной профессии людей, которые не только обучают солдат, но и формируют их характеры.

В фильме есть такой эпизод. В часть на строевой смотр приезжает командующий. Роты должны с песней пройти перед генералом, показать свою выучку. Старшина Елистратов встревожен: ротный запевала, солдат Воронков, не вернулся из городского отпуска. Кто будет запевать?.. Взволнованы и солдаты.

И вот рота марширует по плацу, приближается к трибуне, где стоит генерал в окружении офицеров. Растет напряжение в солдатских рядах: «Кто будет запевать?» И вдруг запел... старшина! Видимо, впервые в своей жизни он взял на себя роль запевалы, лишь бы поддержать честь роты.

И рота дружно подхватывает песню. Старшина одержал важную нравственную победу над «неукротимыми» характерами солдат-первогодков.

Эта первая победа закрепляется позднее, когда все вдруг увидели: Елистратов готов умереть, чтобы спасти жизнь своих товарищей...

Надо отметить великолепную работу оператора В. Гинзбурга и художников Л. Бессмертновой и И. Захаровой. Фильм сделан ими с хорошим вкусом и зрелым мастерством.

И. СТАДНЮК

Ради ближних, которые дальние...

Любимый герой драматургии Виктора Лаврентьева — почти всегда председатель колхоза, неутомимый работяга, кристальной души человек.

Вспомним Ивана Буданцева. Внешне суровый, не подступишься!.. Но приглядитесь к нему внимательнее: какое мягкое, истинно золотое сердце!..

И вот новый характер, новые человеческие черты, новая манера поведения: председатель колхоза Егор Ушаков в исполнении А. Щеголева в Московском драматическом театре имени Н. В. Гоголя. Он — Ушаков — стоит во главе людей, работающих не покладая рук ради своих ближних... Этими словами и названа пьеса. А слова эти ленинские. Ленинская мысль лежит в замысле пьесы, рассказывающей о строительстве коммунизма, о наших нынешних днях.

Коммунизм начинается там, говорил Владимир Ильич, где люди начинают заботиться о народном хозяйстве, о производстве и охране продуктов, «достающихся не работающим лично и не их «ближним», а «дальним», т. е. всему обществу в целом...».

Для всего общества в целом и стараются люди колхозной деревни — Даша Грачева (Т. Никольская), Геннадий, ее муж (Л. Семенов), Федос (И. Смысловский)... Им нелегко: много еще захребетников, очковтирателей, карьеристов с пустою бумажною душой ходят вокруг колхозного добра. А уж этим на все наплевать, были бы «показатели»!

Написанная в 1959 году, пьеса В. Лаврентьева звучит свежо и остро. Она направлена против эгоистов и себялюбцев, мешающих возводить здание коммунизма на нашей земле, отмахивающихся ради канцелярской бумажки от живых результатов колхозного труда...

Такие вот Отмаховы и встают перед глазами зрителя, когда на сцене появляется А. С. Краснопольский.

— Сводка!.. Сводка района должна быть безупречной!..

Только это и беспокоит Отмахова и его ретивых пособников. Но время их кончилось! Пришло другое время... И какая же у нашего времени добрая, прочная опора в лице колхозной молодежи!..

В спектакле, поставленном П. Васильевым, линия молодежи оказывается (может быть, даже несколько неожиданно, хотя и вполне оправданно по творческим результатам) первоплановой. Чудесный Тимка Грачев (Ю. Кречетов) — душа спектакля. Неунывающий, простодушный, светло и ясно смотрит он на жизнь. Все «дальние» в этой жизни становятся «ближними» ему, сыну шестидесятых годов, уверенно вступающему в свой завтрашний день.

Н. ТОЛЧЕНОВА

Сцена из спектакля «Ради своих ближних». Тимка — Ю. Кречетов. Лиза, его подруга, — Л. Грибкова.

Из самодеятельности — в оперу

В театр, в искусство Ангелина Прохорова пришла из самодеятельности. Студенткой геолого-почвенного факультета МГУ занималась в вокальном кружке. На одном из смотров ее услышала старейшая русская певица Петренко, партнерша Шаляпина. Она-то и посоветовала девушке всерьез заняться пением.

Ангелина поступила в училище имени Гнесиных, потом в Бакинскую консерваторию; со второго курса стала солисткой Азербайджанской филармонии, а с пятого уже пела в Бакинской опере.

Совсем коротка эта биография. С 1954 года Ангелина Прохорова работает в Горьковском театре оперы и балета. Спела за эти годы партии Амнерис, Иоанны, Ольги, Марины Мнишек, Любаши... Но Кармен была и осталась ее любимой ролью. Несколько лет Ангелина Прохорова упорно работала над этой партией. Во многом актрисе помогла творческая дружба и советы одной из лучших Кармен советской сцены — Ф. Мухтаровой.

Когда видишь Кармен — Ангелину Прохорову, то не знаешь, чему отдать предпочтение: ее ли голосу — сочному и густому, ее ли бурному темпераменту и искренности, ее ли музыкальности, ее ли обаянию!..

Л. ГОРОХОВСКАЯ

ИСКУССТВО НАРОДОВ АФРИКИ

Разнообразно и замечательно творчество народов черного континента... Ни гнет колониальной эксплуатации, ни варварская работорговля не смогли помешать народам Африки сохранить и развить лучшие традиции своего искусства. Археологические исследования XX века, особенно находки последних лет, много рассказали об этой древней культуре.

В 1956—1957 годах французская археологическая экспедиция нашла в центре пустыни Сахары в пещерах и на отвесных скалах сотни изображений людей и животных. На камне были выбиты целые картины — очень реалистичные цветные сцены охоты, земледелия, танцев и религиозных обрядов. Прической, татуировкой, одеждой изображенные здесь люди напоминали современных жителей тропической Африки. Эти открытия неоспоримо доказывали, что еще восемь тысяч лет назад на территории Сахары, которая была в ту пору плодородной саванной, обитали чернокожие люди, обладавшие высокой самобытной культурой.

Вскоре после второй мировой войны в оловянных копях долины Нок (Нигерия) были найдены остатки плавильных печей, железные орудия и терракотовые головки, созданные в первом тысячелетии до нашей эры.

Еще раньше немецкий этнограф Фробениус открыл древние произведения искусства народа йоруба, до сих пор населяющего Южную Нигерию. Особенно поразила ученого высоким мастерством литья бронзовая голова бога моря. Вначале предполагали, что скульптуру эту в Африку завезли. Но в 1938 году в тех же местах нашли еще 18 таких же бронзовых голов. Это были портреты живших когда-то царей государства Ифе...

Западная Африка издавна славится художественной обработкой золота, серебра и бронзы.

Из рук ювелиров Ганы выходили маленькие золотые маски, которые воины носили на шее или у пояса. Для взвешивания золотого песка отливались разнообразные гирьки в виде фигур животных, птиц и рыб. Иногда эти гирьки имели геометрический орнамент, порой изображали персонажей фольклора.

Искусны африканские мастера были и в ковке металлов. Даже среди оружия одного племени поражает разнообразие выделки наконечников копий и стрел, метательных ножей и топориков.

Ни одно событие, обряд, празднество племени не обходилось без танцев под звуки барабанов. Танцоры в масках изображали охотничьи сцены, подражали движениям животных, передавали обычаи и традиции племени. Масок было великое множество. Одни надевались на голову по самые плечи, под другими танцевали сразу двое, третьи просто ставились на прическу, словно головной убор...

В создание этих масок древние художники вкладывали всю свою творческую фантазию.

Превосходна африканская деревянная скульптура.

Вот женская статуэтка из Гвинейской Республики. Женщина чуть откинулась назад. В ее осанке замечательно переданы достоинство и гордость матери. Главное внимание скульптор уделяет отделке головы, тщательно выявляя мельчайшие детали прически и татуировки. В далеком прошлом по татуировке определяли принадлежность человека к определенному племени.

Что общего между скульптурой и барабаном? Казалось бы, ничего. А между тем знаменитые африканские сигнальные барабаны «тамтамы» — это тоже скульптура, причем самая значительная по размерам. Они вырезались из огромной деревянной колоды и украшались затейливой резьбой. Стенки барабана делались разной толщины, чтобы звучания были различного тона, кроме того, барабан служил и мощным резонатором. В недавнем прошлом сигнальные барабаны были единственным средством быстрой передачи важных сообщений между племенами. Рассказывают, что в конце прошлого века весть о поражении английских колониальных войск в Хартуме при помощи тамтамов за сутки достигла Западной Африки.

Разнообразно и красочно в Африке прикладное искусство.

Можно сказать, вся посуда африканской семьи растет возле дома. Там на грядках сажают тыкву — калебас. Во время произрастания ее перевязывают и затем дают расти до нужных размеров. Получаются всевозможные бутыли, сосуды и другая утварь самой причудливой формы... Тарелки, чашки, ложки из калебаса обычно украшают рисунками, которые выжигают или вырезают на кожуре и затем раскрашивают.

У африканских мастеров существуют сотни способов плетения, подчас очень сложных и трудоемких. Они изготовляют бесконечное количество корзин, корзиночек, сосудов самых разных размеров и назначений. Часто и стеклянная посуда оплетается соломой или искусно выделанной цветной кожей. Встречаются и кожаные сосуды, которые благодаря тщательной обработке кажутся прозрачными.

И. ГОЛОВАНОВА

Женская статуэтка. Дерево. Конго.

Портрет португальца. Бронза. Южная Нигерия.

Мужская фигура. Бронза. Западная Африка.

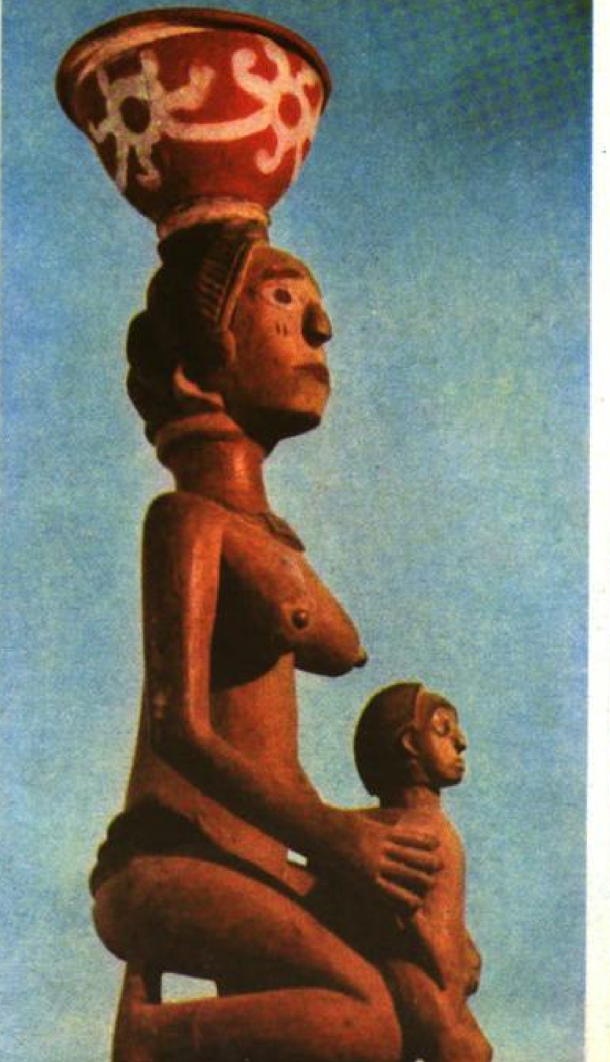
Корзина из Ротанга. Камерун.

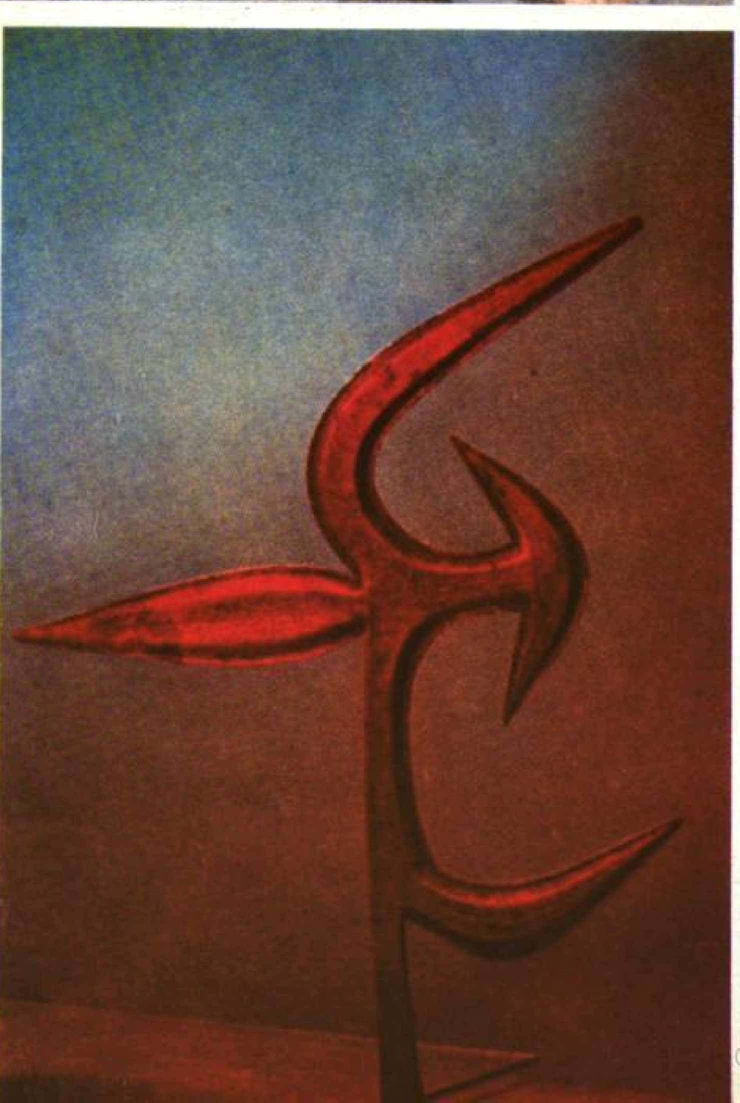
Фото Г. КОПОСОВА и С. ФРИДЛЯНДА.

Фантастика великого ученого

Вышел в свет сборник научно-фантастических произведений гениального ученого Константина Эдуардовича Циолковского.

«Научная фантастика, неизменная спутница, а подчас предшественница выдающихся научных трудов и изобретений Циолковского,— пишет в послесловии к сборнику инженер Б. Н. Воробьев,— чрезвычайно характерна для его творчества и, по сути дела, является тем «загадом», что так ценил В. И. Ленин, о котором он писал Г. М. Кржижановскому: «Люблю людей с загадом...» Этот «загад», а им Циолковский щедро делился с людьми, сделался неотъемлемой частью его работы».

Константин Эдуардович всегда был фантазером и мечтателем. Еще мальчишкой он выдумывал самые невероятные сказки и даже платил брату, чтобы тот его слушал. А двадцатитрехлетним он набрасывал эскизы небывалых, фантастических приборов и устройств в своей первой «юношеской тетрадке». Сейчас странички из этой тетрадки хранятся в архиве Академии наук СССР. Некоторые из них можно увидеть в вышедшем сборнике.

Но Константин Эдуардович Циолковский был прежде всего великим ученым. В его повестях рядом с увлекательными фантастическими событиями встречаешь точные, математически обоснованные рассуждения о весе ракеты, скорости, необходимой для того, чтобы преодолеть земное притяжение, описание скафандра для космонавта, способов очищения воздуха в кабине корабля, создания оранжерей... Кажется, что многие повести написаны совсем недавно, что их автор прекрасно знает об открытиях, совершенных с помощью советских искусственных спутников Земли и космических кораблей. И все-таки повести написаны в то время, когда не было ни спутников, ни ракет, ни даже самолетов.

В сборник входит десять научно-фантастических произведений, посвященных освоению человеком мирового пространства. Героев Циолковского так и тянет на Весту, Марс, Меркурий, астероиды и, конечно, на наиболее близкую к нам Луну. Они переживают множество интересных приключений и, конечно, ведут наблюдения и ставят научные опыты. И всегда и везде, даже в самые трудные минуты жизни, они остаются верными науке, большой человеческой дружбе.

Вместе с увлекательными повестями в сборник вошли чертежи и статьи, где подробно показана огромная работа, которую человек должен провести для освоения космоса, затронуты сложнейшие вопросы космической медицины, астроботаники, биологии будущего.

Два произведения в сборнике публикуются впервые: «Изменение относительной тяжести на Земле» и «Эфирный остров». Они печатаются по рукописям, хранящимся в архиве Академии наук. В первой работе Циолковский описывает в научно-фантастической форме те явления, которые человек мог бы наблюдать на некоторых планетах и астероидах. Статья «Эфирный остров» — задушевная беседа ученого со своими близкими. Это простой и чудесный рассказ о нашей Галактике, о созвездиях, планетах, туманностях, падающих звездах...

Предисловие к сборнику написал академик В. Г. Фесенков, а послесловие — инженер Б. Н. Воробьев. В предисловии дан научный анализ творчества Циолковского. В послесловии раскрывается обаятельный образ человека — фантаста и ученого, первым в истории проложившего путь к звездам.

В. БЕЛЕЦКАЯ

К. Э. Циолковский. Путь к звездам. Сборник научно-фантастических произведений. Изд-во АН СССР. Москва. 1960. 352 стр.

Заново пережитая юность

Это поразительное чувство—заново пережить свое детство, свою юность. Пережить в деталях, в подробностях те годы, которые предстают сейчас как пора безоблачного счастья. И не так уж важно, что на самом деле это были вовсе не легкие годы — ведь они были полны великих свершений; неважно, что район твоего счастья назывался не Чистые пруды, а Знаменка, Пречистенка, Лебяжка, Сокольники. Впрочем, перечислять районы, где жило многочисленное, шумное, озорное поколение тех, чье детство совпало с началом пятилеток, а юность окончилась 22 июня 1941 года,— занятие тяжелое. Москва большая, а биография поколения при всей разности отдельных судеб оказалась удивительно схожей.

Читаешь рассказы Юрия Нагибина из новой книги «Чистые пруды» и думаешь: да, все это было, было с тобой. И тебя так же, как и Сережу Ракитина, героя рассказов, за малостью лет не пускали в пионерский клуб, и ты вместе с такими же восьми-девятилетними мальчишками часами простаивал под его окнами, вдавив нос в стекло огромной двери бывшей церкви святого Знамения, где взрослые (им было по двенадцать-тринадцать лет) занимались какими-то непонятными, важными и, безусловно, интересными делами. А какой гордостью переполнялось сердце, когда тебе давали первое общественное поручение — собрать бумажный утиль или книги для подшефного колхоза, помочь няньке, занимавшейся на курсах ликбеза, прочесть первые слова букваря «Мы не рабы» или сделать сообщение о международной обстановке на собрании пионерского звена!

И разве это только Сережа Ракитин с друзьями в пилотках бойцов республиканской Испании прошел строем по Чистым прудам? Нет, это ты и твои товарищи вышли из Дома пионеров, что на улице Стопани, после встречи с героями Мадрида и Уэски. Был май, Чистые пруды покрылись свежей зеленью, вокруг шумела праздничная Москва. Но перед глазами все еще мелькали кадры кинохроники, снятой оператором Романом Карменом на улицах Мадрида, а в ушах звучал страстный текст писателя Всеволода Вишневского.

Читаешь чудесную новеллу «Женя Румянцева» — о девушке, которая мечтала об астрономии, а стала летчиком, которой посмертно присвоено звание Героя Советского Союза, и память подсказывает свое. Пасмурный октябрьский день 1941 года, Собиновский переулок, скверик перед зданием ГИТИСа. Мы уходим добровольцами в Московскую Коммунистическую дивизию. Среди провожающих — секретарь комитета комсомола Наташа Качуевская, прекрасной души человек, большого таланта актриса. А через полтора года мы узнали, что Наташа погибла под Сталинградом, вынося раненых из огня. Она ушла на фронт после гибели своего мужа, партизанского командира Павла Качуевского. Ей было всего 19 лет. Но вот на днях проходил по Скарятинскому переулку, мимо дома, где жила Наташа, и вдруг вместо знакомой таблички с названием переулка увидел новую: «Улица Наташи Качуевской».

Конечно, обаяние нагибинских рассказов не только в том, что биография Сережи Ракитина в каких-то деталях совпала с твоей собственной или твоих друзей. Ю. Нагибин выступает здесь на новом этапе своего творческого развития. Его мастерство окрепло, обогатилось новым, глубоко человечным содержанием. Что это так, можно увидеть, сравнив «Чистые пруды» с ранним нагибинским рассказом «Нас было четверо». Собственно, основные мотивы «Чистых прудов» заложены уже в том рассказе. Но вот перечитываешь его и видишь: он мельче по мысли, по лепке образов, по мастерству детали, которая раньше иногда играла внешнюю роль.

Стоит привести небольшой отрывок из рассказа «Щедрый подарок», чтобы пояснить, какую наполненность обрело творчество Нагибина. Сережа Ракитин собирался уезжать из Иркутска, куда он приезжал на лето к отцу. Однажды ночью Сережа проснулся «от странного ощущения тревоги, ворвавшегося в сон. Занавеска на окнах была отдернута, и на просквоженном луной стекле я увидел силуэты отца и матери. Молча и пристально смотрели они на улицу.

Я соскочил с кровати и подбежал к ним. По Малой Блиновской во всю ее ширь двигалась колонна людей. Красноармейцы? Нет, люди были в гражданской одежде, в пальто, плащах, лишь опоясанных ремнем, в фуфайках и кепках. Не было ни знамен, ни медных труб, ни барабанов, не звучала песня. В полном безмолвии, строем, черные от сияния луны, отбрасывая на дощатый тротуар угольно-черную тень, похожую на зубчатку далекого леса, в глубокий ночной час шли люди.

Словно отвечая на мой невысказанный вопрос, отец негромко сказал:

— Это идут коммунисты...

До сих пор я не знаю, что это было: проверка ли боевой готовности, учебная тревога или что иное. Но образ ночного шествия запомнился мне навсегда. В разные годы, стоило мне вдруг проснуться ночью, глядел я на темный вырез окна, и мне представлялось, что где-то сквозь тьму, озаренную луной, снова идут и идут коммунисты в пальто, плащах, гимнастерках, подпоясанных ремнем, идут туда, где трудно, тревожно, опасно, где нужно свершение, равное подвигу...»

...«Чистые пруды» заканчиваются рассказом об одной послевоенной встрече Сережи Ракитина, которая вызвала в нем сильный, мучительный и радостный образ юности...

Образ юности... Читатель благодарен Юрию Нагибину за этот вызванный им образ.

С. ДМИТРИЕВ

Юрий Нагибин. Чистые пруды. Журнал «Знамя» № 1, 1961.

Золотая лекция

Появилась она на свет божий в 1957 году. Тогда же впервые была прочитана и щедро оплачена. В том же году она перекочевала в сборник. Это лектору понравилось. В 1958 году лекция вышла уже отдельной книжкой. Автор дал ей маловразумительное название — «О манерах хорошего тона». А недавно лекция опять приютилась в сборнике «За здоровый быт» «вторым, исправленным и дополненным изданием». Вас интересует тираж? Умопомрачительный: миллион экземпляров! Но, может быть, книжка, имеющая такое широкое распространение, действительно представляет собою высокую ценность? Давайте посмотрим.

Признаюсь, меня сразу порадовал титульный лист: книжка выпущена в свет почтенным учреждением — Ленинградским отделением Общества по распространению политических и научных знаний. А раздел «О хороших манерах» написан также солидным автором — кандидатом философских наук Н. Гордиенко.

«Неприятное впечатление производит тот, кто громко хохочет в трамвае, в троллейбусе...»

В своих наставлениях философ ополчился против издавна бытующего русского приглашения «чувствовать себя, как дома».

«В красном уголке не полагается появляться в нижней рубашке».

Особенное внимание кандидат философских наук уделяет проблеме пребывания в гостях. Здесь он дает весьма продуманные советы: «Сразу же в передней необходимо оставить галоши». Или: «Если что-нибудь уронили, попытайтесь смягчить свою вину. Поднимите то, что уронили, и положите на место». К примеру, осколки фарфоровой вазы. Все-таки хозяину на душе будет легче.

Читаем дальше: «Косточки от компота беззвучно сплевывают в ложку, поднеся ее к самым губам».

Тут неплохо было бы перед тем, как идти в гости, предварительно у себя дома потренироваться. А то, чего доброго, попадет косточка на новый костюм соседа!

Следующие наставления волнуют своей гениальной простотой:

«Жаркое едят при помощи ножа и вилки, при этом нож держат в правой руке, а вилку — в левой...»

«Причинив другим неудобство или неприятность, нужно извиниться...»

Но позвольте, читатель, не кажется ли вам, что автор советов нам с вами давно знаком? Где-то мы его встречали. Так и есть! Да это же Ипполит Ипполитович Рыжицкий, педагог из рассказа Чехова «Учитель словесности». Помните?

«...Лето не то, что зима. Зимою нужно печи топить, а летом и без печей тепло».

Или:

«Без пищи люди не могут существовать».

Несомненно, перед нами Ипполит Ипполитович, выступающий под фамилией Гордиенко. Жив курилка!

Говорят, и в нынешнем году подготовляется переиздание «хороших манер». Несомненно, это переиздание будет также «дополненное». Внесем же и мы в это «дополнение» свою лепту добрым советом:

«Прежде чем учить других хорошим манерам, надо их иметь самому».

Стоп! Я, кажется, поймал себя тоже на подражании Ипполиту Ипполитовичу, высказав общеизвестную истину... Вот что значит начитаться моральных наставлений Н. Гордиенко!

Н. КОПЬЕВСКИЯ

Фетиши. Слоновая кость. Конго.

Наголовник маски. Дерево. Западный Судан.

Статуэтка «Женщина с ребенком». Дерево. Западная Африка.

Метательный нож. Северная Нигерия.

Матч-турнир завершен. Партнеры подписывают протокол только что закончившейся 21-й партии.

Поздравляем вас, Михаил Ботвинник!

С победой вас,

Сало ФЛОР,

международный гроссмейстер

В Риге, Москве, Цюрихе, Белграде, в любом городе, в любой стране, где появлялся Михаил Таль, победа была за ним. Буквально как вихрь, он сметал все препятствия на своем пути. В мае 1960 года феноменальный рижанин взял последнюю крепость, имя которой «Михаил Ботвинник».

Столь блестящие успехи редко наблюдал шахматный мир, и в его истории впервые был зарегистрирован случай, когда шахматист стал чемпионом мира в 24 года! Такого успеха мог добиться лишь исключительно яркий шахматный талант, каким, бесспорно, является Михаил Таль.

Но, как известно, на свете есть журналисты, которым мало одних фактов. Таль — крупнейший талант, это факт, но это не оригинально. Поэтому любители острых приправ, заглянув в словари синонимов, установили, что Таль, кроме того, еще и «волшебник из Риги», «гипнотизер», «тончайший психолог», «Моцарт», «Паганини», «гений» и т. д. и т. п. И симпатичному, молодому Талю все эти дифирамбы вскружили голову. Они ему не могли пойти на пользу.

Любой другой шахматист после первого матча, знакомясь с оценкой прессы и узнав, с кем ему пришлось иметь дело, решил бы, что для него, простого смертного, поражение со счетом 8,5 : 12,5 не так уж плохо. У любого шахматиста могли появиться колебания: стоит ли вообще тратить энергию и время, чтобы вторично играть с Талем, которого на Западе, как когда-то Капабланку, объявили «чемпионом навсегда». Не лучше ли больше с Талем «не связываться»?

Но не в характере Ботвинника, долголетнего лидера советских шахматистов, отказываться от борьбы. Ботвинник подумал: «Таль молод, но разве я стар? А может быть, этот Таль не так страшен, как его малюют корреспонденты?» И вызов на реванш был послан!

Квартира Ботвинника, его дача на Николиной горе превратились одновременно в шахматный штаб, лабораторию и шахматный «курорт». Да, и в «курорт», потому что важнейшая задача, стоящая перед экс-чемпионом мира, заключалась в том, чтобы излечиться от цейтнотной болезни, от которой он так сильно пострадал в прошлом матче.

Как же можно избавиться от этого опасного недуга? Должен сказать, что ни Академия наук, ни Министерство здравоохранения не располагают средствами от цейтнотной болезни. Шахматисту может помочь лишь одно лекарство: своя собственная сила воли. Он должен себя убедить, что ни в коем случае не имеет права попадать в цейтнот!

Олимпиада в Лейпциге показала, что курс лечения, который себе прописал Ботвинник, проходит успешно. Да и сам факт, что Ботвинник решил вызвать Таля, говорил об этом достаточно убедительно. Люди, хорошо знающие характер Михаила Ботвинника, понимали, что он многого добился на Николиной горе. Шахматисты с хорошим нюхом предсказали, что Таль будет иметь дело с новым Ботвинником, но человека с таким оптимистическим нюхом, который мог бы предсказать, что вызов «пахнет» счетом 13 : 8, не оказалось ни в одной стране.

Не почувствовал этого, ни на минуту не верил в грозящую ему опасность и сам Таль, иначе он не стал бы смотреть на матч-реванш как на какую-то моральную обязанность по отношению к Ботвиннику, как на формальность, на обычное календарное соревнование, на гастрольную поездку в Москву, на «эстрадный концерт».

Нередко у нас после турнира, после матча допускают ошибку: победителя не судят, а хвалят и перехваливают, побежденного же сурово критикуют. Как то, так и другое является опасным перегибом. И на сей раз если Таль и проиграл, то это вовсе не значит, что Таль — уже не тот Таль. Совершенно неправильно было бы утверж-

---

Касторкин

Фельетон

И. ШАТУНОВСКИЙ

Велосипедный мастер Николай Сергеевич Христобин проплыл по реке и проехал поездом в общей сложности четыреста восемнадцать километров с единственной целью подать жалобу на мальчишек Копьевска. В этом городке проживало по крайней мере две тысячи ребят, поэтому я попросил Христобина уточнить, к кому из них он, собственно, имеет претензии. Оказалось, что ко всем двум тысячам.

— Эти сорванцы не дают мне прохода,— вздохнул Христобин.— Они меня дразнят.

— Дразнят?!

Наш посетитель вовсе не походил на пухленького первоклассника, которого недостаточно воспитанные дети обзывают «пузаном» или «жиртрестом». Это был степенный, уже в годах мужчина, и поэтому мне было даже неудобно спрашивать, как его дразнят и за что. И вообще жалоба пожилого человека на малых детей показалась мне несуразной, нелепой. Я сказал:

— Да не обращайте на них внимания, и делу конец!

— Как это конец! — запальчиво воскликнул Христобин.— Они меня дразнят, а я молчи! Так, значит, не подходит материал для фельетона?

Христобин покурил, повздыхал и в тот же день уехал в Копьевск...

О велосипедном мастере я вспомнил спустя год, когда редакционная командировка привела меня в Копьевск на строительство нового завода. Я закончил свои дела и решил повидаться с Христобиным, чтобы узнать, чем закончился его конфликт с местными мальчишками. В городке была всего одна велосипедная мастерская, и я без труда отыскал Николая Сергеевича.

Велосипедный мастер был занят своим делом, однако время от времени откладывал напильник, тихонько подкрадывался к двери и прислушивался.

— Вы приехали как раз вовремя,— пояснил Христобин.— Сейчас будут кричать.

И в самом деле, вскоре кто-то под самым окном тоненьким голоском провел:

— Кас-тор-кин!

— Что это? — спросил я, но Христобин не успел ответить. Он подхватил здоровенный насос и в резвом галопе выскочил из мастерской. Сквозь окно было видно, как впереди во весь дух мчался какой-то мальчик-с-пальчик, а за ним, бешено вращая насос над головою, вприпрыжку скакал Николай Сергеевич. Мальчик-с-пальчик действовал, как я понял, не один, потому что тут же Христобин все в том же бешеном темпе преследовал в обратном направлении, гоня перед собою уже другого проказника.

— Не догнал,— грустно сказал Христобин, отдышавшись,— до самой водокачки гнался, а не догнал.

Очередную свою беготню Христобин затеял минут через двадцать. Он снова подхватил насос и, трубно крича, организовал ловлю мальчишек. На этот раз операция прошла гораздо успешнее. Христобин вернулся, гордо сжимая в руках ученический портфель.

— Пусть-ка этому бездельнику мать надерет уши,— злорадно усмехаясь, сказал Николай Сергеевич и спрятал свой трофей в ящик с инструментом.

Я не удержался и спросил:

— Что значит слово «Касторкин» и какое отношение оно имеет к вам?

При этом я невольно улыбнулся. Моя улыбка привела Христобина в бешенство.

— Вам уже рассказали? — закричал Николай Сергеевич, становясь в позицию бойца.— Так вы что, заодно с этими негодяями?

Я понял, что еще одно неосторожное слово, и мне не поздоровится.

— Действительно, отпетые мальчишки. Такие маленькие и такие испорченные,— сказал я нарочито негодующим тоном.— Ну, ничего, завтра я пойду в школу и разберусь! Это им так не пройдет!

Утром я действительно пошел в школу и беседовал с учениками. И никто из них толком не мог мне сказать, что такое «Кастор-

Михаил Ботвинник!

дать, что цепь успехов Таля — случайность. Хорошо отметил мастер В. Панов в газете «Известия»: «Всякий алмаз нуждается в шлифовке». Нет, Таль остается Талем — гордостью советской шахматной школы.

В Театре эстрады побывало много корреспондентов. Некоторые и в шахматы даже не играют, и все же иностранные газеты и агентства направили их с поручением досконально расследовать: что же случилось с Талем, почему он проигрывает с таким треском?

Что же случилось с Талем? О том, что Таль стал играть хуже в шахматы после автомобильной аварии, об этом в Москве узнали из... иностранной печати. О том, что Таль стал играть хуже по болезни, в Москве стало известно также из этих источников. Сам Таль до начала матч-реванша заявил: я здоров! К чести Михаила Таля будет сказано, что он не из той категории шахматистов, которые ищут оправдание своего поражения в головной боли.

Таль, конечно, допустил шахматные и психологические ошибки до начала и во время матч-реванша, но я не согласен с тем, что Таль плохо готовился. Он прекрасный практик, шахматный фанатик, он в курсе всех шахматных событий, читает все журналы, тем более, что он сам редактор журнала. Одна из допущенных Талем ошибок заключается в том, что он, подобно Смыслову в 1957 году, считал, что с Ботвинником как шахматистом покончено. Наивно было полагать, что матч-реванш будет легким, что особенно напрягаться не придется, что не нужно будет выигрывать, ибо... Ботвинник сам проиграет!

Так же, как Смыслов, Таль наивно полагал, что достаточно сыграть 1. e2 — e4 — и Ботвинник «готов»! Это «упрямство» ограничило творчество Таля и облегчило задачу Ботвиннику.

За свое легкомысленное отношение к матч-реваншу Таль сурово наказан. Но означает ли поражение от такого гиганта, как Ботвинник, что Таль должен краснеть? Конечно, нет! Не Таль первый, не Таль последний, который проигрывает Ботвиннику. Проиграть Ботвиннику — в этом ничего «неудобного» для Таля нет. Напрасно многие говорят, что Таль должен приехать в Ригу с «черного хода».

Когда Таль в 24 года стал чемпионом мира, многие восклицали: феноменально! Сегодня многие удивляются: 25 лет — и уже экс! Ничего страшного в этом нет. Такого молодого экс-чемпиона шахматный мир тоже еще не имел. Несомненно, что Талю два матча с Ботвинником дали очень много полезного. Они являются для него хорошей школой.

Великий русский шахматист Александр Алехин в 1934 году после победы в турнире в Цюрихе поднял тост за здоровье Э. Ласкера и сказал: «Я горжусь, что смею себя считать учеником Ласкера». Талю следует во многом поучиться у Ботвинника. И Таль это прекрасно понимает. Мать Михаила Таля направила Ботвиннику поздравительную телеграмму следующего содержания: «Вы остались верны себе. Восхищена, но не удивлена. Буду счастлива, если мой Миша маленький пойдет по стопам Михаила большого».

Представляю себе такую картину. 1986 год. В Театре эстрады идет очередной матч на первенство мира. К этому времени 75-летнему Михаилу Ботвиннику, вероятно, надоест играть в шахматы и он скромно займет место в зрительном зале, чтобы посмотреть, как сражается Миша Таль — его ученик. А 50-летний Михаил Таль, точно так же как и сегодня, будет часто поглядывать в зрительный зал и улыбаться: вот сидит мой большой учитель, Михаил Ботвинник. Спасибо ему за хороший урок в 1961 году!

Десятки раз гремели овации в честь Ботвинника, много золотых медалей, несколько лавровых венков хранятся на квартире Ботвинника, но за 35 лет шахматной деятельности еще никогда ему не аплодировали так сильно, так искренне, так восторженно, как в эти майские дни. Победа над Талем — это победа из побед!

Да, триумф Ботвинника над Талем — это победа настоящего классика шахматного искусства. Но Ботвинник, как всегда спокойный, выдержанный, объективный, не злорадствует по поводу поражения молодого соперника, а советует молодым шахматистам делать выводы из этого матча. Есть чему учиться у «старого» Ботвинника молодым шахматистам. С восхитительным упорством, настойчивостью, цепкостью он сражался за каждые пол-очка в этом матче.

Весь шахматный мир восторгается предпоследней, 20-й партией, которая была два раза отложена. На протяжении около ста ходов Ботвиннику угрожало поражение, в течение многих часов Таль ожидал, что вот-вот Ботвинник сдастся, но этого не произошло. Две ночи подряд Ботвинник не спал, искал решения и нашел его. Он спас эту самую затяжную в истории первенств мира партию, и это окончательно решило исход матча.

Но не только молодые шахматисты должны учиться у Ботвинника. Победа Михаила Ботвинника является прекрасным стимулом для шахматистов ботвинниковского возраста. Напрасно у нас принято считать, что в 45 лет полагается уходить на «шахматную пенсию». Ботвинник на практике блестяще доказал, что при правильном режиме 50 лет — это хороший, средний возраст.

Герой нашего шахматного века в день торжественного закрытия матч-реванша был увенчан лавровым венком. Это пятый лавровый венок Михаила Ботвинника. И мы надеемся, что не последний. Игра Ботвинника была настолько блистательной, что без преувеличения можно утверждать: он переживает вторую молодость. Вот почему мы верим в то, что новый чемпион мира и в дальнейшем не будет почивать на полученных им лаврах и с новыми силами поведет бой на шахматной доске. А сегодня нам хочется от души поздравить Михаила Ботвинника, советского шахматного богатыря, с его выдающейся победой.

Фото А. Бочинина.

кин». Но о том, что «если это слово крикнуть, то дяденька Христобин начинает бежать», были прекрасно осведомлены все, даже девочки-первоклассницы.

Открыть тайну странного поведения велосипедного мастера мне помогли не мальчишки, а старики. Оказывается, лет эдак двадцать тому назад в мастерскую зашел паренек и попросил вставить в колесо три спицы. Николай Сергеевич исполнил заказ и сел выписывать квитанцию.

— Ну-ка, покажи паспорт.

Пареньку стало смешно. Такой пустяковый случай и вдруг паспорт.

— Паспорт дома.

— А как же твоя фамилия?

— Фамилия моя и без паспорта известна. Обычная фамилия — Касторкин.

— Касторкин? — повторил Николай Сергеевич, настораживаясь.

Христобин отложил карандаш, задумался.

— Странная фамилия,— сказал он наконец.— Ты здешний?

— Да, здешний!

— Странная фамилия,— повторил Христобин и внимательно посмотрел на заказчика. Вдруг шея его побагровела, глаза налились кровью.

— Так ты же Петька, сын банщика Верзилова! — крикнул он.

— Ну, стало быть, Петька Верзилов,— спокойно ответил паренек.

— Я на работе, а ты со мной шутки шутить! — рявкнул Христобин.— Вот я тебе сейчас задам Касторкина!

При этом Николай Сергеевич схватил насос и замахнулся. Петька, почуя недоброе, пустился наутек. Николай Сергеевич—следом.

Через день Петька явился в мастерскую с паспортом, извинился и забрал велосипед. А садясь в седло, захотел все же выяснить, за что обиделся на него мастер. На всякий случай он тихонько крикнул: «Касторкин!».

Результат был неожиданным. Николай Сергеевич опять взревел и помчался за удиравшим на велосипеде Петькой.

Петьке это показалось необычайно любопытным. Он еще несколько раз появлялся у мастерской и кричал. И всякий раз Николай Сергеевич весьма охотно откликался на зов и кидался в битву.

С той поры уже не одно поколение копьевских ребятишек закалило свою храбрость и отточило ловкость с помощью все того же Николая Сергеевича. Удрать от Христобина стало считаться среди мальчишек своеобразной сдачей экзамена на аттестат храбрости и быстроты бега.

Вот уже двадцать лет Николай Сергеевич гоняется за мальчишками. Иногда он пробегает в день по пяти и более километров. Четырежды Христобина штрафовали и дважды привлекали к суду за нанесение побоев несовершеннолетним. Надо сказать, что Николай Сергеевич исправно платит штрафы.

— А что прикажете делать? — вздыхает Христобин.

Перед отъездом я зашел еще раз в велосипедную мастерскую.

— Ну, что скажете? — нетерпеливо спросил Николай Сергеевич.

— Да то же самое, что я говорил вам в редакции год назад. Не обращайте внимания, и все.

— Как это все! — возмутился Христобин.

Я на всякий случай пододвинул к себе насос и, почувствовав себя в относительной безопасности, осторожно принялся излагать свой взгляд на этот так долго затянувшийся конфликт. Я говорил о том, что глупо посвящать жизнь беготне за мальчишками. Что если б тогда, двадцать лет назад, он на шутку Петьки Верзилова ответил шуткой, то никаких бы осложнений и не было. Что шутка, пусть даже и не совсем умная, не должна была вызывать ярость. Что в шутке надо видеть только шутку. И что, если бы сейчас, услышав под окном детский писк, он не хватался за насос, а приветливо помахал рукой мальчику-с-пальчику, то у мальчика-с-пальчика пропала бы охота дразниться и кривляться.

В это время за окном послышались легкие шаги, а затем задорный крик:

— Касторкин!

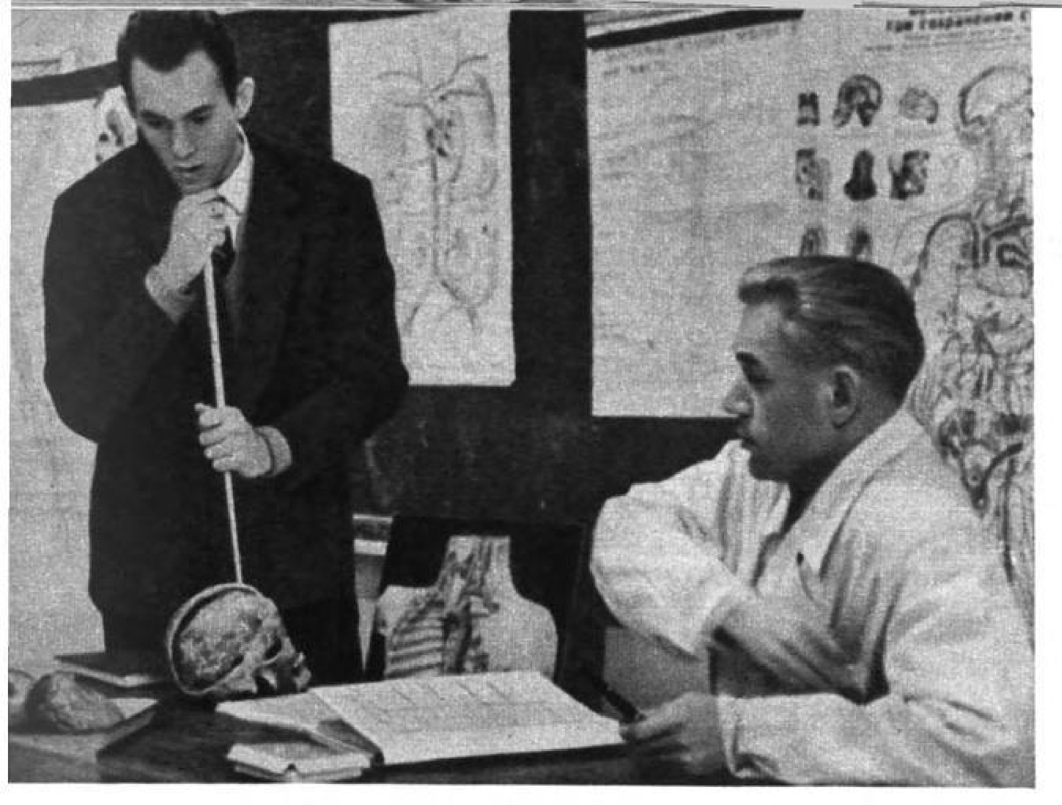
— Ну, выйдите, улыбнитесь, помашите рукой своему обидчику,— посоветовал я Николаю Сергеевичу.

Христобин взглянул на меня выпученными глазами и, изрыгая проклятия, метнулся к порогу.

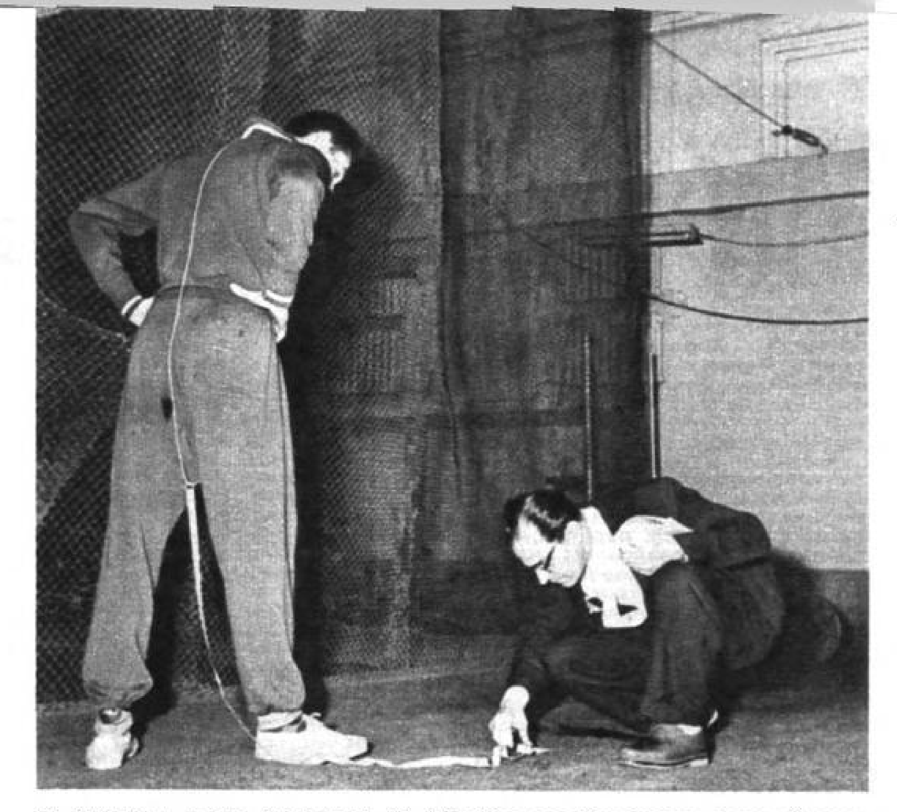
В этот момент я как-то стал понимать копьевских мальчишек. Мне почему-то тоже очень захотелось самому крикнуть «Касторкин» и припуститься наутек, озорно оглядываясь на бегущего по пятам человека, который сам себя выставил на посмешище всего города.

Рисунок Ю. Ворогушина.

Перед экзаменом в Нью-Йорке — экзамен в Москве, по анатомии.

В. Брумель и его тренер В. М. Дьячков рассчитывают каждый сантиметр разбега.

Фото Дм. Бальтерманца.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ МАНЕЖ—

ОГОНЕК

Валерий БРУМЕЛЬ

После выступления на XVII Олимпийских играх, где я занял второе место, мне удалось кое-чего добиться; но Джон Томас, американский спортсмен, хоть и остался в Риме на третьем месте, все же не был побежден до конца — ведь его мировой рекорд по прыжкам в высоту — 2 метра 22 сантиметра — никто не мог повторить. В США я должен был встретиться с Томасом в трех соревнованиях.

Вместе с моим тренером Владимиром Михайловичем Дьячковым мы заранее наметили план тренировочных нагрузок на 1961 год. В этом плане поездка в США не была предусмотрена, и поэтому пришлось перестраиваться на ходу. В занятия были включены прыжки на больших высотах и бег на короткие отрезки.

Все время подготовки к соревнованиям в США настроение у меня было отличное, тренировки строились разнообразно, работа спорилась, и с каждым занятием специально приспособленный сантиметр показывал, что я подпрыгиваю, отталкиваясь двумя ногами от пола, все выше и выше. Росли результаты моих прыжков и через планку. Средние высоты, которые я брал на тренировочных занятиях в январе, равнялись 210—212 сантиметрам. Весь день был строго распланирован, учеба в институте физкультуры тесно связана с тренировочными занятиями, и поэтому я с трудом находил время для отдыха. Но понемногу я привык к спешке, и зимняя сессия в институте, а вместе с ней и последняя проверка сил перед поездкой в США подошли почти одновременно. Сразу же после сдачи экзамена по анатомии я выехал на соревнования в Ленинград.

Не буду скрывать, уезжая из Москвы, я немного волновался: ведь около двух месяцев мне не приходилось выступать в крупных соревнованиях. Какую же высоту удастся взять?

Для того, чтобы как-нибудь отвлечься от этих мыслей, днем перед соревнованиями я пошел посмотреть фильм «Граф Монте-Кристо» и три часа просидел в кино. Когда вышел на улицу и взглянул на часы, оказалось, что до начала соревнований оставалось всего 15 минут. Я помчался в гостиницу, схватил чемоданчик со спортивной формой и выбежал на улицу. Зимний стадион был недалеко, и через десять минут я был уже на месте старта.

Не переодеваясь, я попросил судей отметить мою начальную высоту — 195 сантиметров, а когда узнал, что борьба начинается с высоты 165 сантиметров и что участников заявлено около 80 человек, решил пойти пообедать, ведь соревнования продлятся 5—6 часов, и поесть следовало основательно.

После обеда я вернулся в гостиницу и стал медленно пришивать номер, под которым должен был выступать. Задача, которую я поставил перед собой, заключалась в том, чтобы как можно меньше думать о предстоящем, сохранять нервную энергию, но меня все упорнее мучала мысль, не пропущу ли я своей начальной высоты, и в конце концов я решил идти в манеж.

Было десять часов вечера, когда я вернулся туда. Смотрю на демонстрационный щит — на нем всего 180 сантиметров. Рано. Слишком рано. Я пошел на сектор прыжков, надел туфли и стал наблюдать за тем, что делалось вокруг. Несколько прыгунов выполняли разминочные прыжки, и я присоединился к ним, не снимая спортивного костюма. Больше делать было нечего. Разве снять шиповки и переменить место? Я ушел из сектора и сел в первом ряду, среди зрителей. Теперь мне осталось лишь одно: ждать своей очереди.

...Было уже 11 часов вечера, когда планку установили на высоте 195 сантиметров, и я начал свою обычную разминку. Семенящие движения, затем бег на 500 метров средним темпом, несколько упражнений на гибкость—и пятнадцатиминутная подготовка к тяжелой борьбе с высотой закончена. А вот и мой черед. Быстро промеряю разбег ступнями ног. Делаю три небольшие пометки для самоконтроля. Все готово. Я на старте. Беру разбег для прыжка. Чувствую, как меня подбросило вверх, и в полете, как и обычно, в течение нескольких мгновений успеваю подумать о планке и о том, чтобы не сделать ненужных движений для такой небольшой высоты. Планка проходит намного ниже тела, и еще не приземлившись, уже думаю: «Самочувствие неплохое». Однако я сразу же гоню эту мысль прочь. Меньше удовлетворения и больше контроля — вот что мне надо сейчас.

Выбравшись из ямы с песком, подхожу к своим меткам на разбеге. «Посвободней, только бы свободней»,— думаю я, натягивая тренировочный костюм.

Одна за другой остаются позади знакомые, привычные высоты: 200 сантиметров, 205, 210... Вот уже вышли из борьбы два самых сильных моих соперника — Большов и Слободской. Побит рекорд Степанова для зимнего манежа — 209 сантиметров. Легко, с первой попытки, взяты мной и следующие высоты — 213 сантиметров, 216 сантиметров. Нахожусь в необыкновенном возбуждении. В голове одна мысль: неужели рекорд Джона Томаса останется стоять, неужели нельзя прыгнуть выше?

Планка установлена на высоте 221 сантиметр — это на треть сантиметра выше мирового достижения для закрытых помещений, показанного Томасом. Поспешная подготовка — и вот я бегу к планке, набирая скорость...

Последние два шага... И, ещё не взлетев в воздух, чувствую: что-то не то... Так и есть: планка падает.

«Не паникуй, ведь у тебя еще два прыжка»,— говорю я себе. Главное — нащупать ошибку. И это мне удается. Во всем виновата левая нога, согнувшаяся на предпоследнем шаге разбега. Потому-то меня и придавило к земле.

Как только судьи снова установили планку, снова беру разбег. Ощущаю легкость полета в воздухе. Планки не вижу, а скорее чувствую ее. Вот я уже лечу вниз, а планка надо мной. Не успеваю вывернуться и с высоты 221 сантиметр падаю на спину. Привычным перекатом в последний момент смягчаю удар падения...

И вот я уже на ногах. Первая мысль: «Не упала ли планка?» Она даже не качается! Подбегают товарищи. Все поздравляют меня, но ведь соревнование не закончено. Снова натягиваю тренировочный костюм. Туфля с шипами застряла в штанине, что-то рвется, но я все же проталкиваю ногу. А пока я вожусь с непокорными штанами, судьи уже установили следующую высоту — 225 сантиметров.

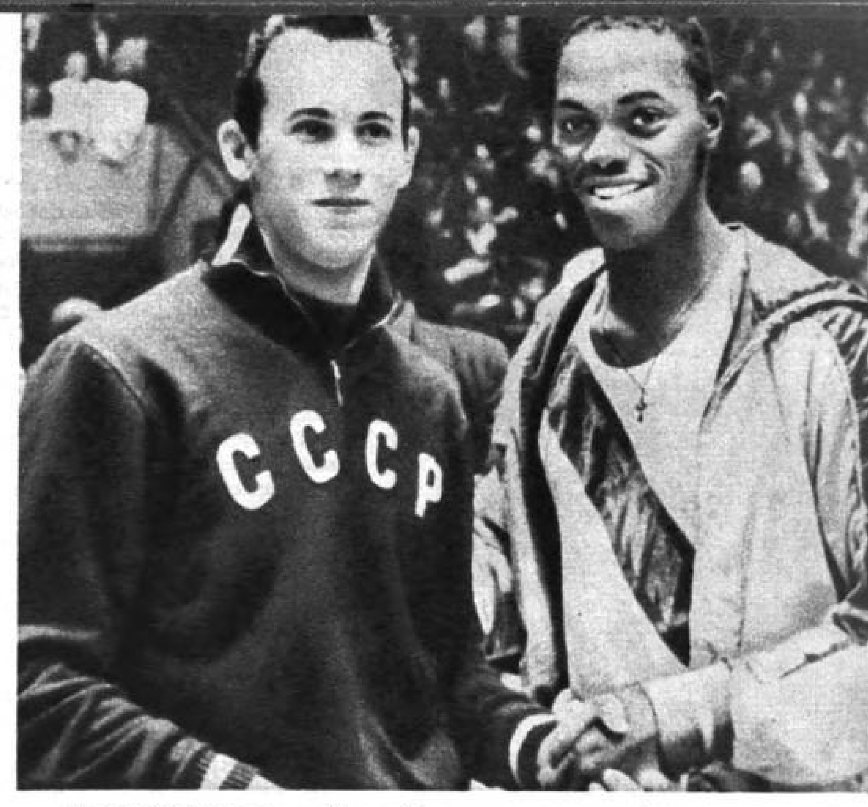
Итак, передо мной высота, превышающая рекорд Джона Томаса. Из зала доносится ко мне слитный гул одобрения. Как это подбадривает, радует! Быстро сбрасываю с себя штаны, которые я только что надевал с таким трудом, и иду к отметкам начала разбега. Трибуны в двух метрах от меня. Оттуда раздаются возгласы: «Давай, дружище!», «Побей Томаса!», «Возьмешь!».

Я думаю не о том, как высоко поднята планка. Как можно скорей и свободней разбежаться — вот все, что меня сейчас занимает. Бегу... Отталкиваюсь от земли... Вот я над планкой... Чувствую, что меня завернуло. Что-то не то? Но планка остается висеть...

Из ямы с песком убегаю так поспешно, будто от этого зависит мой прыжок. Но он уже позади. Бегу и оглядываюсь на планку, все

Валерий Брумель выступает в Нью-Йорке... Победа?..

Да, победа!

Валерий Брумель и Джон Томас остаются друзьями.

МЭДИСОН СКВЕР-ГАРДЕН

время оглядываюсь. Она качается, но держится. Душа моя ликует: тяжелый труд тренировок не пропал даром. Издалека доносится восторженный рев моих дорогих друзей — зрителей.

Что же делать дальше? Конечно же, продолжать! И я прошу установить планку на высоте 228 сантиметров. Однако уже после первой попытки я понял, что еще не готов к такому прыжку. Два следующих прыжка — и моя догадка подтвердилась. Но уже тогда, принимая поздравления товарищей и зрителей, я думал о тех путях, которые смогут привести меня к штурму нового рубежа.

Шли дни напряженного труда. Быстро приближался тот день, когда мы должны были вылететь в США. И вот наша небольшая делегация: Евгений Момотков, Игорь Тер-Ованесян, Леонид Сергеевич Хоменков, наш руководитель, и я — в Нью-Йорке.

Усталые выходим мы из самолета и сразу же попадаем в руки корреспондентов. Вопросы сыплются, как из рога изобилия: «Какой результат вы хотите показать?», «Есть ли у вас девушка?», «Что вы едите?», «Надеетесь ли вы победить?», «Что вы думаете о Томасе?». С трудом нам удалось вырваться из окружения.

Гостиница «Парамоунт», в которой нам предстояло жить, находится на одной из центральных улиц Нью-Йорка — удобно для путешествий по огромному городу. Но вот пролетело несколько дней, имевшихся для этого в нашем распоряжении, и наступил час первого выступления в Мэдисон сквер-гардене.

У дверей толпы народа. Мы еле прошли в вестибюль. Из зала слышались крики азартных болельщиков. Перед входом в раздевалку я встретил Томаса: «Здравствуй, Джон», — сказал я. Он ответил на приветствие и побежал дальше. «До начала соревнований еще около сорока минут, не рано ли ты, друг, разминаешься?» — подумал я, глядя Томасу вслед.

Долго тянулись предстартовые минуты, а девать себя некуда: Нью-Йорк ведь не Ленинград! То и дело поглядываю на часы. До выхода на арену осталось десять минут. Пора! Я встал и начал разминку. Вот наконец и время! Я подбегаю к проходу в зал, но полицейский жестом показывает, что нельзя. Почему? Что там происходит? Шла, оказывается, эстафета, и все 17 тысяч зрителей неистово орали, заглушая пронзительную музыку джаза. Половина азартных болельщиков, находящихся в зале, курила одну сигарету за другой, и дым стоял столбом. Но ничего не поделаешь, придется прыгать! Каково будет Момоткову, ведь ему бежать почти 5 километров по деревянному кругу...

Да, сейчас я могу признаться: самочувствие мое было неважным, большая разница во времени и в климатических условиях властно давала о себе знать. Но побеждать ведь надо все равно, и мысль, что в эти минуты моя Родина следит за нашими выступлениями здесь, за океаном, придавала мне силы. Скорей бы начать борьбу!

Вхожу в сектор для прыжков и сразу же начинаю размечать разбег. Тем же самым заняты все американские прыгуны. Нас всего 8 человек, соревнование пройдет быстро. Высота — 6 футов (190 сантиметров). Томас снимает костюм, делает пробные прыжки. Я прыгаю с ним рядом, не снимая верхней спортивной формы. Два раза сбиваю планку, и тут же с трибун раздаются возгласы неодобрения. Трещат трещотки, доносится колокольный звон. Ко мне подходит судья и спрашивает, с какой высоты я начинаю. «Два метра», — не колеблясь, отвечаю я. И снова, как в зимнем ленинградском манеже, наступает пора мучительного ожидания. Пройдет не менее получаса, пока сойдут участники послабее.

На высоте 2 метра остались мы с Томасом и еще два американских прыгуна. Я стараюсь не смотреть, как прыгают соперники: это сохраняет нервную энергию. Незаметно планка минует высоты: 200, 203, 205, 208, 213 сантиметров. Но вот планка на высоте 216 сантиметров. Зал замер. Первым прыгает Томас. Я сижу лицом к зрителям и вижу, как 17 тысяч американцев сосредоточенно, с надеждой следят за своим земляком. Неслышно, словно пантера, несется Джон Томас к планке. Я не вижу его прыжка, но по восторженным лицам, по взрыву восторга понимаю: высота взята!

Теперь мой черед. Двумя движениями сбрасываю с себя тренировочный костюм. И вот я на метке разбега. Прыжок продуман весь, от первого до последнего шага. Встряхиваю ноги и руки, чтобы слегка расслабить ненужное напряжение мышц... Слитный разбег. Все внимание — на дорожке. Не помню, о чем я думал в короткий момент полета. Кажется, ни о чем. Как только касаюсь спиной ямы, выстланной стружками, сразу же выскакиваю из нее и бегу к своему месту...

Все прыжки у Томаса и у меня шли до сих пор с первой попытки. Но вот установлена следующая высота — 218,5 сантиметра. Первым прыгает Джон. Все остальные давно уже выбыли из состязания. Снова я сижу, отвернувшись, и слежу за прыжком по лицам зрителей... Ясно, Томас потерпел первую неудачу. За ним прыгаю я. Прыжок удачный. Томас попал в трудное положение, это мне ясно. Сможет ли он мобилизоваться? Хватит ли у него для этого волевых сил? Нет, не хватило этих сил Томасу: две его последующие попытки оказались также неудачными. Теперь я один продолжаю борьбу с высотой. Снова, как и в Ленинграде, передо мной планка, установленная на высоте 221 сантиметр, и снова, как и в Ленинграде, эта высота была взята со второй попытки.

Теперь я прошу установить 226 сантиметров. Но у меня уже нет того интереса к прыжкам, который я испытывал в начале борьбы. Чувствую усталость. Да и высота большая. Все три моих прыжка неудачны, но победа в Мэдисон сквер-гардене одержана, большая победа, и я чувствую ее тут же, как только ухожу за кулисы. Там меня отдают в руки корреспондентов. Их вопросам нет конца, утолить их жажду невозможно. С особенным упорством журналисты пытаются у меня узнать, почему проиграл Томас. Но я советую им спросить об этом у него самого.

В этот вечер все мы были крайне возбуждены: ведь, вернувшись в гостиницу, мы разговаривали с Москвой!.. Там уже знают о победе над Томасом.

Так кончилось мое первое выступление в США, и я тут же стал готовиться ко второму. Мне предстояла борьба на открытом первенстве США, и, таким образом, в случае победы я мог стать чемпионом Соединенных Штатов.

Перед этими соревнованиями я несколько дней чувствовал себя плохо и готовился к более трудной борьбе с Томасом, но мой соперник на сей раз сошел после 213 сантиметров. Мне же удалось взять 218 сантиметров. Впоследствии оказалось, что кто-то сказал тренеру Томаса, будто я тренируюсь по 6 часов в день, и он перед самым соревнованием увеличил тренировочные нагрузки, пытаясь добиться более быстрого разбега у Томаса. Этого, конечно, делать не следовало.

И вот мы в третий раз встретились с Томасом в Мэдисон сквер-гардене, но на сей раз он не смог проявить всех своих возможностей. Джон Томас преодолел планку на высоте 208 сантиметров и проиграл мне 14 сантиметров.

Это было 3 марта, в день рождения Томаса. Я преподнес ему подарок и от души пожелал своему сопернику, очень приветливому человеку, успехов. Мне было обидно за него, что он не смог показать своего лучшего результата на прошедших соревнованиях. Но ведь мы еще много раз будем встречаться с ним на стадионах и еще не раз померимся с ним силами в борьбе с рекордными высотами.

(Литературная запись П. СЕРГЕЕВА).

ДЕЛА КОНТРА

В таможенном зале

Носильщики привезли на тележках множество чемоданов. Маленьких, больших и вовсе огромных, оклеенных цветными этикетками отелей разных стран мира. Их поставили рядышком на барьер, напоминающий торговый прилавок. Но вот и пассажиры с прибывшего из Стокгольма в Ленинград самолета. Офицер-пограничник просматривает паспорта, а таможенники приступили к исполнению, как они говорят, «таможенных формальностей».

— Имеете что-нибудь для продажи?

— Нет!

— Есть ли у вас валюта и валютные ценности?

— Нет!

— Запрещенные к ввозу предметы?

— Нет!

Вопросы задает Михаил Лукичев, невысокого роста молодой человек в форменной тужурке с зелеными кантами и петлицами. На лацкане его тужурки красуется университетский значок. Он свободно владеет английским, с немцами может говорить и на их родном языке. Гостям из Индии небезынтересно будет знать, что таможенник Михаил Лукичев, окончив аспирантуру, готовится к защите диссертации на тему «Государственный суверенитет Индии». Впрочем, все работники таможенного поста в Ленинградском аэропорту имеют высшее образование и, конечно, владеют языками.

Таможенный досмотр подходил к концу без всяких происшествий.

— Происшествия у нас редки,— сказал нам наблюдавший процедуру досмотра начальник Ленинградской таможни С. С. Дмитриев.— Один случай на тысячу пассажиров, не больше.

— А не слишком ли поверхностен осмотр? — спросил я.

— Когда нужно, он бывает более внимателен. Но только когда нужно!..

Автомобиль или магазин!

— Принесите «Дело контрабандистов»,— сказал С. С. Дмитриев вошедшему сотруднику.

Я листаю страницы, но фамилии ничего не говорят. Сергей Сергеевич приходит на помощь:

— Возьмите на букву «Л».

...Вечером Л. и его спутник, у которого чисто русская фамилия, были приглашены к начальнику таможни. Оба они иностранцы и приехали в качестве туристов на собственной автомашине. Велся разговор, который называется на официальном языке опросом, в отличие от допроса, который вправе вести только следственные органы.

— Вы, вероятно, знаете, господа, что приглашены сюда в связи с грубым нарушением таможенных законов СССР,— начал Сергей Сергеевич беседу с иностранцами.

Они наклонили головы.

Мы не называем их фамилий и страны, чьи паспорта они предъявили, потому что, надо полагать, случай этот более не повторится: представитель посольства специально приезжал на таможню, чтобы ознакомиться с делом этих контрабандистов.

Машина, на которой они пересекли государственную границу, подвергалась лишь внешнему осмотру. Таможенники на границе, откозырнув, пожелали путешественникам счастливого пути в Ленинград. В декларации, оставленной туристами, было сказано, что вещей для продажи они с собой не привезли.

А на деле оказалось другое. Их задержали возле комиссионного магазина, где они через подставных лиц сдавали для продажи костюмы, платья и другие вещи иностранного производства.

— Почему вы нарушили законы нашей страны? — спросил начальник таможни.

— Мы везли с собой много вещей для подарков и не собирались их продавать,— ответил на ломаном русском языке турист с русской фамилией.

— Но вы пытались их продавать.— Начальник таможни говорил по-английски.

— Да, конечно...

— Почему же вы, господа, не указали в таможенной декларации о наличии у вас предметов, предназначенных для продажи? Законы вашей страны в этом отношении похожи на советские таможенные законы, и вы должны знать их.

— Мы не думали продавать... Нас просили продать...

— Но вы ведь их продавали. Этого вы не отрицаете?

— Нет.

— В связи с тем, что вы нарушили советские таможенные законы, скрыв от таможенных органов наличие у вас предметов, предназначенных для продажи, мы вынуждены привлечь вас к ответственности. Вы признаетесь виноватыми в контрабанде. Обнаруженные у вас вещи конфискуются. Вы меня поняли?

— Да.

— Имеются ли у вас какие-либо претензии к таможне?

— Претензий нет...

— Кроме конфискованных, у вас осталось более двадцати костюмов. Прошу вас дать расписку в том, что вы не будете их продавать и увезете эти костюмы обратно.

Такая расписка была дана, и незадачливые туристы, пытавшиеся превратить свою автомашину в магазин на колесах, покинули пределы нашей страны, оставив о себе память в «Деле контрабандистов».

Тунеядец «Крюк»

Их можно встретить возле гостиниц, где останавливаются иностранцы. Они ищут легкой жизни и больших денег от скупки старых штанов с иностранной этикеткой или иностранной кофты, пусть рваной, но с яркой наклейкой «Сделано в...».

Тунеядство — цель их жизни. Но подлинное лицо свое они тщательно скрывают от окружающих, зная, что в нашем обществе не может быть места плутам и пронырам, сменившим честный труд на торгашество и мошенничество. Поэтому они избирают себе клички, как воры и бандиты, вроде «Иезуита», «Гнома», «Рыжего», «Гришки-лошади».

Среди них «Крюк» считался самым отпетым и заядлым проходимцем.

Передо мной дело о контрабанде Крюковой Тамары Эльмаровны. Это жена и помощница Крюка — такова была кличка двадцативосьмилетнего Валентина Васильевича Крюкова. Дело составлено Ленинградской таможней еще в 1957 году, когда еще только начиналась «деятельность» супругов.

Вот как сама Крюкова описала свое падение:

«Вечером я вышла с мужем из магазина на Невском и встретила случайно четырех иностранцев: двух мужчин и двух женщин. Они продали мне пальто, и я его купила. Потом я купила у них еще две пары часов. У других иностранцев я купила чулки и косынку...»

— Вы где-нибудь работаете?

— Нет.

— А муж?

— Он лаборант Технологического института.

Прошло несколько лет. Крюков, успевший превратиться в Крюка, бросил работу, окончательно покатился по наклонной, стал матерым тунеядцем.

Валентина и Тамару Крюковых задержали на улице. Их внешний вид вызвал подозрение прохожих. И не удивительно: на нем было два костюма, на ней — семь кофточек и два старых платья. На всех поношенных и кое-где рваных вещах сохранились цветные наклейки.

— Скупили у иностранцев?

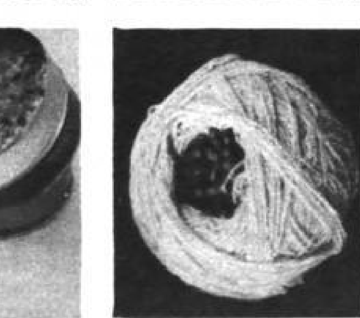
— Да...

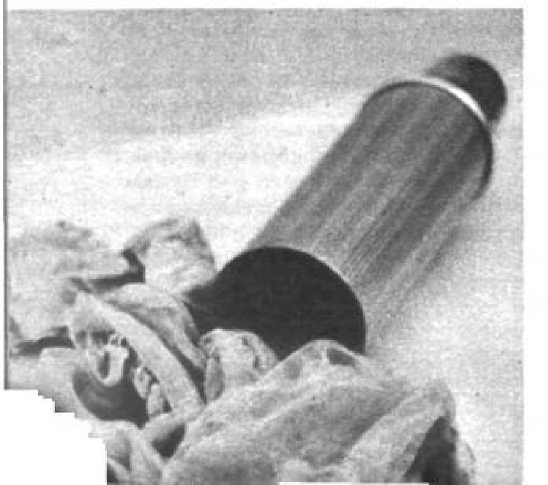
Заглянули к Крюку на дом. Дорогая мебель, хрусталь. Среди этой роскоши — целая фабрика, где штопали, латали, утюжили скупленное тряпье. Раздавались звонки, и приходили покупатели, которым сбывалась эта реставрированная рвань. Этикетки перешивались с одной вещи на другую. Людей, падких на иноземную тряпку, ловко водили за нос.

Большинство незаконно скупленных, контрабандных вещей Крюк сбывал в комиссионные магазины:

ЭКСПОНАТЫ, ХРАНЯЩИЕСЯ В ГЛАВНОМ ТАМОЖЕННОМ УПРАВЛЕНИИ

Ботинок с платиновой начинкой.

Внутренностями этого тигренка были часы и чулки.

Когда орешек раскусили...

Платиновая проволока в икре? Так можно и зубы сломать!..

Не правда ли, оригинальная упаковка для кофе?

Натюрморт «Термос и чулки».

от своего имени, от имени жены, родных, знакомых. Было проверено только пять комиссионных магазинов из двадцати шести, имеющихся в городе. Оказалось, что «фирма» сдала сюда вещей более чем на сто тысяч рублей (старыми деньгами). Вот какой размах был у контрабандиста Крюка и его компании!

Теперь Крюка поймали на крюк... Надо полагать, что в Технологическом институте, где работал Крюков, общественные организации призадумаются: «Как же так проглядели человека? А ведь видели: живет не по средствам...»

Пояс контрабандиста

Ленинградский порт. У причалов стоят корабли под разными флагами. Подъемные краны ловко подхватывают тяжелые грузовики и поднимают их на палубу, словно игрушечные. Огромные ящики выстроились в очередь перед советским пароходом в ожидании, когда стальная рука перекинет их в трюм. Работа кипела, спорилась.

На берегу слышался разноязыкий говор. Шумной толпой шли туристы, прибывшие на пассажирском лайнере.

С борта иностранного парохода сошел и направился к портовым воротам старший механик Мартин Нордфорс.

— Алло, Мартин!—крикнул ему кто-то вдогонку.— Не задерживайся! Ну, и неуклюжий же ты, черт тебя побери...

Механик с трудом повернулся всем телом в сторону говорившего и зло помахал ему кулаком.

— Ну и фигура! — крикнул один из грузчиков, когда механик проходил мимо, и громкий хохот раздался в ответ.

— Вот так моряк! Как бочка, никогда не потонет!

— Вот это живот, прямо до подбородка достает!

И действительно, у Мартина Нордфорса был необычный вид. Непомерная толщина вызывала явное подозрение. Уж не прячет ли механик что-нибудь под костюмом?

Подошедший таможенник вежливо предложил:

— Придется посмотреть...

Так появился на свет пояс контрабандиста. Он охватывал голое тело шведского механика и оказался туго набитым... евангелиями.

— Вы говорите по-русски? — спросили Мартина.

— Нет,— ответил он.

— Почему же евангелия на русском языке? — На небольших книжках значилось, что они изданы в Вашингтоне и отпечатаны в шведской типографии в 1958 году.— Почему у вас их так много? Кому они принадлежат?

— Мне.

— Но так много одному человеку, да притом еще не владеющему русским языком?!

Мартин Нордфорс молчал. Все ясно: он пытался тайком пронести для продажи запрещенную к ввозу в больших количествах религиозную литературу.

Таможенники проверили архивные дела контрабандистов. Да, механик уже уличался в контрабанде. Некоторое время назад Нордфорс посетил Советский Союз в качестве туриста. Он приехал на своей автомашине, которая, как выяснилось вскоре, тоже была набита евангелиями. Их конфисковали.

— Придется и сейчас сделать то же самое,— сказали таможенники.

— Не возражаю...— Потом, подумав с минуту, добавил: — Только прошу вернуть пояс!

— Нет, не вернем: пояс — орудие контрабанды и, бесспорно, подлежит конфискации!

Пожалуй, это больше всего опечалило Мартина Нордфорса.

Дядюшки и тетушки

— Вспоминается мне,— рассказывал начальник таможни,— как недавно в Ленинград приезжала одна американская туристка, госпожа Реймерсен. Вот у нее был багаж так багаж!..

Носильщики измучились, таская огромные, тяжелые сундуки и чемоданы. Подсчитали — оказалось 48 сундуков и тюков и 5 объемистых чемоданов, всего весом больше двух тонн.

Чемоданы туристки пропустили беспрепятственно, а сундуками таможенники, естественно, заинтересовались:

— Что в них?

— Сувениры. У меня здесь родственники, и я привезла им подарки. Я тетя! — последовал ответ.

— Не много ли? Сорок восемь сундуков!

— О-о!..

— Придется посмотреть.

— Я этого не хотела бы...

— Тогда они полежат у нас на складе в полной сохранности, и вы сможете взять их с собой обратно.

— Но я хочу их раздать родным...

— Без досмотра нельзя. Закон есть закон!

— Ну и пусть сундуки стоят. С меня за это не возьмут денег?

— Нет.

Сундуки остались в порту, занимая целый угол большого склада. А американская тетушка все не шла и не давала никаких указаний о том, что делать с ее сундуками и тюками. Так она и уехала, не распорядившись своим имуществом. Прошло два месяца, истек срок хранения багажа... «Как же быть?» — недоумевали таможенники.— Что делать с тетушкиными подарками?»

Думали-гадали и решили пригласить ее родственников, вскрыть злополучные сундуки, пусть они посмотрят их содержимое.

Так и сделали. Вскрыли и пришли в ужас. Все сорок восемь были набиты таким старьем и рваньем, что просто оторопь брала. Рваное белье и стоптанные ботинки были перемешаны со старыми банками и склянками. Ношеные и переношенные платья, заплатанные костюмы, дырявые пальто имели такой вид, что годились разве только на свалку...

Даже сами родственники американской тетушки схватились за голову, увидев такие «сувениры». О чем думала она, везя из-за океана эту рвань? Уж не хотела ли облагодетельствовать «русских бедняков»? Они, мол, босые и голодные, век не забудут тетушкиной «доброты». Потом, возможно, убедившись, что родственники-то живут в полном достатке, устыдилась своих «сувениров» и бросила их на произвол судьбы: от греха подальше.

— Выбирайте, что вам понравилось,— сказали таможенники родственникам.— Берите все сорок восемь!

— Что вы, что вы! — завопили те.— К чему нам этот утиль?!

И, порывшись в хламе, отобрали себе из всей груды только один брезентовый мешок и один термос: вероятно, на память об этом курьезном случае. И выдали расписку в том, что они согласны взять только эти две вещи из всех 1 700 килограммов, оставленных тетушкой на таможне и подлежащих уничтожению по санитарным соображениям.

В этот день ярко пылал костер во дворе Ленинградского порта. Это сжигали заокеанские сувениры, в том числе 131 пару старой и рваной обуви.

Так окончилась эта некрасивая история: и контрабанда — не контрабанда, и сувениры — не сувениры...

Но есть все же и такие дядюшки и тетушки, которые не прочь порой и к контрабанде прибегнуть. Я вспомнил небольшой музей на Комсомольской площади в Москве — это музей Главного таможенного управления. Немало его экспонатов рассказывает о том, как иные зарубежные родственники пытаются спрятать в почтовых посылках вещи сверх тех, которые они перечислили в декларации.

— Видите дамскую шляпку? — показали мне в музее.— Шляпа как шляпа, хотя и от американского дядюшки. Но таможенников заинтересовал бантик, приколотый сбоку. Он как будто слишком толст. Так и есть: в нем спрятаны часики.

Или вот — красивый тигренок. Заграничные «благодетели» прислали его не как игрушку: они вспороли тигренку живот и запрятали туда трое часов и три пары чулок, чтобы не платить за них пошлину. Не больно-то щедрые дядюшки! И зачем только шлют они контрабандой часы — самые обыкновенные, ничем не примечательные, многим хуже тех, которые выпускает наша промышленность?! Не знают, видимо, дядюшки и тетушки, что советские часы давно завоевали мировую славу. Ведь некоторые заокеанские туристы сами не прочь контрабандой вывезти советские часы из нашей страны. В музее немало тому примеров. Вот коробка из-под духов с двойным дном: в ней были спрятаны советские часы для вывоза за границу.

БАНДНЫЕ

Я. МИЛЕЦКИЙ

Идет таможенная проверка груза.

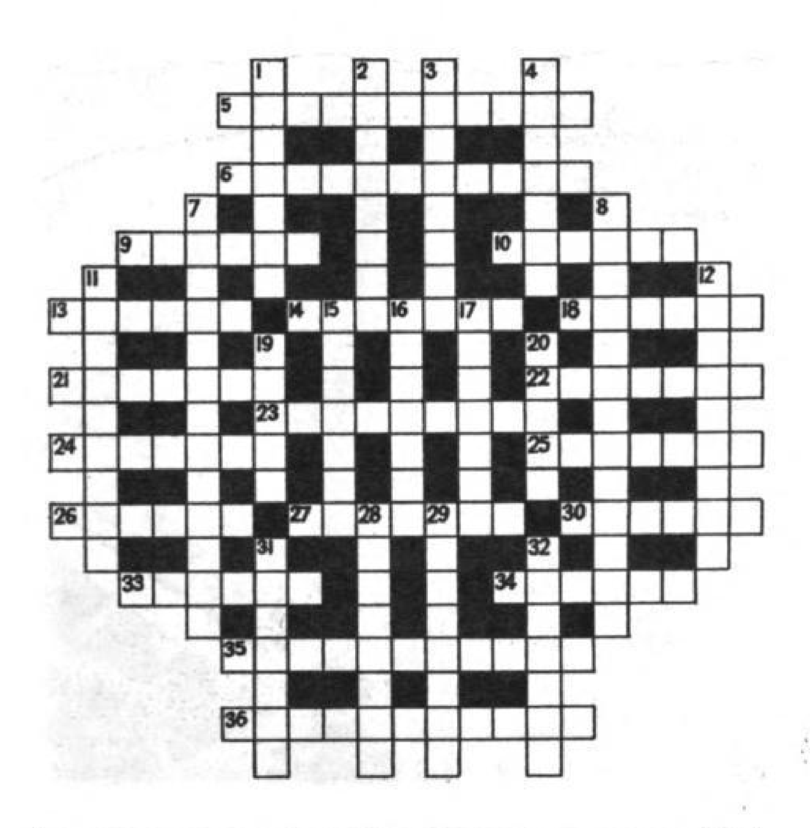
Добро пожаловать!

Работа у таможенников трудная, тонкая и хлопотливая. Прежде всего нужно соблюсти закон и не дать возможности контрабанде просочиться через таможенный барьер. Но сделать это надо с тактом, осторожно и умело: не обидеть невинного, не дать поблажки виновному.

Особенно много работы летом, когда чуть ли не ежедневно прибывают пассажирские пароходы с туристами и на каждом из них человек по пятьсот. Порой таможенники ночью отправляются на катере навстречу пароходу и в открытом море переходят на его борт. В пути и совершается таможенный досмотр с тем, чтобы, прибыв в порт, туристы не теряли времени.

— Не каждую ночь и выспишься вволю,— рассказывал начальник таможни,— но мы не жалуемся. Всем, кто приезжает в нашу страну, мы гостеприимно говорим: «Добро пожаловать!» Нас радует, что число туристов неизменно растет и что, покидая наш город, они восхищаются его красотой, радушием советских людей.

В течение прошлого года через Ленинградскую таможню прошло около тридцати тысяч человек. Ленинградский порт принял более двух тысяч иностранных грузовых судов со всех концов земли. Еще одно свидетельство необычайно возросших внешнеторговых связей СССР.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Центр автономной области. 6. Полиграфическое воспроизведение картины. 9. Игра деревянными шарами. 10. Автор памятника Минину и Пожарскому. 13. Оптическое стекло, линза. 14. Рассказ А. П. Чехова. 18. Одновременное звучание. 21. Примечания к тексту пьесы. 22. Однородная жидкая смесь. 23. Государство в Латинской Америке. 24. Форма стихотворения. 25. Меткий стрелок. 26. Металлический сплав. 27. Стенка набережной, моста. 30. Город в Псковской области. 33. Мощный осветительный прибор. 34. Ягодный кустарник. 35. Часть речи. 36. Персонаж романа М. А. Шолохова «Поднятая целина».

По вертикали:

1. Степная птица. 2. Вид живописи. 3. Аттракцион. 4. Средний уровень воды в водоеме. 7. Музыкальное учебное заведение. 8. Режиссер, педагог, теоретик театра. 11. Автор картины «Конец Бородинского боя». 12. Молочный продукт. 15. Летняя пристройка к зданию. 16. Суждение, содержащее два исключающих друг друга положения. 17. Французский поэт-песенник. 19. Приток Иртыша. 20. Стиль плавания. 28. Предприятие общественного питания. 29. Кошелек. 31. Краткое изложение содержания книги, статьи. 32. Мужской голос.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 20

По горизонтали:

7. Кларнет. 8. Швартов. 9. Пеночка. 11. Цилиндр. 12. Реле. 13. Чили. 14. Айни. 15. Полистирол. 19. Стеклограф. 22. Фойе. 23. Алей. 24. Овца. 25. «Кочегар». 27. Дальтон. 29. Финикия. 30. Лопатка.

По вертикали:

1. Сложение. 2. Кривошип. 3. Беляк. 4. Иваси. 5. Оригинал. 6. «Бородино». 10. Архитектор. 11. Целиноград. 16. Опыт. 17. Охра. 18. Головнин. 19. Селекция. 20. Фальстаф. 21. Бероунка. 26. Аршин. 28. Ажгон.

На первой странице обложки: Валерий Брумель.
Фото Дм. Бальтерманца.
На последней странице обложки: У финиша.
Фото А. Бочинина.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

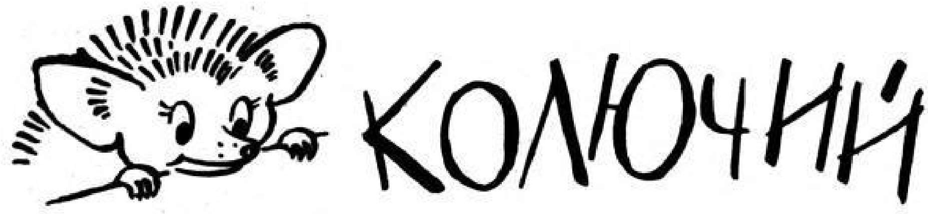
Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 05222. Подписано к печати 17/V 1961 г.
Формат бум. 70×108 1/16. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1 850 000. Изд. № 1003. Заказ 1264.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ПУТЕШЕСТВЕННИК

Еж был каракумский, с настороженными ушами. В Каракумах всегда надо быть начеку, ведь это не подмосковный ельник. Много врагов у безобидного колючки-ежика: и шакалы, и лисы, и змеи. Но особенно не стало житья ежу от бульдозеров: день и ночь они скрежещут, ни спать, ни охотиться не дают. Шел, шел еж и неожиданно наткнулся на водную преграду — канал.

Подошла к воде черепаха. Глянули зверьки друг на друга — и оба испугались. Черепаха спрятала голову в панцирь и помалкивает, а бедняга-путешественник попятился и свалился в воду. Понесли его волны. Вокруг белая пена кипит, не выбраться ежу...

Спас пловца строитель. Еж сразу же доверился ласковым рукам, опустил иголки. Посидел еж на мягком сиденье бульдозера, подсох на солнце. Понюхал блокнот, авторучку и снова пустился в путь.

И. ГРИЧЕР

Почему мы так говорим

ТОМАТ, КАКАО, ШОКОЛАД

Знаете ли вы по-ацтекски хоть одно слово? Вы скажете, что даже на вопрос, кто такие ацтеки, не сразу ответишь. А между тем у нас есть слова, пришедшие из самых отдаленных экзотических языков и «обжившиеся» в нашем языке.

Во время второй мировой войны австралийские и американские войска вели бои против японцев, захвативших Новую Гвинею. В нашей литературе уже рассказывалось, как американцы были буквально поражены тем, что многие слова папуасов, населявших остров, звучат совершенно по-русски: гвозди, спички, тапор (топор), бритва, гугрус (кукуруза), сапог, арбус (арбуз). Оказалось, что выдающийся русский исследователь Н. Н. Миклухо-Маклай в 1871—1872 и 1876—1877 годах жил здесь среди папуасов на берегу, носящем теперь его имя. Папуасы полюбили ученого, дружили с ним. Он впервые познакомил их со многими вещами и с русскими названиями их, потом вошедшими в папуасский язык.

Переходя из языка в язык, слова иногда совершают длительные путешествия. Вместе с новыми вещами идут и новые слова, называющие эти вещи. Когда к нам впервые попали ананасы, с ними прибыло (из языка гуарани, из Бразилии) и слово «ананас». Правда, большинство таких «заморских» слов приходило к нам не прямо, а через посредство французского (куда они часто приходили из испанского) и других западноевропейских языков.

Много таких слов переходило к нам книжным путем — из описаний дальних путешествий.

Из карибских диалектов у нас слова «гамак» и «ураган»; из перуанских — «кондор» и «ягуар», из малайских — «бамбук» и «саго», из языка кечуа — «хина».

А на вопрос, с которого мы начали заметку, знаете ли вы какое-нибудь ацтекское слово, мы ответим за вас: да, знаете — томат, какао, шоколад.

НЕЙТРАЛИТЕТ

Имена существительные принадлежат к одному из трех грамматических родов: мужскому, женскому и среднему. Деление по родам в принципе было основано на делении полов. Род многих слов сложился исторически и не всегда поддается объяснению на основании фактов современного языка. Во многих западноевропейских языках слова для обозначения третьего (у нас называемого средним) рода были образованы от названия этого рода в латинском языке — нейтралис.

В латыни было слово «утер», означавшее примерно «один из двух». С отрицанием «не, нек» (не) слово «неутер» значило: «ни один из двух», «ни тот, ни другой».

Это дало не только название среднему роду. Все образованные позднее слова, связанные с этим «неутер», сохранили и в других языках основной смысл «ни тот, ни другой» — нейтральный, не примыкающий ни к той, ни к другой борющейся стороне; в химии нейтральный — не дающий ни щелочной, ни кислотной реакции; нейтрон — материальная частица ядра атома, не имеющая ни положительного, ни отрицательного электрического заряда.

И. УРАЗОВ

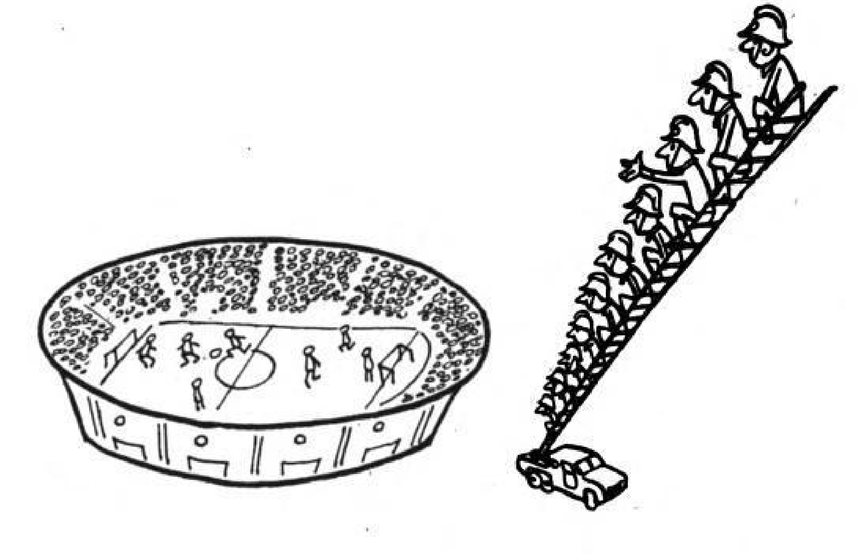

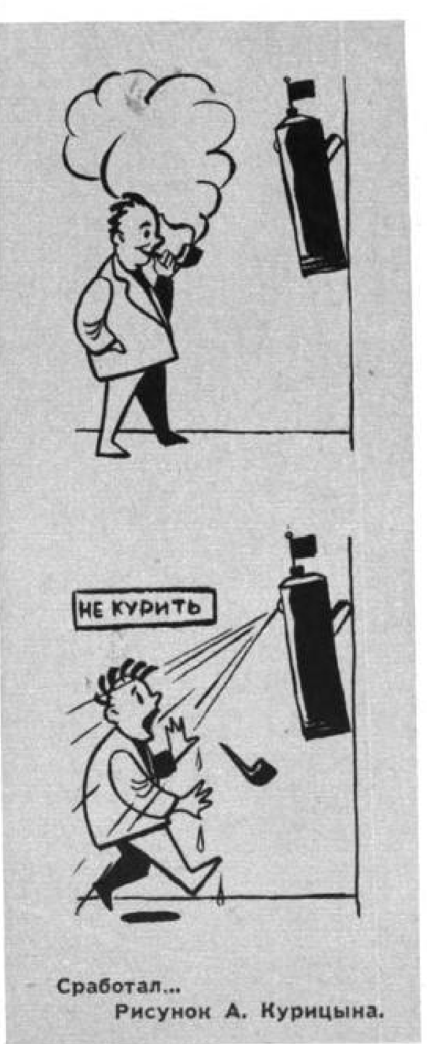
— Надеюсь, игра будет корректной?..
Рисунок Г. и В. Караваевых.

Когда стадион полон.
Рисунок Р. Овивяна.

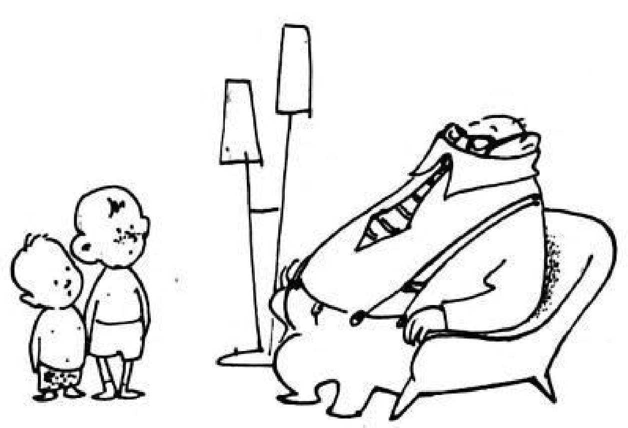
— Это наш сосед. Он вечно что-нибудь забывает.
Рисунок В. Севрюгова.

Сработал...
Рисунок А. Курицына.

Любит точность.
Рисунок Вл. Гальбы.

В семье философа
— Опять папа ушел в себя...
Рисунок Г. и В. Караваевых.

Цена номера 30 коп.

